

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

1/2015 (27)

ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 7

Апатиты
2015

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

1/2015 (27)

издается с декабря 2010 г.

УДК 621.314

ISSN 2307-5252

ISBN 978-5-91137-301-6

Кольского научного центра

Ответственный редактор –
д.г.-м.н., проф. В.П. Петров

Заместитель главного редактора:
д.т.н., проф. Б.В. Ефимов

Редакционный совет:
академик Г.Г. Матишов,
академик Н.Н. Мельников,
чл.-корр. В.К. Жиров,
чл.-корр. А.Н. Николаев,
д.г.-м.н. Ю.Л. Войтеховский,
д.э.н. Ф.Д. Ларичкин,
д.т.н. В.А. Маслобоев,
д.г.-м.н. В.П. Петров (ответственный редактор),
д.т.н. В.А. Путилов,
д.ф.-м.н. Е.Д. Терещенко,
к.г.-м.н. А.Н. Виноградов (отв. секретарь)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
выпуск 7

Редакционная коллегия серии
«Гуманитарные исследования»:
д.г.-м.н. В.П.Петров (отв. редактор),
д.и.н. И.А.Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И.Ю.Винокурова,
д.филол.н. Н.В.Дранникова,
к.филол.н. Н.Н.Измоденова,
к.социол.н. Э.С.Клюкина,
д.э.н. Т.П.Скуфьина,
д.и.н. П.В.Федоров,
к.и.н. О.В.Шабалина,
к.и.н. О.А.Бодрова (секретарь)

184209, Мурманская область, г.Апатиты, ул. Ферсмана, ул. 14,
Кольский научный центр РАН
Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Федерального государственного бюджетного учреждения науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2015
© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Кольского научного центра Российской академии наук, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Змеева О.В., Сулейманова О.А. «Север подставил плечо»: размещение и трудоустройство украинских «братьев» в Мурманской области.....	7
Бодрова О.А. Этнокультурный облик Кольского Севера в периодических печатных изданиях (на материале журналов постперестроечного периода).....	29
Разумова И.А. В условиях «духовного кризиса» и «информационной войны»: о ритуале прощания с моряками «Курска».....	47
Бусырева Е.В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области.....	59
Шабалина О.В. Из истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о.Диксон в 1916 г. (по материалам Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН).....	76
Петров В.П., Саморукова А.Г., Токарев А.Д. Одно из нереализованных направлений комплексного использования полезных ископаемых Кольского полуострова – плавильные магниевые фосфаты: от идеи до опытно-промышленных испытаний.....	91
Дюжилов С.А. Институционализация науки на Кольском Севере в 1920-1930-е годы: приоритеты, достижения и проблемы.....	100
Макарова Е.И. Источники по истории институционализации науки в Евро-Арктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930-1950-е гг.).....	110

Белишева Н.К., Михайлов Р.Е., Каспарьян Ж.Э., Петрашова Д.А., Мартынова А.А., Пряничников С.В., Завадская Т.С., Соловьевская С.А., Пожарская В.В., Цыпышева О.Б.	Влияние социально-экономических условий на оценку качества жизни представителей городского и сельского населения Кольского Севера.....	119
Вицентий И.В.	Соотношение ценностей и установок политической толерантности студенческой молодежи.....	136
АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ		
Давыдова А.С.	История храмов города Кировска в устных преданиях.....	146
Обухов Я.В.	Особенности религиозной жизни г.Кировска в период с 1940-х по 1990-х гг. в представлениях прихожан.....	161
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		
Бусырева Е.В., Давыдова А.С.	Конференция «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт».....	169

Russian Academy of Sciences

1/2015 (27)

transactions

Kola Science Centre

UDC 621.314
ISSN 2307-5252

ISBN 978-5-91137-301-6

Editor-in-Chief – Prof. V.P. Petrov
Deputy Editor-in-Chief:
Prof. B.V. Efimov

Editorial Council:
Acad. G.G.Matishov,
Acad. N.N.Melnikov,
Cor. Member V.K.Zhirov,
Cor. Member A.N.Nikolaev,
Prof. Ju.L.Voitehovsky,
Prof. F.D.Larichkin,
Prof. V.A.Masloboev,
Prof. V.P.Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. V.A.Putilov, Prof. E.D.Tereshchenko,
Prof. A.N.Vinogradov (Executive Secretary)

HUMANITARIAN STUDIES

series 7

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:
Prof. V.P.Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I.A.Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I.Ju.Vinokurova,
Prof. N.V.Drannikova,
PhD (Philosophy) N.N.Izmodenova,
PhD (Sociol.) E.S.Klyukina,
Prof. T.P.Skufina,
Prof. P.V.Fedorov,
PhD (History) O.V.Shabalina,
PhD (History) O.A.Bodrova (Secretary)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79393, 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2015
© Kola Science Centre of Russian Academy of Sciences, 2015

CONTENTS

	Стр.
Zmeeva O.V., Suleymanova O.A. «North framed shoulder»: placement and employment of Ukrainian «brothers» in the Murmansk region.....	7
Bodrova O.A. The ethnocultural image of the Kola North in the periodical prints (a case study of magazines of the 1980-2000 ^{ss}).....	29
Razumova I.A. In terms of «spiritual crisis» and «information warfare»: the ritual of farewell to the sailors of the «Kursk»	47
Busyreva E.V. Destinies of families of the Finnish colonists of the Murmansk region.....	59
Shabalina O.V. From the history of the organization of meteorological and hydrological observations on Dickson Island in 1916 (based on materials of the Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS)	76
Petrov V.P., Samorukova A.G., Tokarev A.D. One of unapplied areas of complex usage of Kola Peninsula raw materials – melted magnesium phosphates – from the idea to pilot testing.....	91
Dyuzhilov S.A. Science institutionalization in the Kola North in 1920-1930 ^{ss} : priorities, achievements and challenges	100
Makarova E.I. Sources of the history of science institution in Euro-Arctic/Barents Region: From a mountain station in the Khibiny mountains to the Kola branch of the USSR AS (1930-1950 ^{ss}).....	110
Belisheva N.K., Mihaylov R.E., Kasparyan J.E., Petrashova D.A., Martynova A.A., Pryanichnikov S.V., Zavadskaya T.S., Solovevskaya S.A., Pozharskaya V.V., Tsypysheva O.B. The influence of socio-economic conditions in assessment of the quality of life of representatives of urban and rural population of the Kola North....	119

Vicentiy I.V.	The ratio of values and attitudes of students political tolerance.....	136
---------------	---	-----

POSTGRADUATE NOTEBOOKS

Davydova A.S.	History of Kirovsk temples in storytelling.....	146
---------------	---	-----

Obukhow Y.V.	Peculiarities of the religious life 1940-1990 ^s according to churchgoers, Kirovsk...	161
--------------	--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Busyreva E.V., Davydova A.S.	The conference «The North-West: ethno-confessional history and historical-cultural landscape».....	169
---------------------------------	---	-----

УДК -054.73(=161.2)(470.21)

О.В.Змеева, О.А.Сулейманова

«СЕВЕР ПОДСТАВИЛ ПЛЕЧО»: РАЗМЕЩЕНИЕ И ТРУДОУСТРОЙСТВО УКРАИНСКИХ «БРАТЬЕВ» В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

Проведен контент-анализ печатной прессы городов Мурманской области (гг.Кировск, Апатиты, Мончегорск, Оленегорск, Ковдор, Кандалакша, Мурманск). Рассматриваются некоторые проблемы переселения, получения правового статуса, социальной адаптации, профессиональной ориентированности и трудоустройства бежавших на Север граждан Украины. Выявлена специфика размещения и трудоустройства разных категорий украинских переселенцев в городах области. Определены особенности использования и сочетания в СМИ понятий «беженец», «вынужденный переселенец», «гражданин Украины», «переселенец с юга-востока Украины».

Ключевые слова:

Украина, беженцы, правовой статус, добровольное и организованное переселение, миграционный опыт, адаптация, средства массовой информации, контент-анализ.

О.V.Zmeeva, O.A.Suleymanova

«NORTH FRAMED SHOULDER»: PLACEMENT AND EMPLOYMENT OF UKRAINIAN «BROTHERS» IN THE MURMANSK REGION

Abstract

Conducted content analysis of the print media of the cities of Murmansk region (Kirovsk, Apatity, Monchegorsk, Olenegorsk, Kovdor, Kandalaksha, Murmansk). Some problems of resettlement, obtaining legal status, social adaptation, professional orientation and employment of the citizens of Ukraine running to the North are considered. The specifics of placement and employment of different categories of the Ukrainian immigrants in the cities of area are revealed. The features of use and combination in the media of the concepts «refugee», «the forced migrant», «the citizen of Ukraine», «the migrant from the south-east of Ukraine» are defined.

Key words:

Ukraine, refugees, legal status, voluntary and organized resettlement, migration experience, adaptation, mass media, content analysis.

«Чем Вам запомнился год?», «Какое событие стало главным в уходящем году?», – такие блиц-опросы нередко проводят специалисты социологических и психологических центров, сотрудники популярных журналов и газет. Подобный вопрос задавали в декабре 2014 г. и журналисты малых городов Мурманской области. Так, в Ковдорской городской газете представлены ответы на следующий вопрос: «Какие политики, люди, события, книги, фильмы претендуют называться самыми яркими в уходящем году?» [Чем нам запомнился, 2014: 4]. Из перечисленных событий позитивными, по мнению горожан, стали Олимпиада и присоединение АР Крым к России. Волнующими и тревожащими для ковдорчан явились в целом события на Украине и, прежде всего, противостояние западной и восточной ее частей, гибель мирных жителей.

К сожалению, в научной литературе пока нам не удалось обнаружить специальные работы, посвященные проблемам украинских беженцев¹. Однако исследователи не обошли стороной тему военного противостояния на Украине. Специалисты Института Европы РАН участвовали в заседании, посвященном украинскому кризису [Украинский кризис, 2014]. Эксперты пытались осмыслить происходящие процессы в соседней стране, оценивали и подводили предварительные итоги участия России в украинском кризисе, выделяя позитивные и негативные последствия для РФ, прогнозируя динамику социально-культурного, политического и экономического взаимодействия двух государств. В.П.Федоров определил кризис как один из этапов продолжения «распада Советского Союза, распада второй очереди» [Украинский кризис, 2014: 10]. Сотрудники ИЕ РАН обсуждают и причины утраты Россией влияния в Украине. Руководитель Центра украинских исследований Института Европы РАН В.И.Мироненко связывает потерю влияния России в Украине с устоявшимися отношениями народов-соседей, со сферами политического влияния России в «постсоветском пространстве», а также с представлениями россиян о жителях Украины: «...**Очень плохое знание соседней страны** <выделено автором В.И.Мироненко – О.З., О.С.>, страны настолько близкой нам, что мы только большим интеллектуальным усилием можем себя от нее отделить. Комплексным изучением Украины российская наука не занимается» [Украинский кризис, 2014: 15].

Нередко политический кризис на Украине связывают с началом новой «холодной войны», противостоянием России – Европы, России – США [Дашичев, 2014], с реализацией гуманитарных технологий поддержания политической нестабильности (см. [Горюшена, 2015]). Создание образа врага, информационная война, «идеологическая обработка населения в духе вражды к России», и, как следствие, усиление агрессивности, нетерпимости в украинском обществе, являются, по мнению, П.Я.Циткилова основными факторами обострения ситуации. Он считает, что России уже сейчас необходимо извлечь некоторые уроки:

во-первых, «всем российским миром бороться за Украину, за восстановление доверия к нам в умах и сердцах многих украинцев»;

во-вторых, «отбросить иллюзии в отношении наших союзников на Западе. Реалии таковы, что их там нет»;

в-третьих, «России <...> пора наводить порядок у себя дома, в своей экономике, в социальной сфере, формировать современную государственную идеологию» [Циткилов, 2014: 32-34].

Сейчас очень сложно оценить произошедший украинский переворот и последовавший за ним, по сути, распад государства (потеря Крыма, формирование ДНР и ЛНР), прежде всего, потому, что вооруженные столкновения продолжаются, нет возможности соответствующим образом оценить количество погибших, пострадавших, покинувших территорию Украины. В.И.Дашичев приводит только приблизительные цифры: «За четыре с небольшим месяца существования киевской хунты, с 21 февраля до июля 2014 г., были убиты сотни мирных жителей Украины,

¹ В данной статье мы не используем понятие «беженец» в строго официальном значении, обращение к термину обусловлено частым его употреблением в анализируемых текстах. В этой связи частичными синонимами становятся слова: «беженец», «переселенец», «вынужденный переселенец», «бежавший от войны», «прибывший с юго-востока Украины», «гражданин Украины», «украинец».

более полумиллиона человек покинули страну, спасаясь бегством в Россию от жестоких бомбежек и обстрелов» [Дашичев, 2014: 13].

Кольский край стал одним из многих российских регионов, принимающих украинских беженцев. Граждане соседнего государства выбирали Мурманскую область в качестве нового места жительства. Августовские газеты сообщали, что Мурманская область стала «одной из лучших в России по приему и размещению переселенцев с юга-востока Украины». При этом некоторые добровольцы настолько активно призывали пострадавших от военных действий украинцев переселиться в заполярный регион, что чиновники вынуждены были просить переориентировать их гостеприимные призывы на деятельность по оказанию помощи уже прибывшим: «На мурманском вокзале представители общественной организации раздают листовки, призывающие жителей Луганской и Донецкой областей приезжать в Заполярье. Татьяна Поронова пояснила, что возможности региона принимать, размещать и кормить беженцев ограничены. Заместитель губернатора призвала общественников максимально направить свои усилия на помощь тем, кто уже прибыл в регион – беженцам все еще необходимы одежда, канцелярские принадлежности для школьников» [Мурманская область, 2014: 3; В продолжение темы, 2014: 3].

Появление беженцев на территории северного региона не оставили без внимания печатные СМИ. Практически в каждом городе Мурманской области летом 2014 г. оказались представители «братского народа». В таких городах, как Мурманск, Апатиты, Ковдор, Мончегорск, Оленегорск, Кировск и других, организованы пункты временного размещения; предприятия некоторых городов были готовы трудоустроить беженцев. Городские газеты не только размещали рекламу с призывом оказать помощь украинцам, но и публиковали статьи, в которых представлены:

- истории бегства жителей восточной Украины в РФ;
- миграционный опыт и выбор городов Мурманской области;
- биографии некоторых переселенцев;
- рекомендации, советы и разъяснения украинцам по поводу получения правового статуса, трудоустройства, проведения мероприятий, ориентированных на предоставление информации;
- вопросы размещения и адаптации беженцев и т.д.

Столь разнообразное отражение проблем и внимание к трудностям бежавших от войны украинцев в СМИ привлекло наш интерес. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются лишь некоторые аспекты адаптации граждан Украины – потенциальных жителей Заполярья. Источниками информации стали публикации региональных печатных СМИ с 1 марта 2014 по 1 марта 2015 гг. Прежде всего, еженедельных газет моногородов (Мончегорска – «Мончегорский рабочий», Оленегорска – «Заполярная руда», Кировска – «Хибинский вестник», Ковдора – «Край Света», «Ковдорчанин») и средних городов области (Кандалакши – «Вести Кандалакши», «Нива», Апатитов – «Дважды Два», «Кировский рабочий»¹). Затем мы обратились к ежедневным газетам областного центра – Мурманска («Вечерний Мурманск») и, собственно, к источнику областного уровня – ежедневным выпускам «Мурманского Вестника». Собран

¹ Обратим внимание, что газеты гг. Кировска и Апатитов часто не разделяют по принадлежности к тому или иному городу, поскольку в них обсуждаются актуальные темы одного района – Кировско-Апатитского (это связано и с исторической спецификой городов, и с современной инфраструктурой, которая их объединяет).

обширный материал, основными тематическими блоками которого стали проблемы миграции, интеграции в «северное сообщество», социальной и трудовой адаптации граждан Украины, помощи и ответственности принимающей стороны. В настоящей статье не будем обсуждать их все, а остановимся лишь на нескольких. Прежде всего, это проблемы правового статуса, размещения и трудоустройства.

«Особый» статус

Одним из последствий развития конфликта на юго-востоке Украины стал значительный поток беженцев в соседние государства. Основную часть приняла на своей территории Российская Федерация, в том числе Мурманская область. УФМС свидетельствует, что на 1 декабря 2014 г. на Кольском полуострове проживало 18 тысяч иностранных граждан, что на 34,7% больше, чем год назад [В УФМС, 2014]. Естественно, рост числа жителей в регионе, из которого уже второе десятилетие в основном выезжают «северяне», объясняется, прежде всего, политико-экономической, социальной и гуманитарной ситуациями, сложившимися в областях юго-востока Украины. При этом количество прибывших подлежало строгому расчету: «... Субъекты должны обеспечить прием не менее 20% украинских граждан ежемесячно <...> Согласно постановлению Мурманской области утверждено распределение в размере 0,34% или 510 человек» [Мурманская область должна, 2014: 3]. Участники круглого стола «Межнациональные отношения и социально-культурная адаптация мигрантов в Мурманской области», который состоялся в УФМС РФ по Мурманской области, следующим образом комментировали ситуацию: «С начала конфликта на территорию Кольского полуострова прибыло более восьми тысяч граждан Украины, из них более двух тысяч детей. Все прибывшие люди обратились с просьбой предоставить им статус о временном убежище. На данный момент более трех тысяч человек получили официальный документ на руки» [В УФМС, 2014]. Известно, что получить «временное убежище» – это значит получить возможность иностранному гражданину (или лицу без гражданства) временно пребывать на территории другого государства [Федеральный закон, URL: <http://base.garant.ru/10105682>; Признание беженцем, 2014]. Несмотря на то, что существуют правовые статусы «вынужденного переселенца», «беженца» и т.п., в региональных средствах массовой информации всех прибывших граждан с юго-востока Украины журналисты именуют «беженцами» и / или «вынужденными переселенцами». При этом статусы, так же как и обозначения «прибывшие с юга-востока Украины», «граждане Украины» и т.д., по всей видимости, используются авторами публикаций в одном синонимическом ряду. Журналисты в одной и той же статье могут обсуждать трудности получения правового статуса приезжего, используя термины, которые уже указывают на еще не утвержденный статус.

В Российской Федерации статус беженца, а также вынужденного переселенца определяется следующими законодательными документами:

- 1) Конституцией РФ (Ст. 63 и др.);
- 2) Федеральным законом «О беженцах» от 19 марта 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями)¹;

¹ Понятие «беженец» юридически закрепилось в 1951 г. в Конвенции о статусе беженцев, а также в правках и доработках в нормативном Протоколе, изданном в 1967 году, пересматривающем и дополняющем понятия «вынужденный переселенец» и «беженец». Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о статусе беженцев в 1992 году. До 1992 г. в советском государственном праве понятия «беженец» не существовало [Школяренко, 2010: 180].

3) Федеральным законом «О вынужденных переселенцах» от 19 марта 1993 г. (с последующими изменениями и дополнениями);

4) Постановлениями Правительства РФ.

В соответствии с Федеральным законом РФ от 19.02.1993 г. N 4528-I «О беженцах», «беженец» – это «лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» [Федеральный закон от 19 февраля 1993 г., URL: <http://base.garant.ru/10105682>]. А «вынужденный переселенец» – это «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка» [Закон РФ от 19 февраля 1993 г., URL: <http://base.garant.ru/10105693>]. Общим для этих категорий лиц является то, что все они в той или иной степени подвергаются либо гонениям, либо страдают от внешней враждебности. Основу различий составляет гражданская принадлежность, которая у беженцев и вынужденных переселенцев является разной. Так, беженец не является гражданином России, в отличие от вынужденного переселенца, который может иметь российское гражданство. В этом смысле проблема статуса переселенцев из Украины не может быть однозначно определена. С одной стороны, они являются гражданами соседнего государства – Украины, а с другой стороны, некоторые из них на момент переселения имели двойное гражданство.

В региональной прессе неоднократно комментировался вопрос о статусах. Так, в «Вечернем Мурманске» 5 июля 2014 г. сообщалось, что «на самом деле украинцам вовсе не обязательно становиться именно беженцами <...>. Такой статус в нашей области вообще ни одному человеку еще не давали. У тех, кто обращался с подобным вопросом в УФМС, становиться беженцем не было оснований, что выявлялось в ходе проверок» [Богданова, 2014: 5]. При этом комментарии подкрепляются материалами интервью с начальником Управления ФМС России по Мурманской области Борисом Макаревичем: «...Получение, например, статуса беженца – это весьма длительная процедура: заполнение массы анкет, дактилоскопирование и так далее. То есть человеку, который в конце концов хочет остаться здесь, найти работу и получить гражданство, выгоднее подать заявление на получение разрешения на временное проживание (РВП) и получить соответствующий статус. Затем принять участие в программе по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа, если соблюдены определенные требования,

например, специальность одного из членов семьи востребована в регионе. Далее без вида на жительство в течение двух месяцев нужно оформить российское гражданство. То есть на все про все потребуется приблизительно полгода. И для этого человеку вовсе не нужно получать статус беженца. Это, так сказать, будет лишним звеном. <...> Если человек получает статус беженца, а затем выезжает на Украину, статус будет потерян. А ведь многим действительно придется вернуться на родину. Причины могут быть разные: решить вопрос с жильем, забрать оставшихся на обстреливаемой территории родственников...» [Там же].

В 2014 г. для Мурманского региона квота на получение разрешения на временное проживание составила 170 единиц, и все были разобраны в первый же день (РВП предоставляет право на работу без получения разрешения). В июле сообщалось, что квота на РВП в Мурманской области уже закончилась, но в ближайшее время, с учетом сложившейся ситуации, ожидается очередная, в количестве 250 единиц. Но есть категории граждан, которые даже в отсутствие квоты могут получить разрешение на временное проживание. Например, к ним относятся те, чьи близкие родственники являются гражданами Российской Федерации, либо если люди сами родились в России» [Там же].

По информации от временно исполняющего обязанности начальника областного управления ФМС Льва Муравьева, в июле 2014 г. ожидалось утверждение временного упрощенного порядка определения правового статуса граждан Украины, прибывающих на территорию России, а также уже находящихся на ее территории. Речь шла о предоставлении временного убежища по групповому принципу. Это позволило быстрее оказывать необходимую помощь, а также снять напряженность в организации приема ходатайств и заявлений [В нашем доме, 2014: 1]. Так, с 10 июня в УФМС организован отдельный прием по вопросам приобретения статуса беженца и временного убежища, и приемы этой категории граждан велись без очереди, каждый случай рассматривался индивидуально. Первичные документы принимали все городские подразделения, и человеку, который прибыл, например, в Кандалакшу, Ковдор либо в любой другой муниципалитет, не было необходимости ехать в областной центр [Нуреева, 2014 (б): 1]. Газета «Хибинский вестник» от 10 июля информирует, что «в Госдуму внесен законопроект, направленный на защиту прав и интересов граждан Украины, прибывающих на территорию РФ. В документе предлагается максимально упростить порядок получения украинцами российского гражданства. Предполагается отменить ряд обязательных условий предоставления гражданства – длительный срок проживания в стране, владение русским языком, наличие законного источника дохода и так далее. Новый порядок предусматривает, что рассмотрение заявлений и принятие решений о приеме граждан Украины в гражданство РФ в упрощенном порядке будут осуществляться в срок до одного месяца со дня подачи заявления и всех необходимых документов. При этом было указано, что право оформить российское гражданство появится при условии отказа от имеющегося гражданства либо при отсутствии гражданства» [По-соседски, 2014: 2]. Также планировалось законодательно закрепить особенности трудоустройства граждан Украины на территории РФ, чтобы до получения статуса беженца или оформления гражданства жители соседнего государства смогли трудиться без разрешения на работу [Там же]. Это означает, что граждане Украины по сравнению с другими иностранными гражданами, прибывающими на территорию России, имеют соответствующие преимущества: «Справка Управления федеральной миграционной службы (УФМС) о предоставлении временного убежища приравнивается к свидетельству о предоставлении временного убежища и обеспечивает те же социальные гарантии» [Для ускорения процесса, 2014: 13].

Пребывание украинцев на территории Мурманской области интерпретируется журналистами как начавшийся процесс адаптации новых «северян». При этом новые жители вполне отвечают «традициям» Кольского Севера – переселенцы достаточно образованы, имеют соответствующую специальность (не стоит забывать о специализации промышленных городов области), они мотивированы на работу в суровых условиях и т.п.: «Человек, который получил миграционную карту на российской границе, имеет право три месяца свободно находиться на территории РФ и, если планирует вернуться, может даже не становиться на миграционный учет: он необходим только для получения определенного статуса. В Мурманскую область в основном прибывают люди, которые хотят здесь остаться на продолжительный срок. Это отличает их от многих земляков, которые сейчас находятся под Ростовом, надеясь вернуться обратно, переждав некоторое время. К нам в область едут, как правило, чтобы остаться здесь жить и работать» [Нуреева, 2014 (б): 1].

Нельзя сказать, что городские газеты игнорировали возникшие трудности и пользовались растерянностью украинцев. В некоторых СМИ практически сразу после «первой волны беженцев» размещалась соответствующая информация о возможности оформить необходимые документы: «Областное управление федеральной миграционной службы приглашает граждан Украины оформить необходимые документы для временного проживания, разрешения на работу и получения статуса беженца» [Статус беженца, 2014: 5]. В отделениях УФМС присутствовала вся подробная информация о последовательности предоставления или получения необходимых разрешений и документов, она была оперативно размещена и в газетах. В некоторых случаях прибывшим украинцам были предоставлены пошаговые инструкции о приобретении правового статуса, получении помощи и т.д. Кроме того, достаточно подробно СМИ информировали горожан о функционировании федеральных программ (например, о проекте «Соотечественники»), оформлении пенсии или инвалидности в РФ, разрешений на работу, профилактических мероприятиях (в частности, операциях «Подросток-мигрант», «Детство без слез») и т.п. (см.: [Глодева, 2015; Козлова, 2014; Памятка украинцам, 2014; Кузнецов, 2014: 15; Ефремова, 2014: 3; Управление информационной политики... (а), 2014: 2]). В достаточно большой информационный массив, связанный с вопросами получения правового статуса переселенца, включена также информация, которая нацелена на указание последовательности действий переселенцев. Городские газеты сообщали об итогах проведенных городских акций (Дни открытых дверей, встречи с руководителями предприятий, губернатором и т.д.), но в СМИ практически отсутствовала информация о планируемых мероприятиях [На пути, 2014: 3; Центры занятости, 2014: 2].

Размещение

Первые сведения о прибывших в Мурманскую область украинских граждан появились в региональных газетах в июле 2014 г. Активное перемещение украинцев из Ростовской области и Краснодарского края (именно в этих регионах первоначально оседали бежавшие от военных действий) в заполярную Мурманскую область продолжалось до октября 2014. Этот период в прессе иногда называют «первой волной переселения беженцев с Украины». В городских газетах переезд на Север первоначально аргументировался невозможностью трудоустройства и размещения всех желающих в регионах,

соседствующих с Украиной: «Тамара Новикова с мужем и дочкой приехали к нам одними из первых. Это было 16 июля. Как и остальные, женщина мало знала о Мурманской области. Но в Ростовской области, в лагере для беженцев, ей сказали, что юг России переполнен жителями Украины – работы все равно всем не хватит, и посоветовали ехать на Север» [Герчина, 2014: 1]. Вот как описан в местной газете один из эпизодов о прибывших беженцах с Украины: «В приемную входит растерянная женщина, к которой жмутся трое малышей. Им некуда идти, из вещей – два пакета и небольшая сумка. Люди спешно покинули свои дома, чтобы спастись от войны. Они устали жить в атмосфере страха и просят помощи у северян. Каждый устраивается как может. Одни действуют самостоятельно, останавливаются у родственников или друзей в надежде с их помощью переждать лихую годину и трудоустроиться, снимают жилье, но большинство рассчитывают на поддержку местных властей. Им нужна крыша над головой и, главное, работа, чтобы иметь средства к существованию» [Туда, где не стреляют, 2014: 10].

Переселение беженцев в Мурманскую область осуществлялось в два основных потока – так называемые «первую» и «вторую» волну, которые пришлись, соответственно, на летние (июль-август) и осенние (октябрь) месяцы [Быстрова, 2015 (б): 2; Обмудсмен, URL.: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pic=2014102030>]. Разделение на «миграционные волны» сопровождалось и выбором способов переезда. В газетных публикациях речь идет о двух основных способах перемещения – добровольном и организованном. Первый вариант предполагал самостоятельный переезд украинцев на Север к родственникам или друзьям, а второй – формирование организованных групп в местах локализации «беженцев» и затем транспортировку в Мурманскую область при помощи МЧС. Во вторую категорию попадали, в первую очередь, специалисты, в которых нуждается область. Прежде всего, это врачи, работники горнодобывающего производства и т.п. Для их привлечения была сформирована выездная комиссия, члены которой непосредственно взаимодействовали с беженцами в местах их первоначального размещения. Для «организованных» групп беженцев менее проблемными оказались некоторые вопросы – им был организован переезд, были предложены места для первоначального обустройства. Известно, что проживание и питание украинцев, находящихся в ПВР, оплачивалось из городского бюджета. Как сообщалось, «впоследствии затраченная сумма будет компенсирована федеральным бюджетом из расчета не более 800 рублей в день на человека» [Тимофеева, 2014: 6]. Именно представители организованной группы практически сразу после переезда имели возможность устроиться на предприятия и в учреждения городов Мурманской области после разрешения юридических вопросов, оформления правового статуса и т.д.: «Мы готовы трудоустроить всех. Большинство мужчин – горняки, среди прибывших женщин есть медсестры, а регион нуждается в медицинском персонале. У нас есть договоренности с работодателями, многих готов принять Печенгский район – Кольская ГМК и районная больница» [Управление информационной политики, 2014 (б): 2].

Фрагменты бесед и интервью журналистов с переселенцами, которые опубликованы в городских газетах, демонстрируют основные мотивы выбора данного региона. Среди доминирующих – функционирование горнодобывающей отрасли и, следовательно, возможность трудоустройства,

а также наличие знакомых и родственников. Из интервью с семьей Колмаковых, прибывших в Мурманск в июне 2014 г.: «Искали, где требуются рабочие руки, по Интернету, через группы «ВКонтакте», искали тех, кто готов зарегистрировать нас на своей жилплощади, чтобы была возможность, не откладывая трудоустроиться» [Нуреева, 2014: 1]. Для людей, оказавшихся в подобной ситуации, возможность трудоустройства, безусловно, являлась приоритетной при выборе региона. Так, прибывший из Луганска мужчина комментирует миграционную траекторию семьи: «Сначала приехали к знакомым в Ярославль. Но потом родственники из Никеля сюда позвали, мы шахтеры, уголь добывали, и здесь больше шансов работу найти. У меня, например, стаж – 17 лет проходчиком, забойщиком. У нас уже договоры с “Кольской ГМК” на руках. Помогают нам здесь, детей обещали и в школу, и садик определить» [Валамина, 2014: 1-2].

Бежавшие часто оказывались без документов, вещей и одежды, им приходилось вновь обустраивать быт. Возможность устроить детей в школу или детский сад также является немаловажным стимулирующим фактором. В СМИ представлен и такой случай: «Было все равно куда ехать: услышали, что в нашей области смогут найти поддержку. Купили билет в тот населенный пункт, до которого хватило денег. Хватило до Апатитов» [Поддубный, 2014: 3]. Причинами переезда также становились уже сформированные представления о Севере. В одной семье новосел отмечал, что «папа как-то приезжал в Кировск на лыжах кататься и город ему понравился» [Туда, где не стреляют, 2014: 10]. Естественно, многие переселенцы практиковали поэтапный переезд в новое место. Некоторые семьи переезжали поочередно – сначала отправляли на разведку кого-то из членов семьи, затем перебиралась вся семья. Из интервью с Еленой Борисовной Колисник из города Перевальска Луганской области: «У меня в Мурманске тетя, братья, сестры. Родные приютили. Сначала сюда уехала моя старшая 22-летняя дочь со своим парнем, на последние деньги сняли квартиру. Мы думали, что сами-то дома останемся, так как было более или менее спокойно. Но получилось, что месяца не прошло, как начались обстрелы, бомбежки, пришлось почти в буквальном смысле бежать от войны...» [Богданова, 2014 (б): 5]. Подобный вариант переселения часто используется так называемыми этническими мигрантами (см, напр.: [Кузнецов, 2008; Кузнецов, 2010; Дятлов, 2006]). Граждане бывших Советских республик, в частности, мигранты-азербайджанцы применяют подобную схему переезда на Север (исследования проводились в малых городах области [Змеева 2011, Разумова, Змеева, 2014]).

2 июля 2014 г. временно исполняющая обязанности губернатора Мурманской области Марина Ковтун дала поручение органам власти на уровне региона и в муниципалитетах «оказывать максимальное содействие беженцам с Украины» [Нуреева, 2014 (д): 1]. В первый же день пребывания граждан Украины на Кольской земле было организовано собрание. Его провели руководители и сотрудники различных ведомств, занимающихся помощью беженцам. Первоочередные задачи, которые находятся на постоянном контроле всех задействованных в работе штаба структур, – это обеспечение приезжающих питанием, теплой одеждой, оперативным прохождением миграционных процедур, работой, предоставлением мест в детских садах и школах, оказание необходимой медицинской помощи [Нуреева, 2014 (б): 1].

С увеличением потока переселенцев с юго-востока Украины в Мурманскую область, в городах создавались специальные штабы по оказанию помощи прибывшим. Одним из таких штабов в Мурманске разработана памятка с указанием телефонов, по которым прибывшие могут проконсультироваться по интересующим их вопросам [Ковалева, 2014: 4]. В Апатитах такой штаб был создан 17 июля 2014 г. [В помощь, 2014: 3]. В апатитской городской администрации за работу с жителями Украины отвечал Сергей Нестерук. В городе Кировске штаб возглавил И.О. Главы администрации Владимир Дядик. В состав штаба вошли представители всех служб, в которые приходится обращаться гражданам Украины для получения статуса беженца и разрешения на работу [Светлая, 2014: 3]. С целью организации временного социально-бытового обустройства прибывших с Украины утверждено распределение средств из региональной казны. Объем средств составил 17,6 миллиона рублей. Из них Мурманску выделено 12,35 млн. руб., Апатитам – 2,57 млн. руб., Кировску – 1,58 млн. руб., Мончегорску – 604 тысячи рублей [На обустройство, 2014: 2].

По данным УФМС по Мурманской области с начала 2014 г. по июль месяц в область прибыло и встало на миграционный учет 2045 граждан Украины, из них лишь 172 ребенка. Обратилось за получением РВП¹ 249 человек, оформлено 194 человека. За получением вида на жительство обратилось 83 человека, получило – 19 человек. Всего проживало по видам на жительство – 546 человек, по РВП – 646 человек. Выдано патентов – 276, разрешений на работу – 105. Гражданство России получили 118 человек. На тот момент времени в области находилось приблизительно 2000-2200 украинцев, статус был определен у 1600 человек [Богданова, 2014: 5]. Начальник Управления ФМС России по Мурманской области Борис Макаревич прокомментировал ситуацию следующим образом: «Это как раз говорит о том, что раньше люди ехали с целью поработать, а сейчас прибывают с детьми, значит – жить. Для сравнения: в 2013 г. в Заполярье приехали 1174 украинца. То есть ни о каких огромных потоках беженцев говорить не приходится» [Там же].

21 августа 2014 г. сообщалось, что «председатель правительства РФ Дмитрий Медведев подписал распоряжение об изменении региональных программ по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом» [Добровольное переселение, 2014: 2]. Изменения были внесены и в программу переселения Мурманской области. Количество человек, которые смогут переселиться в связи с новыми изменениями, указано не было. Ранее постановлением правительства РФ Мурманской области был определен прием украинских граждан в количестве 510 человек. Однако уже к середине августа число беженцев, проживающих в пунктах временного размещения, составило не менее 850 человек [Там же].

В течение изучаемого периода времени в региональных СМИ, со ссылками на УФМС по Мурманской области, сообщалась информация о количестве прибывших граждан с Украины. Для наглядности информация по некоторым городам области представлена в виде таблицы (табл.). Сразу отметим, что эти данные не отражают реальную картину количества прибывших, а лишь демонстрируют те количественные показатели, которые сообщались в анализируемых нами источниках.

¹ РВП – разрешение на временное проживание

Таблица

Численность прибывших с Украины по Мурманской области

Территориальное образование	Дата	Количество прибывших граждан
Мурманская область	5 июля 2014 г.	53 человека, в т.ч. 28 детей встали на миграционный учет [Богданова, 2014: 5]
	11 июля 2014 г.	224 человека, в т.ч. 42 ребенка [Нуреева, 2014: 1]
	начало августа 2014 г.	509 человек, в т.ч. 146 детей [Услышать близких, 2014: 2]
	7 августа 2014 г.	726 человек [Вознесенская, 2014: 3]
	15 августа 2014 г.	654 взрослых и 200 детей [Беженцев в обиду не дадут, 2014: 2]
	октябрь 2014 г.	Около 6500 чел, в т.ч. около 1500 детей [Как живет в Заполярье, 2014: 2].
	с июля 2014 г. по март 2015 г.	4850 беженцев с Украины, в т.ч. 1132 ребенка [Нуреева, 2015: 1]
Мурманск	3 июля 2014 г.	«...В Мурманск прибыли сотни беженцев из восточных районов Украины. Точную цифру пока назвать сложно, известно только, что людей больше полутора тысяч. Большинство из них – мамы с детьми» [Акция «Вечерки», 2014: 2]
	16 июля 2014 г.	«...Спецборт доставил в Мурманск еще 69 граждан Украины, в том числе 24 ребенка» [Герчина, Чернова, 2014: 7]
Апатиты	17 июля 2014 г.	11 человек [В помощь беженцам, 2014 (а): 3]
	24 июля 2014 г.	48 человек официально обратились в администрацию [В помощь беженцам, 2014 (б): 6]
	21 августа 2014 г.	166 человек, из них 38 детей [Котляренко, 2014: 13]
	16 октября 2014 г.	161 человек, в том числе 43 ребенка [Станкевич, 2014: 1]
Кировск	28 августа 2014 г.	«...В администрацию Кировска обратилось 148 беженцев из Украины (49 семей)» [Тимофеева, 2014: 6]
Мончегорск	5 августа 2014 г.	«...На 5 августа насчитывалось 88 временных переселенцев с Украины, в том числе 35 человек прибыли организованной группой по квоте <...>, остальные 53 человека приехали к родственникам» [Смелкова, 2014: 2]
	август 2014 г.	35 человек [Попович, 2014: 3]
	12 сентября 2014 г.	125 человек [Попович, 2014: 3]
	июль-декабрь 2014 г.	Всего – 177 граждан [ЦЗН Мончегорска, 2015: 2]
Ковдор	2 июля 2014 г.	«Всего 27 человек, в том числе 11 детей» [Быстрова, 2014 (в): 4]
	август 2014 г.	«3 августа Ковдор принял еще 32 беженца с Украины <...>. Сегодня в городе находится уже более 120 беженцев» [Андросова, 2014: 2] «Сегодня их 124 человека» [Быстрова (а), 2014: 4]
Оленегорск	август 2014 г.	«На сегодняшний день в Оленегорск прибыли 97 человек с юга-востока Украины, из них 28 детей» [Помощь братскому народу, 2014: 2]
	ноябрь 2014 г.	«По состоянию на 15 ноября в Оленегорск прибыли 178 граждан Украины» [Штепенко, 2014 (а): 2]. «Из 178 человек 36 прибыли в составе двух организованных групп и были заселены в пункт временного размещения...» [Штепенко, 2014 (б): 3]

С июля 2014 г. в 11 муниципалитетах Мурманской области было развернуто 17 пунктов временного размещения, которыми воспользовались порядка тысячи человек [Украинским беженцам..., URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1900932.html>]. Так, в самом Мурманске с июля 2014 г. было развернуто 6 таких пунктов. В Постановлении от 26.08.2014 № 2760 «О внесении изменений в приложение к постановлению администрации города Мурманска» от 25.07.2014 № 2391 «Об определении пунктов временного размещения лиц, вынужденно покинувших территорию Украины, на территории муниципального образования город Мурманск» приведен перечень пунктов временного размещения лиц, вынужденно покинувших территорию Украины, на территории муниципального образования город Мурманск: 1) г.Мурманск, ул.Свердлова, д.10, корпус 4; 2) г.Мурманск, ул.Сафонова, д.18; 3) г.Мурманск, ул.Подгорная, д.41; 4) г.Мурманск, ул.Траловая, д.6а; 5) г.Мурманск, ул.Домостроительная, д.18; 6) г.Мурманск, пер.Водопроводный, д.7/1 [Постановление Администрации города Мурманска, 2014: 16].

В Кировск первая организованная группа «беженцев» прибыла по квоте 31 июля 2014 г. Людей поселили в пункте временного размещения – в частной гостинице на базе Центра лавинной безопасности: «Конечно условия там не совсем домашние, но, учитывая обстоятельства, вполне пригодные для жизни: номера комнатного типа, общая столовая, туалеты и душевые находятся на этаже, помещение для стирки в подвале» [Тимофеева, 2014: 6]. В дальнейшем жилье для переселенцев выделялось на основе коммерческого найма и на условиях коммунальной квартиры, как правило, в микрорайоне Кукисвумчорр, в поселках Коашва и Титан [Тимофеева, 2014: 6]. Так, в октябре 2014 г. сообщалось, что 31 семья (112 человек), прибывшая из Украины, обеспечена жильем. Семьям предоставлено жилье из муниципального фонда на условиях коммунального проживания – трех-четырёхкомнатные квартиры, расположенные в Кукисвумчорре и Коашве [Расселены и трудоустроены, 2014: 5]. В микрорайоне Кукисвумчорр ранее квартиры пустовали, так как очередники отказывались туда въезжать. Квартиры большие, стометровой площади. Украинцы соглашались заселяться в них даже по две семьи в квартиру [Туда, где не стреляют, 2014: 10]. Инна Погребняк, первый зам. главы администрации Кировска подчеркнула, что расселение беженцев никак не повлияет на социальную очередь на жилье [Котляренко, 2014:13].

Пунктами временного размещения в городе Апатиты стали школа-интернат № 7 с ее базой в поселке Белореченский (улица Сосновая, д. 21, бывшая коррекционная школа), а также гостиница «Аметист». Кольский научный центр предоставил общежитие на ул.Ферсмана, д.2. Кольский медицинский колледж также выделил комнаты в общежитии. Заместитель председателя Совета депутатов Павел Чуфырев в конце августа 2014 г. так прокомментировал ситуацию с размещением прибывших из соседней страны: «Что касается жилья, то речь не идет о квартирах муниципального фонда. Сейчас откликнулись строительные фирмы-спонсоры, которые делают косметические ремонты в комнатах бывшего общежития КФ ПетрГУ на Бредова, 13. Выделено порядка 40 комнат» [Там же].

Вот как описаны условия жизни переселенцев: «В комнатах, где живут сейчас беженцы, есть кровати, шкафы, занавески. Также в здании на улице Сосновой имеются душевые, подсобные комнаты с утюгами и гладильными досками, стиральными машинами и сушилками. На кухне, кроме большой плиты, – холодильники, микроволновые печи. Есть игровая комната для детей, спортзал» [Герчина, 2014: 1]; «В бывшей школе-интернате имеется все необходимое,

чтобы устроиться на первое время: чистые комнаты, оборудованные на этажах кухни, душевые, внизу – спортивный зал, на улице – спортплощадка. Ни то, ни другое по вечерам не пустует: и взрослые, и дети с удовольствием там занимаются. Все помещения уютны, хорошо отремонтированы» [Кабыш, 2014: 3].

В конце января 2015 г. в Апатиты приехали две семьи (три женщины и четверо детей) из района города Дебальцево. В обеих семьях – маленькие дети. Самой младшей, Насте, 2 февраля исполнилось три месяца. Разместились они в 12-метровой комнате бывшего общежития на улице Бредова. «Хозяйка, Светлана, приехала в Апатиты еще в июле – здесь у нее были давние знакомые. Вместе с ней сын с семьей. Сейчас к ним присоединились еще один сын с женой и детьми, семи и пяти лет, а также племянница с мужем, трехлетним сыном и крошечной дочкой» [Балабкина, 2014: 1]. Интервью со Светланой наглядно демонстрирует условия, в которых этим семьям приходится проживать на новом месте: «Вы только не обращайте внимания на беспорядок, у нас тут везде вещи и матрасы <...>. В комнаты, которые выделили ребятам, пока въехать невозможно, там нужен ремонт, да и документы еще не оформлены. К тому же где-то нет света, где-то – раковины, двери разбиты». Женщины также рассказали, что оставить свои квартиры решились ради детей. Потому что никакие ремонты, пластиковые окна и мебель не стоят их жизни и здоровья и это ужасно, когда дети начинают заикаться от страха [Балабкина, 2014: 1, 4]. В газете «Дважды Два» были опубликованы фотографии общежития (рис.1, 2).

Рис.1. «Стены и крыша для беженцев в бывшем общежитии есть...».
Фото Е.Балабкиной [Балабкина, 2015: 4]

Рис.2. «Но нет ни мебели, ни посуды, ни даже целых входных дверей...».
Фото Е.Балабкиной [Балабкина, 2015: 4]

Предоставленное жилье в пользовании переселенцев оставалось недолго. Городские газеты отмечали, что к 1 октября 2014 г. украинские беженцы должны были покинуть помещения. Так, в сентябре 2014 г., на последнем внеочередном заседании, апатитские депутаты решали вопрос о порядке предоставления жилья украинским беженцам в коммерческий найм в доме № 13 по улице Бредова (в здании бывшего студенческого общежития КФ ПетрГУ). Комнаты начали ремонтировать еще летом. Спонсорами и исполнителями выступили управляющие компании, строительные и другие организации города. На тот момент времени в общей сложности удалось привести в порядок более двадцати комнат. Сначала заселяли первый подъезд дома № 13, но только теми беженцами, которые уже нашли работу и получали регулярный заработок, чтобы иметь возможность платить за муниципальное жилье [Герчина, 2014 (б): 2]. В результате почти все прибывшие в Апатиты граждане Украины на условиях коммерческого найма были расселены в комнатах общежития КФ ПетрГУ по адресу Бредова, 13. В середине октября в этом общежитии заселили около полусотни комнат, и оно стало основным пунктом временного размещения беженцев. Одновременно был закрыт другой пункт временного размещения – в здании коррекционной школы на улице Сосновой. Несколько человек оставались жить в городской гостинице «Аметист», но их тоже вскоре переселили [Герчина, 2014 (а): 6]. Из интервью с бывшей жительницей г.Славянска Ольгой Голубевой: «С середины июля мы жили на Белоречке, а сейчас <октябрь 2014 года – О.З., О.С.>, уже вторую неделю, – в доме № 13 на улице Бредова. <...>. Мы с мужем живем в одной малосемейной комнате, сын – напротив, в комнате поменьше, а Марина с детьми – за стенкой по соседству. Жаль, что бабушка не с нами. Ей предоставили комнату в общежитии на улице Ферсмана» [Герчина, 2014 (а): 6].

В конце ноября депутатами г. Апатиты внесена поправка в положение о предоставлении жилых помещений в доме № 13 по улице Бредова, предусматривающая предоставление жилых помещений по коммерческому найму в указанном здании «гражданам Украины, которые впоследствии могут получить российское гражданство» До внесения поправки проживающие по данному адресу, став гражданами РФ, потеряли бы право пользоваться этим жильем [Миронова, 2014: 3].

В региональных газетах нередко отражаются случаи оказания помощи переселенцам северянами, в том числе сотрудниками редакции газет. Один из таких случаев приведен в газете «Вечерний Мурманск», он повествует о семье Баландиных, прибывших 23 июня 2014 г. в Мурманск из городка Снежное Донецкой области. «Украинцев согласилась приютить мурманская семья, с которой списались через Интернет. Они были уверены, что гостеприимных северян потеснить придется всего пару дней, однако дело затянулось. И пребывание двух семей с детьми в небольшой двухкомнатной квартире стало, мягко говоря, затруднительным. Тогда и пришла на помощь “Вечерка”. <...> “Вечерка” помогла семье украинских беженцев найти жилье, так как в любой момент Татьяна и Андрей Баландины с двумя детьми могли оказаться на улице. Сотрудники редакции помогли им найти необходимую мебель, холодильник и телевизор и сами доставили эти вещи по адресу. Крохотная комнатка, ставшая домом для украинцев, сразу же приобрела вид обжитой, хотя и скромной, жилплощади» [Богданова, 2014 (а): 18].

Украинцы занимают вторую позицию в этническом составе жителей области (4,3% от общей численности регионального населения). По данным переписи 2010 г. численность украинцев в Мурманской обл. составила 34268 чел. [ВНП-2010]. Журналисты утверждают, что именно земляки первыми откликнулись на призыв

о помощи. Одна из самых активных инициативных групп «Спасем Донбасс» появилась в Мурманске буквально сразу после начала событий на юго-востоке Украины [Нуреева, 2014 (а): 3].

В Мончегорске практически все прибывшие мигранты получили статус «временное убежище», дающий право на трудоустройство и получение медицинской помощи [Попович, 2014: 3]. Вот как прокомментировал сложившуюся ситуацию в Мончегорске заместитель главы города Владимир Ливдан: «Несколько семей уже переехало из пункта временного размещения в съемное жилье, в том числе в квартиры из так называемого не востребовавшегося жилья. Поясню, это жилплощадь в многоквартирных домах не в самом хорошем состоянии, от которой трижды отказывались очередники из социальной очереди. Земляки не должны волноваться, что украинским семьям перейдет жилье в ущерб северянам. Все делается в соответствии с законодательством. Беженцы оплачивают коммунальные счета за квартиры без льгот, поскольку у них нет подходящего статуса на получение государственной соцподдержки – вида на жительство, гражданства России» [Попович, 2014: 3].

Итак, во всех городах области были созданы штабы и пункты временного размещения украинских переселенцев. Некоторые помещения были отремонтированы. Большинство прибывших размещались в городских общежитиях: принадлежащих учебным заведениям, производствам либо муниципалитету. Однако часть переселенцев столкнулась с проблемой нехватки (отсутствия) жилья, многие вынуждены снимать квартиры по рыночной стоимости или пребывать в неподготовленных для жизни помещениях.

Трудоустройство

Города Мурманской области, особенно малые, имеют промышленную ориентацию. Естественно, при выборе региона украинские граждане руководствовались, прежде всего, возможностью трудоустройства. В Заполярье приезжали шахтеры, рабочие строительных специальностей. Кроме того, особую потребность область испытывает в специалистах медицинских учреждений – медсестрах, врачах и т.д. Власти области совместно с центрами занятости населения активно способствовали трудоустройству прибывших переселенцев. Проводились информационные мероприятия с целью предоставления сведений для потенциальных жителей о существующих предприятиях и организациях, предоставляющих рабочие места. Центры занятости периодически публиковали в городских газетах списки требуемых специалистов.

Особое мероприятие – ярмарки вакансий. Одна из первых ярмарок проводилась 18 июля 2014 г. в Мурманске. С целью организованного посещения данного мероприятия прибывшим украинским гражданам предлагались транспортные услуги (им предоставляли автобусы для проезда к месту проведения мероприятия): «Мы постарались сделать все максимально быстро и удобно для жителей Украины, – сообщила замгубернатора Татьяна Поронова. – Подобная ярмарка хороша еще и с психологической точки зрения: люди видят, что регион в них нуждается, соответственно, у них появляется уверенность в завтрашнем дне, уходит напряжение. Единственное, есть небольшие проблемы с медиками, поскольку им необходимо подтверждать свою квалификацию. К примеру, медсестрам для получения сертификата нужно пройти курсы в медколледже. Сложнее с врачами, им для подтверждения необходимо пройти довольно продолжительные курсы в высшем учебном заведении» [Андреева, 2014: 2]. В первой ярмарке приняли участие ведущие предприятия и организации города и области:

ООО «Мурманский агрохолдинг», филиал «35 СРЗ» ОАО «ЦС «Звездочка»¹, ОАО «Электротранспорт города Мурманска», ОАО «Отель «Арктика», ООО «Кольская пивоваренная компания «Арктика», ООО «Ловозерский ГОК», ОАО «Апатит», ОАО «Кольская ГМК», ОАО «Печенгастрой», ГОБУЗ «Печенгская центральная районная больница», ГОАУЗ «Мончегорская централизованная районная больница» и другие [Андреева, Брицкая, Нуреева, 2014: 1]. Проведенное мероприятие незамедлительно дало результат: «По образованию я медсестра, но, пока сертификат не подтвержден, ищу любую подходящую работу, – рассказала Яна Литовченко. – Поэтому заполняю анкету для устройства на работу в отель “Арктика”. Муж Денис также присматривается, обменялся контактами с группой компаний “Огни Мурманска” – возможно, будет там работать инструктором по плаванию, ведь он закончил Славянский государственный педуниверситет по специальности преподаватель физической культуры» [Андреева, 2014: 4].

В прессе представлены фрагменты высказываний некоторых потенциальных работодателей, которые обещали обеспечить жильем потенциальных работников: «С удовольствием возьмем беженцев на работу барменами, официантами, поварами, водителями. И жилье предоставим – будем снимать им квартиры», – заявил представитель ОАО «Баренц бир» Вадим Коппалин на проводимой ярмарке [Андреева, 2014: 4]. Но даже подобные предложения не являлись основанием остаться в регионе для некоторых украинцев. Из интервью с прибывшими с Украины, участвовавшими в ярмарке вакансий: «Я сейчас в отпуске. Приехала из Луганска в Мурманск к двум дочерям, надеюсь, вернусь домой, поэтому работу пока не ищу, пришла за компанию с приятельницей, – поделилась Нина Владимировна. – На Украине работаю начальником птицефабрики, коллектив меня ждет обратно». «Подобные ярмарки вакансий в Мурманске проводились неоднократно. В середине августа уже 21 работодателя из Мурманска, Кировска и Североморска предложили свыше 170 вакансий по профессиям, востребованным на рынке труда: электрогазосварщик, электрик, бетонщик, мастер дорожных работ, оператор почтовой связи, водитель, крановщик, повар, официант, фельдшер, бухгалтер и т.п. Данную ярмарку посетили более ста граждан Украины [Смогут трудиться, 2014: 2]. В конце октября участниками ярмарки вакансий стали 21 человек из числа граждан, вынужденно покинувших территорию Украины [Помогли найти работу, 2014: 2].

В Центре занятости г.Апатиты состоялось совещание по вопросу помощи беженцам, на котором присутствовали представители миграционной службы, Пенсионного фонда, ОАО «Апатит». Несколько организаций изъявили желание взять себе работников из числа приезжих. Так, заявлялось, что ООО «Техносервис» может принять 10 дежурных электрослесарей, ООО «Монолит» – 5 монтажников охранно-пожарной сигнализации, кировская больница – 10 медсестер, 10 санитарок и электромеханика [Туда, где не стреляют, 2014: 10]. Кроме того, при учреждении организована горячая линия по вопросам трудоустройства [Готовы принимать?, 2014: 2]. ОАО «Апатит» также активно включился в программу помощи беженцам с Украины: экстренно разработана программа по трудоустройству квалифицированных специалистов с Украины, утвержден перечень вакансий для приезжих. Как сообщалось 17 июля 2014 года в «Хибинском вестнике,

¹ Судоремонтное предприятие, осуществляющее свою деятельность на Северном Флоте, выполняющее комплексные ремонты кораблей и судов Военно-Морского Флота, способное осуществлять ремонт вооружения и военной техники различной номенклатуры, оборудования, систем и механизмов кораблей и судов различного назначения.

прибывших с Украины «готовы принять в первую очередь на Кировском и Расвумчоррском рудниках. В соответствии с колдоговором вновь устроившимся “полярки” будут выплачиваться в полном объеме, кроме того им компенсируют расходы на проезд до Кировска или Апатитов и найм жилья в первые месяцы, пока не выйдут на полную зарплату. Кроме того, в отделе найма персонала ОАО “Апатит” выделен работник, который занимается вопросами трудоустройства специалистов с Украины, контактирует со всеми структурами, задействованными в этом процессе, держит связь с Ростовской областью, где находятся беженцы до их распределения по регионам» [Светлая, 2014: 3].

По информации мончегорского Центра занятости на 1 июля 2014 г. безработица в городе металлургов составляла всего два процента. «Беженцы быстро поняли, что здесь все трудятся, и стали подрабатывать кто где мог: ремонтировали автомашины, трудились у дачников в поселке Риж-Губа. Чувствовалось, что в Кольское Заполярье из Донбасса приехали такие же работяги, как и северяне» [Попович, 2014: 3]. В октябре в Кировском рабочем сообщалось, что «почти все прибывшие из Украины мужчины трудоустроены. С трудоустройством женщин дела обстоят хуже, поскольку большинство из них имеют высшее экономическое или бухгалтерское образование. Этот рынок труда заполнен в Кировске своими специалистами, вакансий нет» [Расселены и трудоустроены, 2014: 5]. От трудоустройства отказываются в основном женщины с маленькими детьми, находящиеся на содержании у супругов. «Специфика сегодняшнего состояния рынка труда не оставляет беженцам большого выбора, и, в основном, они трудоустраиваются на низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие места» [Тимофеева, 2014: 6].

В Мурманской области достаточно остро обстоит дело с медицинским персоналом. Об отсутствии специалистов упоминают практически все газеты малых городов. Поэтому особого внимания удостоились работники медицинских учреждений. В газетах Мурманска, Мончегорска, Ковдора, Кировско-Апатитского района опубликованы серии статей, посвященных знаменитым и опытным специалистам (см., напр., [Рогозина, 2014: 3]), а также переселенцам из Украины, согласившимся работать в медучреждениях области [Врачи из Донбасса, 2015: 2; Врачи из Донецка, 2015: 3; Врачи прибывают, 2015: 5]. Например, «Хибинский вестник» сообщает, что семья молодых врачей из Донецка приехала жить и работать в город Кировск: «Местные власти и руководство больницы встретили перспективные кадры с распростертыми объятиями. Гостям с востока Украины понравились и условия работы, и коллектив, не испугал их и суровый северный климат. Они твердо решили получить российское гражданство и остаться в небольшом городке в Хибинах» [Сергеева, 2014: 2]. Первое время им пришлось разместиться в санаторно-оздоровительном комплексе «Гирвас» [Шишкина, 2014: 8].

Вместо заключения

Мы отразили лишь некоторые проблемы, с которыми, как правило, сталкиваются переселенцы на новом месте. В случае с вынужденными переселенцами такие, казалось бы, и так нелегкие вопросы для новоселов, как поиск жилья и работы, становятся практически невозможными для решения самими приезжими. Вместе с тем, материалы СМИ свидетельствуют, что часть «беженцев» трудоустроена, многие из них не только получили временное жилье, но и перешли на другой уровень обустройства – самостоятельный съем или покупку квартиры. Но это лишь небольшая часть. СМИ представляют далеко не все точки зрения. С одной стороны, остаются нерассмотренными вопросы оказания гуманитарной помощи, восприятия местным населением приезжих славянских «братьев», отношение к новым горожанам, трудовая конкуренция

и т.д. С другой стороны, за остротой актуальных социально-политических и экономических проблем пока во многом скрыты разнообразные биографические траектории мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев, истории распада и воссоединения семей, повседневные проблемы, а также часто болезненные процессы социальной и психологической адаптации, трансформации этнической и локальной идентичности и т.д. Все это требует более пристального внимания.

Список сокращений

АК – автономная республика
б.г. – без года
г. – год
гг. – годы
гг. – города
ГМК – горно-металлургическая компания
ГОАУЗ – государственное областное автономное учреждение здравоохранения
ГБОУЗ – государственное областное бюджетное учреждение здравоохранения
ГОК – горно-обогатительный комбинат
д. – дом
ДНР – Донецкая народная республика
др. – другие/других
зам. – заместитель
ИЕ РАН – Институт Европы Российской академии наук
и.о. – исполняющий обязанности
колдоговор – коллективный договор
КФ ПетрГУ – Кольский филиал Петрозаводского государственного университета
ЛНР – Луганская народная республика
медколледж – Медицинский колледж
млн. – миллион
МЧС – министерство по чрезвычайным ситуациям
напр. – например
ОАО – открытое акционерное общество
ООН – Организация Объединенных Наций
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
ПВР – пункты временного размещения
РВП – разрешение на временное проживание
руб. – рубль
РФ – Российская Федерация
см. – смотри
ст. – статья
СМИ – средства массовой информации
СРЗ – судоремонтный завод
т.д. – так далее
т.п. – тому подобное
т.ч. – в том числе
ул. – улица
УФМС – Управление Федеральной миграционной службы
ФМС – Федеральная миграционная служба
ЦС – Центр судоремонта

Источники

- Акция «Вечерки» // Вечерний Мурманск. 3 июля 2014. №115 (5507). С. 2.
- Андреева Е. Я бы сварщиком пошел // Мурманский вестник. 19 июля 2014. № 130 (5777). С. 2, 4.
- Андреева Е., Брицкая Т., Нуреева О. Спасибо, нам все помогают // Мурманский вестник. 17 июля 2014. № 128 (5771). С. 1.
- Андросова С. Бежавшие от войны // Ковдорчанин. 6 августа 2014. № 31 (1745). С. 2.
- Балабкина Е. Из-под обстрела // Дважды два. 30 января 2015. № 5 (1259). С. 1, 4.
- Беженцам в Ковдоре помогают // Мурманский вестник. 17 декабря 2014. № 239 (5882). С. 2.
- Беженцев в обиду не дадут // Мурманский вестник. 15 августа 2014. № 149 (5792). С. 2.
- Богданова Е. Принимать без очереди! // Вечерний Мурманск. 5 июля 2014. № 117 (5509). С. 5.
- Богданова Е. Спасаясь от войны // Вечерний Мурманск. 4 июля 2014 (а). № 116 (5508). С. 18.
- Богданова Е. Спаслись чудом // Вечерний Мурманск. 2 августа 2014 (б). № 137 (5529). С. 5.
- Быстрова И. Братская помощь, или «понаехали тут» // Ковдорчанин. 20 августа 2014 (а). № 33 (1747). С. 4.
- Быстрова И. Вторая волна с Украины // Ковдорчанин. 11 февраля 2015 (б). № 5 (1170). С. 2.
- Быстрова И. На новом месте // Ковдорчанин. 2 июля 2014 (в). № 26 (1740). С. 4.
- В нашем доме они не чужаки // Мурманский вестник. 18 июля 2014. № 129 (5772). С. 1.
- В помощь беженцам // Кировский рабочий. 17 июля 2014 (а). № 29 (12008). С. 3.
- В помощь беженцам // Кировский рабочий. 24 июля 2014 (б). № 30. (12009). С. 6.
- В продолжение темы // Мончегорский рабочий. 30 августа 2014. № 70 (11245). С. 3.
- В УФМС России по Мурманской области состоялся Круглый стол на тему «Международные отношения и социально-культурная адаптация мигрантов в Мурманской области» // Официальный сайт УФМС России по Мурманской области. 19 декабря 2014 г. URL.: <http://ufms.gov-murman.ru/news/detail.php?ID=894>.
- Вознесенская О. Собрались и приехали в Апатиты // Хибинский вестник. 7 августа 2014. № 31 (85). С. 3.
- Врачи из Донбасса // Хибинский вестник. 12 февраля 2015. № 6 (112). С. 2.
- Врачи из Донецка // Дважды два. 13 февраля 2015. № 7. (1261). С. 3.
- Врачи прибывают // Кировский рабочий. 12 февраля 2015. № 6 (12037). С. 5.
- Герчина О. Бежали от войны // Дважды два. 8 августа 2014 (а). № 32. С. 1-2.
- Герчина О. Живут и работают // Дважды Два. 17 октября 2014 (б). № 42. С. 6.
- Герчина О. Жилье для беженцев // Дважды Два. 12 сентября 2014 (в). № 37. С. 2.

- Герчина О., Чернова Н. Поможем, чем сможем // Дважды Два. 18 июля 2014. № 29. С. 7.
- Глодева А. Добровольный переселенец // Дважды два. 13 марта 2015. № 11 (1265). С. 4.
- Готовы принимать? // Хибинский вестник. 10 июля 2014. № 27 (81). С. 2.
- Для ускорения процесса трудоустройства // Мончегорский рабочий. 16 августа 2014. № 66 (11241). С. 13.
- Добровольное переселение // Хибинский вестник. 21 августа 2014. № 33 (87). С. 2.
- Ефремова А. Заполярная помощь братскому народу // Заполярная руда. 5 июля 2014. № 27 (4546). С. 3.
- Кабыш З. Совсем другая жизнь. Беженцев с Украины приняли в Апатитах как родных // Мурманский вестник. 7 августа 2014. № 143 (5786). С. 3.
- Как живется в Заполярье? // Мурманский вестник. 30 октября 2014. № 204 (5847). С. 2.
- Ковалева А. В Мурманск едут семьи из Славянска // Вечерний Мурманск. 11 июля 2014. № 121 (5513). С. 4.
- Козлова Е. Из беженцев – в пенсионеры // Вечерний Мурманск. 26 июля 2014. № 132 (5524). С. 4.
- Котляренко Н. Нам не чужие // Хибинский вестник. 21 августа 2014. № 33 (87). С. 13.
- Кузнецов И. Разрешение на работу // Мончегорский рабочий. 6 декабря 2014. № 97 (11272). С. 15.
- Миронова О. О бюджетном дефиците и сорванных планах // Кировский рабочий. 27 ноября 2014. № 48 (12027). С. 3.
- Мурманская область – одна из лучших в России по приему и размещению переселенцев с юга-востока Украины // Заполярная руда. 23 августа 2014. № 34 (4553). С. 3.
- Мурманская область должна принять 510 граждан Украины до конца 2014 года // Край света. 30 июля 2014. № 26. С. 3.
- На обустройство беженцев // Мурманский вестник. 11 декабря 2014. № 235 (5878). С. 2.
- На пути к новой жизни // Ковдорчанин. 23 июля 2014. № 29 (1743). С. 3.
- Нуреева О. Будни военного лета. Украинские беженцы уверены – в Мурманске им везет на хороших людей // Мурманский вестник. 9 июля 2014. № 123 (5766). С. 1-2.
- Нуреева О. В ответ на беду. Главная проблема – поиск жилья // Мурманский вестник. 8 июля 2014 (а). № 122 (5765). С. 1, 3.
- Нуреева О. В точке притяжения // Мурманский вестник. 15 июля 2014 (б). № 126 (5769). С. 1-2.
- Нуреева О. Жизнь с чистого листа // Мурманский вестник. 8 июля 2014 (в). № 122 (5765). С. 1, 3.
- Нуреева О. Ребенок – это главный статус. Пребывающим с Украины детям помогут пойти в школу и в детский сада // Мурманский вестник. 11 июля 2014 (г). № 124 (5767). С. 1-2.
- Нуреева О. Север ответил помощью // Мурманский вестник. 3 марта 2015. № 37 (5930). С. 1.
- Нуреева О. Север подставил плечо // Мурманский вестник. 2 июля 2014е (д). № 118 (5761) С.1.

Омбудсмен Памфилова: из-за зимы Россию может накрыть вторая волна беженцев с Украины // Официальный сайт газеты Мурманский вестник. 20 октября. URL.: <http://www.mvestnik.ru/shwpgn.asp?pid=2014102030>.

Памятка украинцам (Как получить подтверждение инвалидности) // Вечерний Мурманск. 5 августа 2014. № 138 (5530). С. 4.

Поддубный И. Доброты хватит на всех // Хибинский вестник. 24 июля 2014. № 29 (83). С. 3.

Помогли найти работу // Вечерний Мурманск. 30 октября 2014. № 200 (5592). С. 2.

Помощь братскому народу // Заполярная руда. 16 августа 2014. № 33 (4552). С. 2.

Попович Т. От войны – на край земли // Мурманский вестник. 19 сентября 2014. № 174 (5817). С. 3.

По-соседски // Хибинский вестник. 10 июля 2014. № 27 (81). С. 2.

Постановление Администрации города Мурманска // Вечерний Мурманск. 3 сентября 2014. № 159 (5551). С. 16.

Расселены и трудоустроены // Кировский рабочий. 9 октября 2014. № 41 (12020). С. 5.

Рогозина И. Белый халат надежды // Мончегорский рабочий. 13 декабря 2014. № 99 (11274). С. 3.

Рогозина И., Надежкина Д. Северяне с горячими сердцами // Мончегорский рабочий. 17 сентября 2015. № 75 (11250). С. 2.

Светлая С. Принимаем соседей // Хибинский вестник. 17 июля 2014. № 28 (82). С. 3.

Сергеева А. Хороши и больница, и горы! Северный город сразу стал родным для донецких врачей // Мурманский вестник. 4 сентября 2014. № 163 (5806). С. 2.

Смелкова Н. Главное – помочь людям «встать на ноги» // Мончегорский рабочий. 9 августа 2014. № 64 (11239). С. 3.

Смогут трудиться под мирным небом // Мурманский вестник. 16 августа 2014. № 150 (5793). С. 2.

Станкевич М. Нам некуда возвращаться // Кировский рабочий. 16 октября 2014. № 42 (12021). С. 1-2.

Статус беженца // Дважды Два. 4 июля 2014. № 27. С. 5.

Тимофеева В. Чужой беды не бывает // Кировский рабочий. 28 августа 2014. № 35 (12014). С. 6.

Туда, где не стреляют // Хибинский вестник. 31 июля 2014. № 30 (84). С. 10.

Украинским беженцам, прибывшим в Мурманскую область, не хватает «подъемных». URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1900932.html>.

Управление информационной политики и взаимодействия со СМИ аппарата правительства Мурманской области // Заполярная руда. 26 июля 2014 (а). № 30 (4549). С. 2.

Управление информационной политики и взаимодействия со СМИ аппарата правительства Мурманской области // Заполярная руда. 19 июля 2014 (б). № 29 (4548). С. 2.

Услышать близких // Мурманский вестник. 8 августа 2014. № 144 (5787). С. 2.

Центры занятости населения активно помогают в поиске работы приехавшим в Мурманскую область жителям юго-востока Украины // Заполярная руда. 23 августа 2014. № 34 (4553). С. 2.

ЦЗН Мончегорска. Кто нужен на рынке труда // Мончегорский рабочий. 21 января 2015. С. 2.

Чем нам запомнится 2014-ый // Ковдорчанин. 17 декабря 2014. № 50 (1764). С. 4.

Шишкина Т. Всерьез и надолго // Хибинский вестник. 28 августа 2014. № 34 (88). С. 8.

Штепенко А. Заседание совета // Заполярная руда. 6 декабря 2014 (а). № 49 (4568). С. 2.

Штепенко А. Принимающая сторона // Заполярная руда. 8 ноября 2014 (б). № 45 (4564). С. 3.

Список литературы

ВПН-2010. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Горюшена Е.М. Гуманитарные технологии политической нестабильности (на примере Египта и Украины, 2012-2014 гг.) // Вестник Южного научного центра. Т. 11. 2015. № 1. С. 95-104.

Дашичев В.И. Украинская трагедия и новая «холодная война» США против России // Социально-гуманитарное знание. 2014. № 4. С. 3-16.

Дятлов В.И. Торгаши, чужаки или посланные богом? (симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки). М., 2006. 256 с.

Закон РФ от 19 февраля 1993 г. N 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/10105693>.

Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. 95 с.

Кузнецов И.М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 273-288.

Кузнецов И.М. Средовые факторы формирования социально-культурной дистанции в мегаполисе. Официальный сайт ИС РАН. 2010. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1966>.

Признание беженцем и предоставление временного убежища на территории Российской Федерации. М.: Социздат, 2014. 86 с.

Разумова И.А., Змеева О.В. «Я решил жить здесь...»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. № 5 (142). Петрозаводск, 2014. С. 13-17.

Украинский кризис: экспертная оценка // Современная Европа. № 3. М.: РАН ИЕ, 2014. С. 10-34.

Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. N 4528-1 «О беженцах» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/10105682>.

Циткилов П.Я. Политический кризис в Украине конца 2013-2014 гг.: истоки и предварительные уроки // Социально-гуманитарное знание. 2014. № 4. С. 17-35.

Школяренко Е.А. Соотношение понятий «беженец» в российском и международном праве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 180-184.

Сведения об авторах

Змеева Ольга Васильевна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Сулейманова Олеся Анатольевна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Zmeyeva Olga Vasiliyevna,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

Suleymanova Olesya Anatolyevna,

Junior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre, RAS

УДК (470.21):050"1981/2005"

О.А.Бодрова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖУРНАЛОВ ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНОГО ПЕРИОДА)

Аннотация

В статье исследуется этнокультурная специфика региона Мурманской области в СМИ на материале научно-популярных журналов постсоветского периода. Проанализированы журнальные публикации при помощи дискурсивного анализа. Описаны тематика и содержание журнальных текстов, выявлены языковые способы конструирования географического и этнического образа.

Ключевые слова:

географический образ, воображаемое сообщество, СМИ, Кольский Север, саамы, поморы.

О.А. Bodrova

THE ETHNOCULTURAL IMAGE OF THE KOLA NORTH IN THE PERIODICAL PRINTS (A CASE STUDY OF MAGAZINES OF THE 1980^S-2000^S)

Abstract

The paper investigates the ethnocultural specificity of the Murmansk region in educational magazines of the 1980^S-2000^S. Magazine articles are analysed using the discourse analysis. Topics and content of the texts are described. Language means to construct both geographical and ethnic image are examined.

Key words:

geographical image, imagined community, mass media, the Kola North, the Sami people, the Pomors.

Географический образ региона [Замятин, 2003: 183] является примером так называемого воображаемого пространства [Миллер, 2001] – продукта коллективных представлений о территории, которые, с одной стороны, основаны на реальных знаниях, с другой стороны, сознательно конструируются заинтересованными силами. В качестве географического образа, образованного из совокупности наиболее важных, ярких, запоминающихся знаков, символов и мнений о каком-либо пространстве [Бочкарева, Есимова, Замятин, 2005: 31], можно рассматривать Кольский Север, которому в административно-территориальном плане соответствует регион Мурманской области.

В формировании образа Кольского Севера важной вехой стала постперестроечная эпоха, с которой связаны некоторые политические и культурные перемены в жизни государства. В начале 1990-х гг. в России произошла трансформация политического статуса регионов, которые из административно-территориальных единиц превратились в государственные образования – члены РФ, являющиеся самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей [Конституция РФ. Гл. 3. Ст. 65, URL: http://constitution.garant.ru/rf/chapter/3/#block_3000; Федеративный договор..., URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/170280/>]. С изменением нормативно-правовой базы большой геополитический интерес (прежде всего для Евросоюза) стали представлять северо-западные регионы РФ, географически связывающие Россию (с перспективой на Азию) и Северную Европу [Маркушина, 2011: 103]. В первую очередь, вышесказанное касается арктической зоны России, частью которой является Мурманская область. Одним из факторов успешного международного сотрудничества России с другими северными государствами является формирование образов общей северной идентичности, основанных на общности природно-климатических условий (суровом климате, ранимой природе), значительной удаленности от национальных центров, малой плотности населения, исторических и торговых контактах, даже генетическом родстве ряда этносов [Белобородова, URL: <http://barentsculture.karelia.ru>].

Возросшее внешнеполитическое значение Северо-Западного федерального округа РФ сопровождается рождением своеобразной политической мифологии, в соответствии с которой Россия после распада Советского Союза все чаще идентифицируется как северная держава [Маркушина, 2011: 104]. «Северность» российских северо-западных регионов и государства в целом стала не только обозначать географическое положение, но и приобрело ментально-культурные коннотации. В геополитическом аспекте «северность» ряда российских территорий, в том числе Мурманской области, отображается в политических метафорах: например, в названиях международных проектов «Новый Север»¹, «Северное измерение»², «Северный совет»³, в которых подчеркивается новый политический курс на транснациональное сотрудничество.

Концепция «северности» находит свое отражение не только во внешне-, но и во внутривнутриполитической сфере РФ. Одной из задач государственной идеологии можно считать разработку стратегии по формированию национальной идентичности среди населения, которая направлена на создание воображаемой географии, включающей в себя комплекс дискурсивных практик: идеологическое обоснование, символическое, топонимическое, художественное освоение определенной территории таким образом, чтобы общественное сознание осмысливало это пространство как часть именно «своей», национальной территории [Миллер, 2004: 270]. Конструирование русских географических и геополитических образов в императорской России выглядело как процесс формирования представлений о государстве как об особом рода географической целостности [Бассин, 2005]. То же самое можно сказать и о Советском Союзе. В XX в. произошли некоторые изменения в восприятии государственного пространства, и все чаще стало подчеркиваться, что русская культура имеет северный

¹ Концепция стратегии северных стран в мировой политике, выдвинутая исландским президентом О.Гримссоном

² Международный проект ЕС, охватывающий страны Северной Европы, Балтии, Россию

³ Организация для координации сотрудничества между парламентами стран Северной Европы

характер. Еще академик Д.С.Лихачев отметил связь между русской культурой и Севером: «Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, – это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, – он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре» [Лихачев, 2004: 3]. Можно сказать, что произошла своеобразная мифологизация северных территорий России, особенно ее северо-западных регионов, в результате которой родился культурный миф о «Русском Севере», воспринимаемом обыденным и отчасти научным сознанием как «монолитная древнерусская культура», сохранившая в «первозданном виде главные культурные достижения наших предков» [Теребихин, 2004; Белобородова, URL: <http://barentsculture.karelia.ru>].

Из всех институтов общественного мнения, которые могут влиять на массовое сознание [Андерсон, 2001], самую значительную роль в конструировании воображаемого пространства / географического образа играют СМИ, которые занимаются сбором (и отбором), осмыслением и трансляцией информации о регионе на базе относительно узкого набора тем и событий [Титков, 1999]. Ведущее значение в этом процессе, без сомнения, отводится телевидению и Интернету, однако нельзя недооценивать и печатную прессу. Согласно опросу ВЦИОМ, имевшему целью выяснить степень доверия пользователей интернета различным информационным ресурсам, люди чаще полагаются на информацию, полученную вне Интернета. Печатным СМИ доверяют 63% опрошенных. Больше количество голосов (70%) получили только выпуски теленовостей. Печатную прессу читают 77% опрошенных, электронную – только 59% [Российская периодическая печать, 2013: 43-44]. Доверие читателей печатным источникам СМИ превращает последние в мощное орудие манипуляции общественным мнением и представлениями о каком-либо регионе, в том числе о его этнокультурных особенностях. При этом пресса не только способствует формированию этнических гетеростереотипов, но и «закладывает основы самопознания и самоопределения, в том числе и национального» [Глазырин, 2011: 238-239], другими словами, влияет на этническую самоидентификацию. Некоторые исследователи рассматривают этничность как механизм, интегрирующий отдельных индивидов в единую общественную систему при помощи массовой информации. По словам исследователя глобальных коммуникаций М.Е.Прайса, «радио, телевидение, печать становятся не только поддерживающими мультиэтническую гармонию генераторами, но и опасными орудиями, способными подорвать многолетний этнокультурный уклад различных этнических общностей и привести к межнациональной напряженности» [Прайс, 2004: 25].

Для изучения публикаций СМИ обычно используется метод контент-анализа. Этот метод был применен в ряде исследований печатной прессы Мурманской области на материале газетных текстов [Давыдова, 2009; Лукина, 2007; Иванищева, 2008, 2013 и др.]. Из данных работ особый интерес для настоящей статьи представляет монография О.Н.Иванищевой, в которой была выявлена роль региональной прессы в формировании толерантного отношения жителей области к представителям других этнокультурных сообществ [Иванищева, 2008: 64]. В частности, было отмечено, что местные СМИ создают положительный образ Мурманской области как толерантного региона, в котором уживаются люди различных национальностей [Там же: 71]. При всех достоинствах метода контент-анализа хочется отметить, что, на наш взгляд, наиболее широкие возможности для изучения содержания текстов предоставляет

все же дискурс-анализ – «самый разносторонний и многообразный из всех методов, позволяющих анализировать процесс человеческого общения» [Леонтович, 2011: 104], независимо от канала передачи информации (в данном случае таким каналом является письменное сообщение) [Моль, 2008]. Именно дискурс, сложное коммуникативное явление, объединяющее интра- и экстралингвистические факторы, раскрывает в полной мере социальный мир коммуникантов, в результате которого происходит совместное творение смыслов [Дейк, 1989]. Дискурсивный анализ позволяет рассмотреть образ Кольского Севера как воображаемое пространство, а этнические группы этого региона – как воображаемые этносы, возникающие в ходе интеракции между авторами журнальных публикаций, сообщающими некую информацию, и читателями, интерпретирующими эту информацию в рамках определенных фреймов¹ [Дейк, 1989: 12-13, 16]. Представляется, что журнальные тексты имеют некоторые преимущества перед газетными материалами в силу того, что выходят в свет значительно реже газет, а значит, отличаются более основательным содержанием, хотя и с некоторыми потерями оперативной информации. Если способ подачи газетного материала способствует формированию у читателя «мозаичной», разрозненной картины мира, состоящей из иерархически не упорядоченных сообщений [Моль, 2008: 46], то журнальные тексты являются не только более объемными, но и более информативными и аналитическими. Так как они не привязаны ни к новостному поводу, ни к пространственно-временной шкале, то способны создать любой образ, например, «выстроить образ древности, занимающий центральное место в имплицитном представлении об общности людей» [Бергер, Лукман, 1995: 22] или сконструировать этнокультурный облик региона.

Материалом для исследования этнокультурной специфики Кольского Севера в СМИ послужили журналы постсоветского периода, главным образом, центральные издания, имеющие более широкий круг читательской аудитории по сравнению с региональной прессой. В источниковую базу не были включены так называемые электронные (онлайн) журналы, которые меняют отношения с читателем, стимулируя желание взаимодействовать с изданием более длительное время [Российская периодическая печать, 2013: 39], и уводят масс-медиа из пространственной во временную плоскость. Взамен типологии по критерию территории распространения, в которой выделяются центральные, региональные, муниципальные издания, электронные источники приобретают совсем другие характеристики. Кроме того, онлайн-журналы и электронные версии печатных изданий относятся, скорее, к интернет-дискурсу и поэтому остаются за рамками нашего внимания.

Наиболее важными критериями для дискурс-анализа этнокультурного облика Мурманской области в СМИ являются следующие:

- хронологические рамки;
- область распространения;
- историко-культурный контекст;
- характеристика отправителя и получателя информации;
- тематика и содержание публикаций;
- цель интеракции.

¹ Концептуальные системы, организованные вокруг некоторых концептов, которые содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциированную с тем или иным концептом

Историко-культурный контекст

Несмотря на упомянутый миф о Русском Севере, важный для формирования общерусской идентичности, исследователи все же отмечают, что европейский Север России (Северо-Западный федеральный округ РФ) никогда не являлся сугубо русской территорией, а был и остается полиэтничным регионом [Шабаев, 2010: 76], в котором, тем не менее, отмечается численное превосходство этнической группы русских. Так, на примере Мурманской области видно, что русские составляют 80,75% всего населения данного региона [Всероссийская перепись населения 2010 года, URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm], что, вероятно, и позволило им оценивать себя как доминантную этнокультурную группу, а свое окружение как культурную периферию.

На протяжении истории освоения Кольского полуострова этнический состав его жителей постоянно изменялся и усложнялся. Население этого региона принято делить на а) постоянное, к которому относятся коренные жители саамы и старожилы поморы, и б) непостоянное, включающее русских колонистов и их потомков, а также переселенцев советского, а затем и постсоветского времени. Эпоху Советского Союза можно считать наиболее статичным этапом в истории Кольского Севера, когда в целом был сформирован его этнический состав [Змеева, 2011: 20]. Процессы урбанизации, унификации образа жизни, а также идеология советского режима, ориентированная на «дружбу народов» и формирование «советского человека», привели к усилению контактов и определенному нивелированию культурно-этнических различий между представителями различных групп Мурманской области. В сознании людей закреплялось восприятие этнической идентичности как «вторичной» на фоне национальной, «общесоветской» идентичности. Распад СССР, последовавшие за ним экономический и политический кризис вызвали новую волну изменения этнического и численного состава населения. С одной стороны, названные обстоятельства привели к перманентному снижению численности жителей Мурманской области (в том числе за счет уезжающих с Севера), с другой стороны, ее этнический состав в 1990-е гг. пополнился так называемыми «новыми мигрантами» из бывших союзных республик, особенно «южных» [Там же: 22]. Напротив, потомки «старых мигрантов» (русских переселенцев из других регионов) активно стали покидать Кольский Север. Этот процесс исследователи называют «деколонизацией» [Шабаев, 2010: 76], в результате которой доля нерусских этнических групп в составе населения Русского Севера постоянно возрастает. Все вышесказанное приводит к определенным противоречиям между географическим образом-мифом (Русского Севера в целом и Кольского Севера в частности) и реальным положением дел, когда на фоне выстраивания знака тождества между понятиями «Север» и «русский» реальное северное пространство становится русским все меньше.

Суверенизация, сопровождающая распад Советского Союза, создала почву для новой актуализации этничности взамен этничности советской. Так, саамское население, этническая культура которого сильно пострадала в советское время в результате коллективизации и укрупнения поселений [Гуцол, Виноградова, Саморукова, 2007; Allemann, 2013], в перестроечную и постперестроечную эпоху приобрело более высокий статус по сравнению с другими этническими группами Мурманской области за счет возросшего этнического самосознания и тесных контактов с западными саамами. Сейчас кольские саамы стали своего рода этнокультурным маркером Кольского Севера как в туристической, так и в научной сфере [Разумова, Петров, 2005]. Отмечается высокое этническое самосознание и среди поморского

населения, которое претендует на статус самостоятельного этноса, хотя традиционно поморы считаются локальной группой русских [Русские, 1997: 108-111; Всероссийская перепись населения 2010 года, URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm]. Несмотря на то что исторически поморы не являются коренными жителями Кольского Севера, их территориальные претензии на освоенные земли привели к определенному этноцентризму, при котором представители непостоянного населения, например, переселенцы, прибывшие на заработки, стали называться «чужанами» [Шабаев, 2010: 77]. Вместе с тем в массовых представлениях поморы устойчиво ассоциируются либо с общерусской, либо с мифической общесеверной культурой, отражающейся в стереотипах восприятия Севера как метапространства со специфическими природными и культурными особенностями, в частности, с повышенной «духовностью» северян [Разумова, Петров, 2005].

Хронологические рамки и область распространения

Для настоящего исследования были отобраны журнальные публикации в соответствии с индикатором «этническая культура Мурманской области». Нас интересовали временные рамки середины 1980-х – начала 2000-х гг., которые принято называть в отечественной историографии постсоветским периодом. Выше кратко были рассмотрены основные этнические процессы на Кольском Севере этого времени, в контексте которых были созданы журнальные тексты: формирование российской «северной» национальной идентификации, рост этнического самосознания, переосмысление результатов колонизации северных территорий и так далее. Материалом для проведения исследования послужили публикации в центральных изданиях, имеющих в отличие от региональных журналов наиболее широкий ареал распространения.

Характеристика участников интеракции

Участниками интеракции в рассматриваемых журналах являются читатель и автор. Большинство авторов журнальных публикаций, описывающих этнокультурные особенности населения Мурманской области, не являются местными жителями и оказываются на Кольском полуострове в составе участников любительских или паранаучных экспедиций, о которых сообщается в текстах [Белых, 1989; Барышев, Филин, 2000; Лазарев, 1996, 2000; Ткачев, 2001; Горшков, 2000; Стоцкий, 1991]. Предметом внимания этих авторов может становиться как культура этнических групп, так и уникальные культурные или природные объекты Кольского полуострова. По профессиональной занятости среди авторов встречаются журналисты [Белых, 1989; Лазарев, 1996, 2000], исследователи-путешественники [Барышев, Филин, 2000], ученые (к.и.н., сотрудник Института этнографии имени Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР С.Я.Серов [Серов, 1990], ученый-гидронавт, сотрудник ПИНРО¹ М.Л.Заферман [Заферман, 1990], к.геогр.н., основатель Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера России в г.Апатиты Б.И.Кошечкин [Кошечкин, 1989])². Местных авторов оказывается сложнее

¹ Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии

² Последние два автора, хотя и не являются уроженцами Мурманской области, прожили на Кольском полуострове долгое время и оставили ощутимый вклад в его научное и культурное освоение

идентифицировать по профессиональному признаку. Только две публикации сопровождаются указанием на сферу деятельности авторов: статьи к.г.-м.н., сотрудника КФ АН СССР Я.Киселева и руководителя школьного кружка художественного творчества в г.Мончегорске В.Плюхина. В остальных случаях информация об авторе ограничивается подписью «местный житель», или же о регионе его проживания становится понятно только из содержания публикации.

Роль читателя в анализируемых текстах, на первый взгляд, является не такой явной, как в отношении автора. Однако именно на читателей ориентировано все письменное сообщение в публикации. Так как речь идет о центральных изданиях, распространенных по всей территории России и имеющих крупный тираж, можно считать, что они охватывают самый широкий круг читателей и адресованы как столичной, так и региональной аудитории. Нами были выбраны журналы, тематически посвященные отдельным аспектам географических образов в области отечественной географии, истории, культуры: «Вокруг света», «Наука и религия», «Наука и жизнь», «Гео», «Северные просторы», «Мир Севера», «Родина», «Мы». Понятно, что интерес к этим изданиям со стороны читателей обусловлен сферой их персональных или профессиональных интересов. Познавательная направленность журналов указывает на статусное и культурное положение читателей, которые по уровню образованности или, как минимум, информированности находятся «ниже», чем авторы этих текстов [Дубин, 2001: 109]. При этом читатели являются не просто потребителями готовых представлений и стереотипов, касающихся определенного воображаемого пространства или этноса, но и сами участвуют в дальнейшем конструировании образа региона путем интерпретации и трансляции полученной информации. Следует отметить, что этнические образы, репрезентируемые в текстах, являются экстраобразами по отношению как к приезжим, так и к местным авторам, описывающим культуру не своей этнической группы.

Тематика и содержание публикаций

Содержание рассмотренных публикаций можно отнести к нескольким тематическим группам: 1) природа Кольского полуострова; 2) саамы; 3) поморы; 4) результаты колонизации; 5) социальные и этнические проблемы народов Мурманской области; 6) мифическая северная прародина человечества.

1. Природа

В описаниях Кольского полуострова подчеркивается его северное географическое положение: «Нет, это не Карелия, куда доходят даже школьные походы, это значительно севернее. Фактически, оттуда до Северного полюса ближе, чем до Москвы» [Ткачев, 2001: 137]. Авторы отмечают, что природный мир Кольского полуострова «для жизни человека приспособлен, кажется, похуже красных песков Марса» [Там же: 137], поэтому «на Кольском живут главным образом по надобности: у градообразующего комбината, рыбацкого производства, базы ядерных ракет, базы подводных лодок или просто военной части. Жизнь на среднюю полосу глубоко непохожая» [Там же]; «человеку тут в принципе делать нечего» [Там же: 140]. На непригодность Севера для обитания и даже путешествий указывают многие эпитеты: пейзаж изображается как «безжизненный», «марсианский» [Там же: 140], горы – «гиблые» [Там же: 137],

тундра – «пустынная», «мрачная» [Киселев, 1981: 33], ветра Арктики – «жестокие» [Горшков, 2000: 22]. На читателя нагнетается ощущение опасности Кольского края: из здешних болот «не выходят», в «карликовых лесах по колено <...> умудряются заблудиться» [Ткачев, 2001: 137]. Тундра называется прекрасной, но «смертоносной каменной пустыней» [Там же: 139]. Подобные характеристики отчасти отражают суровые реалии северной природы, однако также являются неперенным атрибутом при создании этнических образов народов Кольского Севера.

2. Саамы

Подавляющее большинство журнальных публикаций посвящено коренным жителям Кольского полуострова – саамам. При этом крайне мало внимания уделяется вопросам их материальной культуры, хозяйственных и социокультурных особенностей. Напротив, с избытком описаны экзотические, особенно мистические явления, связанные с саамами: культ сейдов (или сами сейды) и шаманизм, – очевидно, то, что могло вызвать наибольший интерес у читателей.

В текстах публикаций сейды характеризуются как культовые памятники саамов [Барышев, 2000: 22], боги саамов [Там же], святилища [Ткачев, 2001: 140], уникальные памятники культуры [Киселев, 1981: 33]. Встречаются описания различных внешних обликов сейдов: сложенные из плоских камней пирамиды [Ткачев, 2001: 140], антропоморфные и зооморфные каменные фигуры [Барышев, 2000: 22], валуны [Заферман, 1990: 105]. Кольский полуостров – Лапландия – признается «настоящим царством» сейдов, несмотря на их распространение и в более южных регионах [Заферман 105]. В отношении сейдов авторы публикаций единодушно используют метафору этнографа В.В.Чарнолуцкого «летучий камень». Однако встречаются расхождения в объяснении происхождения «летучих камней». Увлекающиеся мифологией журналисты ссылаются на работы участников «гиперборейских» экспедиций, считающих сейды творением рук гиперборейцев – северных пралюдей. История сейдов смешивается с современным фольклором, порождающим «страшные рассказы» о гибнущих в районе сейдов туристах: «Саамы знают, что озеро – святилище сейдов, священных летающих камней, которым поклонялись их предки. Не понравившихся им духи сейдов (или сами камни-сейды – все-таки летающие) безжалостно убивают. Те четверо ребят погибли как раз на обратном пути с озера. Все местные, меняясь в лице, утверждают, что их смерть была “ужасной”» [Ткачев, 2001: 138]. Надо отметить, что не все авторы спекулируют на читательском любопытстве и тяге к мистическому. По словам одного из таких журналистов, «тайны народа саами – только для самих саами» [Горшков, 2000: 24].

Авторы-ученые при описании сейдов наряду с этнографическими сведениями приводят геологические факты. Самый распространенный вид сейдов характеризуется ими как валун из твердых пород, имеющий три подставки из мягких, созданных природой минералов [Киселев, 1981: 32], резко отличающихся от коренных пород [Заферман, 1990: 105]. Происхождение эпитета «летучий» объясняется тем, что эти валуны – «особенные», они «прилетели издалека», их принесли ледники [Там же: 105]. Впоследствии предки саамов, чувствуя необычность «летучих камней», обожествили

их и сделали предметом поклонения [Там же]. Геолог Я.Киселев в своей публикации предположил, что сейды на подставках принадлежали роду, а с булыжниками наверху – семьям, и создание сейдов имело несколько этапов. Первоначально саамы поклонялись валунам, лежавшим на приметных местах, затем стали поднимать их на подставки; следующий этап – сооружение сейдов из нескольких валунов разной величины и формы, придание этим сооружениям очертаний того или иного существа – птицы, зверя и, наконец, человека [Киселев, 1981: 33]. В отдельных публикациях встречаются описания конкретных сейдов: например, сейдов, найденных в 1999 г. в Кандалакшском заливе Белого моря сотрудниками Морской арктической комплексной экспедиции [Барышев, 2000: 22], или сейдов «Праудедки» и «Летучий камень», обнаруженных В.В.Чарнолуским, по следам которого была предпринята еще одна экспедиция [Горшков, 2000: 18].

Второй популярной темой в публикациях, посвященных культуре кольских саамов, является шаманизм. В основном деятельность саамских нойдов описывается по этнографическим дореволюционным источникам: трудам Н.Н.Харузина, исследователя сибирского шаманизма В.М.Михайловского, зарубежных авторов Я.Циглера и И.Шеффера. Текст В.М.Михайловского можно узнать в сообщениях о социальной функции, подвижничестве саамского нойды: «Да, шаман, действительно посредник, но посредник между людьми и суровой Арктикой, которую он очеловечивает; посредник между членами сообщества в разрешении их конфликтов, наконец, посредник в установлении внутреннего мира сомневающегося и страдающего соплеменника. Таким образом, нойда старается привести к гармонии все, на что обращается его искусная деятельность» [Рыков, 1991: 61]. Только в одной публикации встречается описание личной встречи автора с саамским шаманом, но лишённое этнической экзотики и романтики. Тот предстает как «безумного вида <...> человек лет 27. Зубов у него не хватает, на лице – страшноватая улыбка, одет он как нечто среднее между бомжом и клоуном» [Ткачев, 2001: 143]. Этот же автор стал свидетелем одного из магических умений, правда, другого шамана, который мог ввести в транс [Там же].

В журнальных публикациях сообщаются фольклорные сюжеты, связанные с колдовством саамов, например, о вызывании урагана и ветра при помощи развязывания узелков [Рыков, 1991: 59]. В одном из текстов приводится интересная интерпретация получения дара нойдой: одному нойде явился дух-карлик (возможно, имеется в виду чаккли) с деловым предложением заключить с ним договор и стать шаманом [Там же]. Рассказы о колдовстве сопровождаются современными мифами о гибели туристов: «До сих пор в Саамиедне (земле саамов) бушуют ураганы и гибнут путники» [Там же]. Мистический ореол, окутывающий Кольский полуостров, может осознанно обыгрываться в тексте публикации. Так, упоминания паранормальных и мистических явлений, а также стиль статьи «Куйва» указывают на сказочный характер подобных сведений: «Да, в округе неоднократно наблюдали снежного человека, некоторые бабки так и просто утверждают, что его подкармливают» [Ткачев, 2001: 139]; «А по дороге на Сейдозеро лежит себе спокойненько обломок самого настоящего НЛЮ. Главное божество саамов зовут не иначе как Куйва. Такая вот интересная жизнь на Крайнем Севере» [Там же].

3. Поморы

Количество публикаций, посвященных поморам, по сравнению с описаниями кольских саамов, довольно незначительно. При изображении культуры поморов подчеркивается их обособленность от «большого» этноса русских: «Поморы отличаются от великороссов и обликом, и диалектом, и бытом» [Серов, 1990: 54]. Главное отличие строится на специфике хозяйственного комплекса, так или иначе связанного с морем: «А море стало для здешних жителей кормильцем, ведь скудная северная земля и суровый климат не дают простора земледельцам» [Там же: 55]; поморы «морем кормились и жили» [Белых, 1989: 33]. Значение морских промыслов для поморов отразилось в их образе жизни, в материальной культуре и праздничных ритуалах, что породило поговорку «И радость, и горе помору – все от моря» [Там же]. Море являлось и главной дорогой для «прибрежных людей» [Серов, 1990: 55]. Собственно, на связь с морем указывает уже сама внутренняя форма этнонима «поморы», первоначально обозначавшего жителей южного побережья Мурманского полуострова и Кондопожской губы [Там же: 54]. К морской тематике относятся также региональные слова, упомянутые в публикациях: котляна (несколько морских артелей, которые едят «из одного котла»), поездник (карбас), поездовать (ловить рыбу) и другие [Там же: 55].

Журнальные публикации о саамах и поморах можно рассматривать как уникальный материал для выявления этнокультурных стереотипов, ассоциаций и символов, играющих структурообразующую и этнодифференцирующую роли, значимые для самоидентификации этноса [Белова, 2005]. Автор статьи о поморах С.Серов описывает основные образы, ассоциирующиеся с поморами, которые можно рассматривать как стереотипы восприятия поморской культуры. Среди них фигура «архангельского мужика» М.В.Ломоносова [Серов, 1990: 54], переселенцы-старообрядцы, книжный «поморский» орнамент и «поморское литье»: латунные иконки и кресты, доходившие вплоть до русских колоний в Америке [Там же: 55]. Как видно, названные стереотипы отражают представления о «духовности» поморской культуры, воплощенные в религиозных (старообрядцы, литые иконки и кресты) и научных (Ломоносов, книжный орнамент) образах. Что касается стереотипов восприятия культуры саамов, встречающихся в журналах, то они связаны, с одной стороны, с древними источниками (трудами зарубежных ученых, древнерусскими летописями), изображающими саамов как великих шаманов, «племя могущественных и загадочных магов» [Ткачев, 2001: 139], с другой стороны, с текстом «Калевалы», в которой преувеличиваются опасности, подстерегающие путников в Лапландии: «Народу в негостеприимных страшно-прекрасных краях гибнет порядком. А мы собрались в место не просто труднодоступное, но и овеванное очень дурной славой среди местного населения» [Там же: 137]. На примере большинства статей можно также наблюдать процесс возникновения этнической символики в описаниях саамской и поморской культур. На наш взгляд, в качестве этнического символа выступает материал: дерево и камень. Если дерево устойчиво ассоциируется с поморами, у которых «в поселках и городах все было деревянным – дома, тротуары, даже дороги» [Серов, 1990: 54], то символом культуры саамов становится камень. Недаром большая часть публикаций посвящена саамскому культу каменных сейдов, а в описаниях природных особенностей Кольского Севера превалирует изображение «каменного» ландшафта: валунов, скал, ущелий. Как замечает один из авторов, Кольский полуостров – традиционное место обитания группы кольских саамов – это «страна камня» [Заферман, 1990: 105].

4. Арктида

Ряд публикаций посвящен описанию поисков северной прародины человечества на Кольском полуострове. Одни авторы называют ее Арктидой по аналогии с легендарной Атлантидой, другие – Гиперборей, вслед за В.Н.Деминим, руководителем экспедиций «Гиперборея-97» и «Гиперборея-98». В статьях утверждается, что имеются доказательства существования мифической страны: «В конце июня 2001 г. экспедиция исследователей Сергеева и Карташева нашла материальные подтверждения былого существования Арктиды. И какие – столицу! И где – в России, возле Ловозера, городка среди болот в центре Мурманской области» [Стоцкий, 2005: 32]. По словам автора данной публикации, удалось даже установить название этой столицы: «Филологи-исследователи из центра “Гиперборея” утверждают, что столица носила название Колий. Отсюда происходит название Кольского полуострова, как видите, пережившее и город, и цивилизацию!» [Там же: 32]. Как и участники гиперборейских экспедиций, авторы подобных текстов связывают исчезнувшее государство с культурой саамов, наделяемых статусом потомков Арктиды. Центром и прародиной северной древней культуры считают район озера Сейдозеро: «По некоторым данным, именно там зародилась несколько тысяч лет назад легендарная цивилизация Гипербореев, достигшая очень высокой степени развития – некой аналог Атлантиде» [Ткачев, 2001: 138]. Сейдозеро рассматривается как место оккультной силы, священная территория, центр шаманской активности [Там же: 139]. В частности, ущелье Эльморайок связывают с древним культом Великой Богини-Прародительницы, а фьорды самого озера считают указателями на особые точки уже не существующего полярного материка [Лазарев, 2000: 23]. О достоверности результатов подобных экспедиций кратко пишет автор одной из публикаций: «...следы применения некоего чудовищного оружия и разрушенные магические сооружения какие-то экспедиции вроде как обнаруживали. Хотя местные на это говорят, что обнаружили они распилы геологов 40-летней давности, мусор и прочий хлам, поваленный за годы. Верить нынче никому нельзя» [Ткачев, 2001: 139].

В журнальных текстах можно встретить упоминания о связи загадочной древней страны не только с кольскими саамами, но и с другими северными культурами, в частности, с поморами. Можно сказать, что в изложении авторов публикаций мифическая Гиперборея приобретает черты общесеверной цивилизации прачеловечества, имеющего даже собственную письменность, о существовании которой свидетельствуют некириллические знаки, напоминающие руны, найденные на бревнах в районах поселения поморов [Лазарев, 1996: 62]. Автор эзотерических статей о гиперборейских истоках саамской культуры Е.Лазарев в некоторых своих публикациях распространяет территорию Гипербореи и на побережья Русского Севера. Так, про Терский берег Кольского полуострова он пишет, что тот «чист и мудр, как первозданный Рай», называет его «берегами легендарной Гипербореи», «одним из немногих на Земле мест, почти не оскверненным грешным человечеством, утратившим Рай» [Там же]. Другой автор отождествляет Кольский Север с прародиной если не всего человечества, то индоевропейцев и таким образом поддерживает миф о северном характере русской культуры, используя вместо древнегреческого наименования сказочной земли русское название «Лукоморье»: «В русских легендах (а русские, согласно теории, – потомки гипербореев и есть, как и прочие арийские расы, от немцев до цыган) эту землю называют не иначе как Лукоморье. Дуба с котом, описанного Пушкиным, конечно, не сохранилось...» [Ткачев, 2001: 139].

5. Результаты колонизации

Как видно из текстов журналов, вопросы колонизации Кольского полуострова не потеряли своей актуальности и в постсоветский период. Авторы публикаций прибегают к ретроспективе колонизационного процесса, переосмысливая исторические события в таком ключе, чтобы подчеркнуть дружеский, мирный характер освоения Кольского Севера, даже если это противоречит историческим фактам: «В начале этого тысячелетия на Белое море пришли русские поселенцы из новгородских и верхневолжских земель и застали широкую землю и широкое море, кормившее здешних саамов и карелов, не слишком, может быть, щедро, но места и рыбы хватало всем» [Серов, 1990: 54]; «Селились русские поморы. И расширялось село <Поной – О.Б.>, принимая в себя саамские семьи, а затем и выходцев из коми. И никогда не было вражды меж ними. Часто случались смешанные браки... дружно народ жил...» [Смирнов, 1991: 11]. При этом переселенцы-поморы предстают как «отважные мореплаватели и первопроходцы, мастеровитое и вольнолюбивое поморское племя» [Белых, 1989: 33], имеющие определенные территориальные претензии на осваиваемые земли, которые явно разделяются авторами, сочувствующими не коренному населению, а колонистам: «Пришельцы, где смешались со старожилами, где поделили берег, а где потеснили коренных жителей: идиллий в истории не бывает» [Серов, 1990: 54]; Европейский Север России – «древняя, трудная территория многострадальных и мужественных предков наших» [Белых, 1989: 33]. В переосмыслении процесса колонизации Кольского края отчасти отражается миф о Русском Севере. Право на его территорию отдается поморам как представителям русского этноса, недаром называемым «предками нашими».

6. Социальные и этнические проблемы

В журнальных статьях затрагиваются многие социальные и этнические проблемы населения Кольского Севера, в частности, проблема пробуждения этнического самосознания среди кольских саамов, которая свидетельствует об интересе российской аудитории постсоветской эпохи к возрождению этнических культур, нивелированных социально-экономическими мероприятиями и советской идеологией продвижения национальной идентичности. Как пишут авторы, в советское время саамы стали участниками эксперимента по созданию «гомо советикус». Их стали загонять в категорию «культурных оленеводов» [Смирнов, 2005: 162], что имело печальные социальные последствия: «К распаду СССР полторы тысячи российских саамов, как и прочие коренные народы нашего Севера, подошли в печальном состоянии: алкоголизм, ранняя смертность, утерянные представления о национальной самобытности» [Там же]. Утрата этнической идентичности, на взгляд авторов, грозит саамскому населению трансформацией «в сообщество без аборигенных признаков и отличий. Другими словами, в безнациональный (безликий) российский народ, знающий только язык большинства населения страны» [Богданов, 2004: 37]. Из последнего высказывания следует, что утрата этнической самобытности в советское время произошла даже не столько с саамами, сколько с русским народом. Поэтому понятен интерес авторов к теме возрождения других этнических культур, из сопоставления с которыми возникает возможность собственного этнического самоопределения.

Примечательно, что основным способом пробуждения национального самосознания у кольских саамов авторы считают не столько возрождение хозяйственных промыслов и традиционного образа жизни, сколько взаимодействие с зарубежными саамскими группами, при этом в стороне остаются исторически сложившиеся культурные различия между ними: «Однако полнокровное и осознанное национальное развитие кольских саамов как этноса в будущем, может быть обеспечено только вхождением их в орбиту общесаамского этнокультурного и социально-экономического сотрудничества на равных» [Там же: 36]. Наличие родственных этнических групп на территории благополучных соседних государств рассматривается как большое преимущество российских саамов перед другими КМНС¹, «которым не на кого опереться в этом мире» [Смирнов, 2005: 162]. После того как кольские саамы обнаружили, что «рядом с ними живут богатые, образованные, политически активные и довольно многочисленные братья по крови, готовые прийти им на помощь» [Там же], заявления об общесаамской идентичности приобрели политический характер и стали актуальны, в первую очередь, для самого саамского населения Мурманской области. Несколько преувеличенные представления о тесных контактах между кольской и скандинавскими группами привели к распространению в журнальных публикациях мнения о массовой эмиграции российских саамов в соседние страны: «Норвежский север для российских лопарей сегодня – это то же самое, чем были США для разрушенной послевоенной Европы: источник надежды и предмет мечтаний» [Там же]; «В районе проживает немало коренных жителей саамов, которых некогда “окультуривала” Советская власть, дав им в качестве письменности кириллицу, а ныне их принимают Финляндия и Норвегия, подобно тому, как немцев принимает Германия, а евреев – Израиль. Некоторая часть уехала, другая – осталась» [Ткачев, 2001: 138].

Наряду с постулатами о необходимости роста этнического самосознания у саамского населения в текстах публикаций встречается мнение о том, что кольские саамы и без посторонней поддержки успешно двигаются в этом направлении. По мнению одного из авторов, их отличает от других народов Севера России «высокий уровень образования и культуры, мобильности и гибкости в общении с представителями других народов и слоев общества» [Богданов, 2004: 37]; для них характерно стремление «к овладению разносторонними и высококвалифицированными профессиями; к восстановлению духовных и культовых обрядов, бытовых особенностей ведения хозяйства, традиционных видов одежды, обуви и головных уборов; к совершенствованию национальных ремесел, песен и танцев. К характерному, только для русских саамов, морально-этническому самовыражению» [Там же]. Согласно точке зрения сторонников этого мнения, незнание культуры саамов обусловлено вовсе не низким уровнем развития и сохранения их этнической культуры, а отсутствием интереса со стороны российского общества, которое зарубежные традиции привлекают гораздо больше, чем этнокультурные особенности народов собственной страны: «Чудеса совершенно необязательно искать в других странах. В своей полно. Живя в Москве, как-то привыкаешь, что шаманы, снежные люди, страшные орудия исчезнувших цивилизаций, добрые и злые духи – герои газетных

¹ Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

публикаций, но никак не более того» [Ткачев, 2001: 137]. Как говорит в этой связи автор публикации, посвященной мастерам-ремесленникам саами, «уронить можно не заметив, но, чтобы поднять, надо прежде увидеть» [Плюхин, 1983: 18]. Однако другие авторы полагают, что оригинальная культура кольских саамов («саамский мир») существовала только до активного вмешательства советской власти в жизнь этого народа: до коллективизации, промышленного освоения края, ликвидации некоторых погостов [Кошечкин, 1989: 4]. В частности, эта позиция отражается в названии текста Б.И.Кошечкина «В поисках уцелевшего снега» [Там же], в котором слово «снег», по всей видимости, можно считать метафорой по отношению к традиционной саамской культуре.

Среди других проблем, затрагиваемых в журналах, следует назвать результаты проникновения на Кольский Север «цивилизации», под которой, видимо, надо понимать модернизацию и глобализацию, противопоставляемые этническим культурам. Эта тема поднимается в связи плачевным положением поморского населения Мурманской области постсоветского времени. Двойственность социально-экономических процессов этой эпохи иллюстрирует наличие в Умбе двух заводов-антагонистов. Назначение первого заключается в сохранении местных природных ресурсов, являющихся основой хозяйственного комплекса поморов, второй относится к эпохе промышленного развития: «Сосуществуют в Умбе мирно два завода: рыбоводный и рыбоконсервный. Один, не жалея сил, растит и множит нежнейшую молодь ценных пород рыб. Другой с еще большим рвением ту же рыбную поросль, на просторе набравшую вес, готовит к нашему употреблению» [Белых, 1989: 34]. В результате освоения и модернизации края происходит утрата этнокультурных особенностей поморов Кольского полуострова, о чем свидетельствует «печальный факт сегодняшнего дня: перечисляя множество блестящих занятий и промыслов, чем славен здешний край, то и дело приходится подставлять безутешительные словечки: “некогда”, “когда-то”, “в те еще времена”, “прежде”, “раньше”» [Там же: 35]. Лучшее всего суть реалий быта поморов после развала СССР отражает слово «разруха». По словам местной учительницы, «не цивилизация наступала на деревню – развал надвигался сокрушительный» [Там же: 34]. Разруха, развал проявились во всех сферах жизни: «Все как и “положено”: как ведется у нас “от Москвы до самых до окраин”: потихоньку, но верно сводится окрестный лес, ветшают и рушатся бесприютные памятники старины, тончает экологическая мембрана» [Там же: 33-34], самым бесстрашным образом растаскиваются средства, материалы, различная техника (даже оленья стада), которые вливаются сюда как в бездонную бочку [Там же: 41]. По аналогии с продукцией рыбноконсервного завода рождается каламбур: «Места здесь отменные, жить красиво, но нелегко, – скажет главный инженер колхоза. – Бьемся в собственном соку» [Там же]. Причины подобной разрухи не называются прямо, однако могут быть установлены при обращении к текстам других публикаций, написанных местными авторами. В статьях «Промыслы лежат преизящные, но для кого?» и «Реалии против красивых деклараций» речь идет о борьбе жителей региона с чиновничьим аппаратом области и несовершенством государственной системы в отношении коренного и старожильческого населения. В одной из публикаций описывается противостояние между жителями возрождающегося села Поной и Мурманским

правительством, запрещающим ловить рыбу местному населению, но подписавшим контракты с иностранцами на спортивную ловлю [Смирнов, 1991: 12]. Содержание второй публикации отталкивается от Конвенции № 169 МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». По мнению автора, правительство не обеспечивает право кольских саамов как коренного народа Кольского полуострова вести традиционный племенной образ жизни. Не соблюдаются их права и на сохранение и развитие родного языка, национальной культуры, традиций и обычаев, гарантированных Уставом Мурманской области [Богданов, 2004: 36].

Цель интеракции в СМИ

Для определения цели интеракции в рассматриваемых источниках СМИ незаменимым методом является дискурс-анализ, при помощи которого, путем изучения семантических и формальных свойств текста, можно выявить взаимоотношения между текстом и дискурсом, а также влияние контекста на дискурс, так как любой «мир знаков», в том числе масс-медиа, оперирует идеями через семантику и слова [Моль, 2008: 76]. Заголовки журнальных текстов, на наш взгляд, в этом плане наиболее продуктивны для исследования с использованием как качественных, так и количественных методов. Простой количественный подсчет выявляет приоритеты авторов при выборе темы. Из 17 публикаций, соответствующих индикатору «этническая культура Мурманской области», 11 текстов так или иначе связаны с кольскими саамами, 3 посвящены поискам Гипербореи, 2 – поморам, 1 – социально-экономическим проблемам разных этнических групп Мурманской области.

Если говорить в целом, то понятно, что цель интеракции в СМИ – это привлечение внимания аудитории к какой-либо проблеме. В случае масс-медийных репрезентаций этнокультурной специфики Кольского Севера цель заключается в изменении отношения читателей к вопросам этничности. Если не считать советский период отечественной истории, когда этническое самосознание сознательно вытеснялось в пользу национальной идентичности, то можно сказать, что большую часть времени освоения северных территорий, особенно в эпоху колониальной экспансии императорской России, одной из основных особенностей общественных представлений об аборигенных этнических культурах являлась этноцентричная модель мира, согласно которой земли «иностранцев» наделялись характеристиками антимира и противопоставлялись «русским» территориям [Теребихин, 2004: 5]. Как показывают журнальные публикации постсоветского периода, к концу XX в. этот вектор сместился в противоположную сторону, что отчетливо видно на примере Мурманской области. Знаком плюс стали наделяться нерусские этнические группы, в первую очередь, кольские саамы, а также локальная группа русских поморы. Однако количественный показатель и семантический анализ заголовков журнальных текстов демонстрируют, что главной целью авторов публикаций является привлечение внимания все же только к саамской культуре. В заголовках двух статей, посвященных поморам [Серов, 1990; Бельх, 1989], авторы прибегли к прямой референции (называнию денотата одним словом в его основном значении), что четко обозначает тематику статьи, но проигрывает в плане пробуждения интереса у читателя. Напротив, в названиях публикаций о саамах используется целый арсенал художественно-изобразительных средств языка:

- метафоры: «В поисках уцелевшего снега» [Кошечкин, 1989], «Неуловимая керресь» [Плюхин, 1983], «"Летучие камни" Севера» [Заферман, 1990];
- каламбур «Неуловимая керресь» [Плюхин, 1983];
- антитеза «Реалии против красивых деклараций» [Богданов, 2004];
- гипербола «Самое счастливое меньшинство» [Смирнов, 2005] (этот же заголовок можно рассматривать как оксюморон, если принять во внимание контекст: традиционно жизнь этнического меньшинства описывается в негативном ключе);
- аллюзии: к очеркам В.В.Чарнолуского – «"Летучие камни" Севера» [Заферман, 1990], к творчеству писателя Федора Абрамова, употребившего выражение «искать уцелевший снег» по отношению к художнику С.Г.Писахову, которому посвящена статья Б.И.Кошечкина [Кошечкин, 1989], к документам XVII в., которые упоминал в своих трудах И.Ф.Ушаков, – «Промыслы лежат преизящные, но для кого?» [Смирнов, 1991];
- развернутые словосочетания и предложения: «Куйва живет в Лукоморье» [Ткачев, 2001], «Священные камни у Белого моря» [Барышев, Филин, 2000], «Священные камни саамов» [Киселев, 1981], «К шаманам, которые не умирают» [Горшков 2000], «Наше великое прошлое в скалах Саами» [Стоцкий, 2005].

В литературоведении принято говорить, что перечисленные языковые средства способствуют созданию образности. Действительно, они являются строительным материалом для конструирования не только художественного, но и этнического образа кольских саамов. Последний можно рассматривать как часть географического образа Кольского Севера. Метаморфоза политического статуса региона Мурманской области конца 1980-1990-х гг. и последовавшее за этим изменение отношения к вопросам этничности перенесло внимание читательской аудитории и журналистов от Центра к северным территориям и к населяющим их коренным народам. Саамы Кольского полуострова, ставшие объектом пристального интереса, наилучшим образом отвечали задачам СМИ и публицистики этой эпохи. Во-первых, они воплощали представления о Севере как об этнической территории их проживания, способствуя тем самым формированию географического образа одного из регионов России. Во-вторых, помогали росту этнического самосознания представителей самого русского общества, почти утратившего этническую идентичность в советское время. В-третьих, родство групп российских и скандинавских саамов, из которых последние описывались как эталон развития народа, совмещающего традиционные промыслы и высокий «европейский» стандарт жизни, могло служить дополнительным стимулом к международному сотрудничеству с западными государствами.

Список литературы

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц Кучково поле, 2001. 286 с.
- Барышев И., Филин П. Священные камни у Белого моря // Наука и религия. 2000. № 8. С. 22.
- Бассин М. Россия между Европой и Азией: Идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М.: Новое издательство, 2005. С. 277-310.
- Белобородова И.Н. Евро-Арктический Баренцев регион в геополитической перспективе. URL: <http://barentsculture.karelia.ru>.

- Белова О.А. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. 288 с.
- Белых В. Поморы // Родина. 1989. № 10. С. 33-41.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 322 с.
- Богданов Н. Реалии против красивых деклараций // Мир Севера. 2004. № 1. С. 36-37.
- Бочкарева И., Есимова А., Замятин Д. Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 30-47.
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4 – «Национальный состав и владение языками, гражданство». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/сroc/perepis_itogi1612.htm.
- Глазырин А.Е. Информационная модель основания этничности // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2011. Вып. 2. С. 238-245.
- Горшков В. К шаманам, которые не умирают // Вокруг света. 2000. № 7. С. 18-24.
- Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. 86 с.
- Давыдова А.С. Религиозная ситуация в Кировско-Апатитском районе Мурманской области (по материалам прессы) // Кольский Север в XX-XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2009. С. 125-135.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- Дубин Б.В. Слово-письмо-литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Заферман М. «Летучие камни» Севера // Наука и жизнь. 1990. № 2. С. 105.
- Змеева О.В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. 95 с.
- Иванищева О.Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона: Подходы и методы исследования. Мурманск: МГПУ, 2008. 164 с.
- Киселев Я. Священные камни саамов // Вокруг света. 1981. № 2. С. 32-33.
- Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: http://constitution.garant.ru/rf/chapter/3/#block_3000].
- Кошечкин Б. В поисках уцелевшего снега // Вокруг света. 1989. № 12. С. 2-6.
- Лазарев Е. Вехи Алмазного города // Наука и религия. 2000. № 8. С. 23.
- Лазарев Е. Руны Русского Севера // Наука и религия. 1996. № 2. С. 62.
- Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
- Лихачев Д.С. Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.: Наука; Архангельск: Поморский ун-т, 2004. С. 3-4.
- Лукина Т.С. Освещение деятельности Русской православной церкви в печатных периодических изданиях Мурманской области // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. С. 105-109.
- Маркушина Н.Ю. Внешние связи Северо-Западного Федерального округа Российской Федерации и концепция «Нового Севера» // Балтийский регион. 2011. № 2. С. 102-111.

Матонин В.Н. «Северность» русской культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 5. С. 35-36.

Миллер А.И. Империя и нация в воображении русского национализма: Заметки на полях одной статьи А.Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое издательство, 2004. С. 269-285.

Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Регионализация посткоммунистической Европы. М., 2001. С. 33-64.

Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 416 с.

Плюхин В. Неуловимая керресь // Вокруг света. 1983. № 11. С. 18-21.

Прайс Монро Э. Масс-медиа и государственный суверенитет: глобальная информационная революция и ее вызовы власти и государства. М.: Институт проблем информационного права, 2004. 332 с.

Разумова И.А., Петров В.П. Проблемы и перспективы социально-антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2005. С. 108-118.

Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: ООО «Аналитик», 2013. 92 с.

Русские / отв.ред. В.А. Александров. М.: Наука, 1997. 828 с.

Рыков В. Шаманы Лапландии // Наука и религия. 1991. № 8. С. 58-61.

Серов С. Поморы // Наука и жизнь. 1990. № 10. С. 54-55.

Смирнов А. Самое счастливое меньшинство // Гео. 2005. № 10. С. 150-160.

Смирнов В. Промыслы лежат преизящные, но для кого? // Северные просторы. 1991. № 7. С. 11-12.

Стоцкий Ю. Наше великое прошлое в скалах Саами // Мир Севера. 2005. № 2-3. С. 31-33.

Теребихин Н.М. Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет, 2004. 272 с.

Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис (Политические исследования). 1999. № 3. С. 61-76.

Ткачев Д. Куйва живет в Лукоморье // Мы. 2001. № 1. С. 137-143.

Федеративный договор от 31.03.1992. URL: <http://constitution.garant.ru/act/federative/170280/>.

Шабаяев Ю.П. «Русский Север» в этнокультурном и этнодемографическом измерении // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 3. С. 75-81.

Allemann L. The Sámi of the Kola Peninsula. About the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Tromsø: University of Tromsø, Centre for Sami Studies, 2013. URL: <http://septentrio.uit.no/index.php/samskrift>.

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН

Bodrova Olga Aleksandrovna

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 393.05.9-058.66

И.А.Разумова

В УСЛОВИЯХ «ДУХОВНОГО КРИЗИСА» И «ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ»: О РИТУАЛЕ ПРОЩАНИЯ С МОРЯКАМИ «КУРСКА»

Аннотация

В статье анализируются ритуальные мероприятия «прощания» с атомной подводной лодкой «Курск» и членами ее экипажа в 2000-2002 гг. Они рассматриваются сквозь призму светских и религиозных интерпретаций на материале литературных и медийных источников. Действия различных институтов создают специфическое поле, в котором выявляются политические, мировоззренческие, социально-статусные и прочие проблемы и конфликты, далеко выходящие за рамки сугубо ритуальной сферы.

Ключевые слова:

погребальные ритуалы, статус смерти, институты, церковь, СМИ, интерпретация.

I.A.Razumova

IN TERMS OF «SPIRITUAL CRISIS» AND «INFORMATION WARFARE»: THE RITUAL OF FAREWELL TO THE SAILORS OF THE «KURSK»

Abstract

The article analyzes the ritual activities «farewell» atomic submarine «Kursk» and members of its crew in 2000-2002. They are viewed through the lens of secular and religious interpretations on the material of literary and media sources. The actions of the different institutions create specific field, which identifies the political, ideological, social status and other issues and conflicts that go far beyond purely ritual sphere.

Key words:

funerary rituals, the status of death, institutions, the Church, the media, the Navy, the interpretation.

Предисловие

12 августа 2000 г. АПК «Курск», находившийся на учениях в Баренцевом море, не вышел на связь в установленное время, и в 23 ч. 30 мин. в соответствии с требованиями нормативных документов был объявлен «аварийным». 13 августа на поиски подлодки отправилась группа кораблей во главе с командующим Северным флотом адмиралом Поповым. Рано утром корабль был обнаружен лежащим на грунте на глубине 108 м, министр обороны доложил о случившемся президенту и заверил, что ситуация находится под контролем, будут приняты все меры по спасению экипажа. В 10 ч. на место трагедии прибыли спасательные суда Северного флота, в 18 ч. был осуществлен первый спуск батискафа к затонувшей подлодке, который оказался неудачным. Об аварии на «Курске» представителям СМИ не сообщили.

Выстраивая временную последовательность дальнейших событий, мы опирались на хронику, представленную в документах и медийных публикациях¹. При этом хронологическая канва является внешней по отношению к логике того ритуального сценария прощания с погибшими моряками, каким он получился в данном

¹ Поскольку при обилии источников хроникальная информация едина и достоверна, мы использовали документальные книги военного моряка и писателя В.В.Шигина, в которых представлен самый подробный хронометраж событий августа и октября 2000 г. [Шигин, 2002, 2010], а также наиболее полные и по возможности аксиологически нейтральные интернет-публикации, напр.: [Братская могила, URL: <http://funeralspb.ru/necropols/serafimovskoe/kursk/>]; [К 141]; [Сегодня отмечают годовщину, URL: <http://korrespondent.net/world/russia/1591007-segodnya-otmechayut-godovshchinu-avarii-naapl-kursk-hronika-gibeli/>]; [Хроника гибели, URL: <http://ria.ru/spravka/20120812/720555832.html#14076787839173&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz39zMCvQi>] и др.

конкретном случае. Существует несколько институциональных уровней проведения технологических и ритуальных мероприятий в случае коллективной гибели людей: официально-государственный, церковно-религиозный, профессионально-корпоративный, локальный (территориальный, поселенческий), семейный. Закономерно, что действия различных институтов создают специфическое поле, в котором высвечиваются политические, мировоззренческие, социально-статусные и прочие проблемы, далеко выходящие за рамки сугубо ритуальной сферы. Процедура «прощания» с «Курском» и членами его экипажа сквозь призму различных интерпретаций, светских и религиозных, стала предметом нашего рассмотрения.

«Ритуал спасения», констатация факта и оповещение

Оповещение о смерти – первый необходимый этап погребальных действий. Констатация смерти и распространение известия о ней придают умершему статус, начиная отсчет его «вечной жизни». В противном случае смерть является «неокончательной», умерший не может считаться ни живым, ни мертвым, что создает ситуацию неопределенности. В случае с «Курском» время определения статуса погибших растянулось фактически на 9 дней, что само по себе может расцениваться как символический факт. Обстоятельства гибели людей были таковы, что установить смерть было сложно технологически, кроме того, военно-стратегический и политический факторы обусловили закрытость информации, что вызвало большую напряженность. Информационная проблема обозначилась очень остро. Молчание было снято утром 14 августа, когда командование флота сделало первое публичное заявление об аварии, но дату назвали неправильную (позже на день). О точном времени катастрофы первыми сообщили западные информационные агентства. В течение нескольких дней не было сведений о том, сколько человек и кто пофамильно находятся на аварийной лодке. 15 августа Главный штаб ВМФ официально сообщил о начале спасательной операции и о том, что предположительно члены экипажа подводной лодки живы, но неизвестно, есть ли среди них раненые; вечером было обнародовано, что на борту «Курска» 118 человек.

Почему не сообщили сразу? Почему не обнародовали вовремя список членов экипажа? Почему информацию поэтапно дозировали? Наконец, в целом, почему не сообщили «правду»? Вопросы, которые многократно задавались и задаются, формулируются и в наших источниках. Они свидетельствуют о том, что есть нормативный порядок вещей, который представляется правильным. Если он по каким-то причинам не соблюдается, требуются мотивирующие оправдания или обвинения (оценка зависит от позиции субъекта). В качестве основных мотивировок выступали: 1) недостаточное знание и отсутствие уверенности в факте, 2) охранительная политика ВМФ, 3) государственная секретность, 4) неадекватное реагирование и поведение лиц, ответственных за ситуацию (погружение их в «транс»). Критика в адрес компетентных инстанций сопровождается утверждениями о том, как надо было сделать правильно. «Правильность» ассоциируется с гуманистическими ценностями: «Имена членов экипажа “Курска” должны были быть обнародованы сразу же, как только прозвучало название аварийного корабля. <..>. По крайней мере, матери, чьи сыновья служат на других кораблях, не стали бы хвататься за сердце при словах “авария на подводной лодке” [Черкашин, 2001: 249].

Представители высшего эшелона ВМФ, как стало известно позднее, с самого начала предполагали (или были почти уверены), что шансов на спасение экипажа мало, но в обществе поддерживали надежду. Писатель и военный моряк Н.А.Черкашин пересказал фрагмент своего диалога с командующим флотом адмиралом Поповым, который прокомментировал ситуацию так: «Когда мне доложили результаты предварительного осмотра корпуса “Курска”<...>, я понял, что большая часть экипажа погибла.

– Почему же об этом сразу не объявили?

– Зачем? Что бы это изменило? Не приехали родственники? Они бы все равно приехали, даже если бы мы объявили, что в отсеках нет ни одной живой души. Не поверили бы. И правильно сделали бы. Потому что знать, подчеркиваю – не предполагать, а знать это, не было дано никому» [Там же: 35]. Не будем рассматривать другие варианты объяснений сложившейся информационной ситуации, их высказывалось множество, и большей частью они указывали на военно-политические мотивы («тайну») и умысел. В данном случае важнее объяснение, которое соответствует культурно-психологическим и этическим нормам и уже потому не может считаться «ложным»: в него легче всего верить, в том числе самому говорящему.

Таким образом, значительный отрезок времени ушел на то, чтобы убедиться в факте смерти в результате проведения работ по обследованию затонувшей лодки. Работы назывались спасательными, но Н.А.Черкашин высказался на сей счет прямо: «В отличие от всех прочих подводно-спасательных операций (на “Адмирале Нахимове”, на С-178, на К-429), работы на “Курске” во многом носили ритуальный характер» [Там же: 192]. Смерть должна предстать в своей «телесной», физической определенности. Моделируется ситуация, при которой родственники и общественность «не поверят» в нее до тех пор, пока она не будет объективирована материально, технологически. «Неокончателная смерть» чревата не только социальным кризисом, но грозит обвинением в убийстве: «понимать и догадываться – одно, а убедиться – другое <...>. Да разве поверило бы хоть одно родительское сердце такому преждевременному заявлению? Разве не посыпались бы обвинения в том, что флот досрочно прекратил спасательные работы, “не захотел никого спасать”? <...>. Пресса, родственники, общественное мнение, в том числе и мировое, никогда бы не простили российскому флоту подобного бездействия. Потому и ныряли, что не нырять не могли. Да, знали, что живых уже нет. Но объявить об этом можно было только тогда, когда бы был вскрыт отсек-убежище, последний приют уцелевших на время» [Там же: 194-195].

16 августа президент России заявил, что ситуация с подводной лодкой «Курск» критическая, но флот располагает необходимыми средствами спасения. Однако вскоре Москва запросила помощь иностранных спасательных служб. В течение последующих дней, вплоть до 21 августа, продолжались спасательные работы с помощью специалистов Великобритании и Норвегии. 17-го числа в Главном штабе ВМФ сообщили, что команда лодки перестала подавать акустические сигналы, которые фиксировались ранее. 18 августа ситуация на борту «Курска» оценивалась уже как «закритическая». Президент России вернулся в Москву с юга и заявил, что хотел прервать отпуск и вылететь к месту трагедии, но удержался. Неопределенность ситуации проявилась даже в поведении главы государства, действия которого всегда имеют знаковый и высоко ритуализированный характер. Избирая позицию «понимания», писатель от лица президента пытается воспроизвести его рефлексию: «Я и сейчас убежден, что мне не надо было лететь в Видяево в самые первые

дни беды. Там шла напряженнейшая работа специалистов, и мое появление несомненно осложнило бы ее, отвлекло от спасательных работ командующего флотом. Другое дело, немедленное возвращение в Москву... Оно вряд ли реально способствовало бы успеху. Это был скорее ритуальный акт, чем деловой шаг. Он уберег бы меня от нападков моих противников. Но я промедлил, ожидая в Сочи хоть каких-нибудь обнадеживающих новостей. Когда я понял, что их не будет, я велел готовить самолет к полету в Москву...» [Там же: 184].

Период неопределенности психологически самый тяжелый. Несмотря на отсутствие официального оповещения, те из ближайших родственников погибших, которые жили в гарнизоне, и особенно служили в подводном флоте (в частности, отцы), не говоря уже о непосредственном начальстве и коллегах, раньше других поняли, что моряки погибли. Понимание основывалось на профессиональном опыте. Для разных людей одна и та же «чужая» смерть становится реальным фактом в разное время – в зависимости от получения известия о ней и осознания ее реальности, это закономерное явление. Но длительность пограничного состояния между жизнью и смертью, связанного, в частности, с дозированием информации, не может превышать психологически и культурно обусловленных норм, в противном случае ситуация обладает очень высоким деструктивным потенциалом. Ритуальные действия, которые призваны стабилизировать любой кризис, в этих условиях лишаются своего смысла. Родные и близкие в разных городах и местностях страны получали не очень определенную информацию об аварии в разные сроки: «В Нижнем узнали об этом только 15 августа. Мама бросилась в церковь заказывать молебны во здравие и спасение. А надо было уже – отпевать...» [Там же: 161].

20 августа подлодка была обследована водолазами, на следующий день удалось открыть аварийный люк, но 9-й отсек, к которому он вел, оказался затоплен. С помощью видеокамеры в нем обнаружено тело моряка, после чего норвежские специалисты приняли решение о нецелесообразности дальнейшего обследования подлодки: «Вечером начаты переговоры командования флота с компанией о продолжении работ по эвакуации тел погибших моряков с лодки. Компания отказалась продолжать такие работы» [Там же: 15]. Спасатели работают только с живыми, но не с мертвыми.

21 августа в 17 ч. вице-адмирал Моцак официально подтвердил факт гибели экипажа АПЛ К-141 «Курск». Таким образом, прошло девять дней с момента гибели, ориентировочное время которой будет установлено постфактум, до того, как смерть была констатирована и о ней оповестили общественность и близких. После напряжения этих дней, которые по ритуальным нормам должны были быть поминальными, обнаружились острые противоречия и конфликты между причастными сторонами, начался период поэтапных решений и действий, связанных с технологическими и ритуальными аспектами погребения, прощания, сохранения памяти о погибших.

Прощание и долгий последний путь

Прощальные мероприятия начали осуществляться еще до официального объявления факта смерти. Они совершались на месте гибели лодки и имели все основания, поскольку, во-первых, было понятно, что в любом случае погибло большинство экипажа, во-вторых, это было прощание с «Курском» как целым. В «группу умершего» входили, прежде всего, вдовы, а также командующий флотом – глава воинской общности, которая потеряла своего члена: «Попов как минимум двадцать пять раз мог бы разделить жуткую участь моряков “Курска”, “Комсомольца”, К-219... Ему выпала другая горькая доля – стоять

над стальным гробом своих собратьев по оружию, не в силах помочь тем, кто остался еще жив после страшного удара» [Там же: 263]. Двум вдовам, в гибели мужей которых сомнений фактически не было, разрешили присутствовать во время спасательной операции: «Вместе со специалистами вглядывались в экраны <видеокамер, которые были внутри лодки – И.Р.> и жены погибших офицеров – Ирина Шубина и Оксана Силогава, хотя обе прекрасно знали, что их мужья остались во втором отсеке. Они прилетели на платформу вместе с адмиралом Куроедовым на вертолете и привезли российским и норвежским водолазам домашние пироги. Потом бросили в штормовую кипящую воду красные гвоздики...» [Там же: 139].

Погребально-поминальные действия, растянувшиеся более чем на полтора года, начались в Видяево сразу же после подтверждения факта гибели экипажа. В поселок военных моряков съехались родные и близкие погибших. Вместо тел родственникам выдавали капсулы с водой Баренцева моря: «Стеклянная пробирка с морской водой – это все, что увезут они домой. Больше слез пролито, чем той воды увезено. Музейный работник переснимал фотографии из личных дел погибших моряков – для Книги памяти, которая будет издана в Курске» [Там же:17]. Организационным штабом по приему родственников стал Дом офицеров флота. Представители областной администрации приехали из Мурманска в Видяево еще 17 августа и сразу стали раздавать наличные деньги приехавшим родственникам [Шигин, 2010: 225].

Основные ритуальные функции выполняла Русская Православная Церковь. Первая панихида была отслужена в старинном поморском селе Варзуга, известном как исторический центр православной культуры на Кольском Севере: «28 августа 2000 года в праздник Успения Божией Матери <...>, у алтаря знаменитой Успенской церкви, на древних могилах монахов-мучеников владыка Симон отслужил первую панихиду о погибших моряках-подводниках» [Баданин, 2010: 61]. Тогда же в варзужской церкви состоялось рукоположение дьякона Сергей Шерфетдинова, который стал священником православного прихода в поселке Видяево. По просьбе членов семей погибших подводников в августе 2000 г. было начато и в течение нескольких недель завершено строительство Свято-Никольского храма-памятника в поселке Видяево [Никольский храм-памятник, URL: <http://www.zatovid.ru/up/Pages/istvid/hram1.htm>]. Храм был подарен городом Костомукшей (Республика Карелия). На 40-й день после гибели «Курска», 20 сентября 2000 г., храм был освящен и в нем была отслужена первая служба – заупокойная панихида по 118 морякам АПРК «Курск». До этого времени в Видяево постоянно служили молебны в «импровизированной церкви», как ее называют все мемуаристы. Молитвы о спасении с течением времени сменились поминальными. Иеромонах Даниил (Топоев), который вместе с другими братьями Трифоно-Печенгского монастыря проводил церковные службы, вспоминал: «Было очень тяжело, поскольку служили постоянно о здравии, хотя уже ясно ощущалось, что эти прошения “не по адресу”. Но на это было Патриаршее благословение, и никто не брал на себя смелости начать молиться об упокоении душ усопших моряков, хотя все внутри этого требовало. Наконец, наместник монастыря игумен Аристарх принял такое решение, и сразу камень с души упал» [Там же: 62].

В сентябре родственники фактически простились со своими умершими, посетив место их гибели, вознеся молитвы, получив «смертные» реликвии – капсулу с морской водой, траурные фотографии, кортики офицеров и мичманов – в порядке

исключения командование оставило их вдовам и матерям. Но это было лишь начало долгого и непрямого последнего пути. По официальному плану мероприятий (по решению президента) предстоял подъем корабля и останков тел с морской глубины. Первым этапом стала операция по подъему тел, которая проводилась в октябре 2000 г. В результате, как известно, были извлечены, опознаны и погребены по христианскому обряду и с воинскими почестями тела погибших 12 подводников. На следующем этапе осуществлялся подъем самой АПЛ в октябре 2001 г.

Нет сомнений в том, что решение о подъеме «Курска» принималось по мотивам политическим, а конфликтующие аргументы были военно-стратегические, экономические и технические. Между тем гуманистические мотивы выполняли хоть и вспомогательную, но важную роль в том, куда склонится чаша весов общественного мнения. Плюрализм культурных норм погребения моряков и социально-психологических установок позволял использовать их в достаточной степени и сторонниками, и противниками «разорения» естественной братской могилы.

Показательно, что представитель «победившей», государственной, стороны, разъясняя впоследствии правильность предпринятого подъема субмарины, на первое место поставил «погребально-ритуальный» аргумент: «Необходимость подъема диктовалась следующими главными обстоятельствами: во-первых, там оставались тела более чем сотни наших подводников. Поднимать их с такой глубины по некоторым причинам было невозможно. <...>. И подъем «Курска» стал бы данью уважения павшим и их семьям. Это было делом чести. Долгом государства» [Устинов, 2004: 159-160].

Завершение прощальных мероприятий, погребение большинства погибших моряков стали возможными благодаря операции по подъему АПЛ «Курск» осенью 2001 г. Подробнее всего это событие освещено в книге И.Д.Спасского – академика РАН, Генерального конструктора ЦКБ МТ «Рубин», научного консультанта и одного из руководителей операции по подъему. Как исследователь и специалист И.Д.Спасский лучше, чем кто бы то ни было, понимает ее военно-техническое и стратегическое значение. Тем не менее в книге, обращенной к широкому образованному читателю, он утверждает, что общим и главным итогом операции было то, что «почти весь погибший экипаж подлодки за исключением троих (М.И.Гаджиев, Д.А.Котков, И.Н.Нефедов), которых море не захотело отдать, нашел упокоение на родной земле, дав возможность родным и близким навещать места их вечного покоя» [Спасский, 2003: 223].

Если следовать И.Д.Спасскому, кризисность ситуации с подъемом «Курска» заключалась не только в том, что она была вызвана трагическими обстоятельствами. Стрессогенным фактором явилась обстановка «информационной войны», в которой принималось решение о проведении операции и осуществлялась ее подготовка. Уточним, что этим понятием автор, как и некоторые другие мемуаристы, по существу обозначают межинституциональный конфликт. Средства массовой информации в тексте генерального конструктора выступают в образе серьезного реального противника, причем нападающего. Надо полагать, других оппонентов (научных, ведомственных и пр.) у научно-технических специалистов тоже хватало, но в отличие от журналистов они представляются как «сомневающиеся» или «скептики», и их можно переубедить. Как бы то ни было, конечным аргументом являются результаты работы. Результаты же научно-технического поиска при любой строгости расчетов непредсказуемы. Таким образом, создается ситуация неопределенности, которая психологически дестабилизирует исполнителей государственного заказа и – обращает к вере. Не чуждаясь высокой риторики, автор утверждает, что феномен подъема «Курска»

«есть высшее проявление созидательной силы Разума и Веры» [Там же: 271]. Вера выступает, в первую очередь, в инструментальной функции: как средство обретения и поддержания уверенности в правоте и результативности предстоящего дела, а также сохранения психологической стабильности. В этой связи понятно, что понятие Веры оказывается полным синонимом обозначения института, оказывающего соответствующую духовную помощь: «сегодня я твердо уверен: Церковь в операции подъема “Курска” играла конкретную созидательную роль» [Там же: 265].

Судя по воспоминаниям И.Д.Спасского, ритуальное сопровождение подготовки и самой операции было едва ли не беспрецедентным. В тексте неоднократно высказывается в клишированной форме благодарность конкретным церковным деятелям, которые особенно активно участвовали в ритуальном обеспечении мероприятий: «отдавая дань глубокого уважения и благодарности всем священнослужителям, я хотел бы отметить особую роль Владыки Владимира, Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, и настоятеля Николо-Богоявленского морского собора отца Богдана. Все это время, особенно в дни наибольшего напряжения сил и нервов, я и мои коллеги ощущали их постоянную поддержку» [Там же: 265]. Соблюдая правила религиозной толерантности, автор тут же добавляет: «В это же время мы получили поддержку со стороны некоторых других конфессий, что также прибавило нам сил и уверенности в работе по подготовке операции» [Там же: 266]. В январе 2001 г. с благословения Владыки Владимира в Международном деловом центре «Нептун» в Санкт-Петербурге была открыта часовня в честь Рождества Христова. В этой часовне руководители «Рубина» и голландской компании Маммоет («Маммут Транспорт Антиллесс Н.В.») поставили свечи за успех проведения совместной операции по подъему АПРК «Курск» накануне подписания ими контракта в Москве. Часовня стала местом для бесед с духовными наставниками.

Ритуальные действия были направлены на живых, которые оказались непосредственно включенными в «смертное» пространство в силу тех или иных обстоятельств. И.Д.Спасский, в частности, рассказал о том, как перед отправкой водолазов на платформу «Regalia» отец Богдан обратился с настоятельным предложением отслужить молебен в Санкт-Петербургском Никольском соборе и благословить российских водолазов перед выходом в море [Там же: 266]. Поскольку в задачи мемуариста входят доказательство исключительной роли церкви в духовном укреплении людей при выполнении ими сложной работы и утверждение всеобщей потребности в таком укреплении, он подчеркивает, что все водолазы испытывали великое желание получить благословение. Как руководитель и заинтересованное лицо он уверен, что подобные акты повышают ответственность исполнителей: «Надо было видеть лица водолазов во время церковной службы! Мне казалось, что именно тогда эти молодые ребята получили дополнительный духовный стержень, твердость в намерениях и окончательно прониклись ответственностью за порученное дело» [Там же: 269].

В целом текст И.Д.Спасского содержит местами скрытый, местами артикулируемый легендарный компонент. В нем присутствует внутренний сюжет «обретения веры» в процессе выхода из кризиса, причем не без помощи «чуда». Чудо может считаться необъяснимой случайностью или быть интерпретировано как ответ на молитвы. Накануне подъема, когда было принято соответствующее решение голландской и российской сторонами, «каждый из нас по-своему молил только о хорошей погоде и поддержке свыше. И случилось то, что никакой наукой и логикой

объяснить нельзя. В ночь подъема, а в дальнейшем и в период всей транспортировки установилась погода, какой никто не помнил в этом районе моря в октябре. Более того, о подобной погоде не упоминалось в документах за последние сто лет. <...>. На меня, человека с материалистическим миропониманием, это произвело настолько сильное впечатление, что в одном из первых интервью после подъема я сказал, что после таких событий, как подъем «Курска», поверишь во Всевышнего» [Там же: 269-270].

Отбуксировка поднятого корпуса «Курска» – это была похоронная процессия, и она проходила с надлежащим сопровождением. В устных и письменных источниках есть мифологический рассказ: «Рассказывают, что осенью 2001 года, в день, когда лодку оторвали от грунта и она двинулась от места катастрофы, подвешенная под днищем гигантской баржи, неожиданно появилась стая дельфинов. Они не отходили от «Курска» и сопровождали лодку до самого Кольского залива. У входа в Кольский залив стая дружно развернулась и растаяла в морских глубинах» [Баданин, 2010: 83].

Похороны моряков с «Курска» продолжались несколько месяцев по всей России, а также на Украине. Хоронили в тех городах и местностях, откуда они были родом или призывались на службу, где жили или куда переехали родители или супруги. Наконец, 23 марта 2002 г. на Серафимовском кладбище, где осенью 2000 г. были сделаны первые захоронения, предали земле тела последних 7 моряков атомохода, извлеченных из корпуса крейсера, в том числе командира АПЛ «Курск» капитана 1 ранга Г.П.Лячина.

Статус и оправдание смерти

На официальном уровне осуществлялись действия государства по символическому оформлению трагического события. К ним относятся визит главы государства на место гибели, встреча с родными и близкими покойных, обещание и санкционирование помощи, объявление дня траура в стране, подписание правительственных указов, в которых подтверждается государственный статус умерших и назначаются формы увековечивания их памяти. 22 августа президент России вылетел в Североморск. В гарнизоне Видяево он встретился с родными и близкими погибших моряков. После встречи он своим указом объявил 23 августа днем траура [Об объявлении траура, URL: <http://docs.cntd.ru/document/901767082>] и отбыл в Москву. Впервые в России (и в СССР) был объявлен день траура по погибшему экипажу.

24 августа генеральный прокурор РФ В.Устинов объявил о возбуждении уголовного дела по факту гибели АПЛ «Курск». 26 августа В.В.Путин подписал Указ о награждении государственными наградами членов экипажа атомной подводной лодки «Курск» [О награждении..., URL: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1015517>]. Звание Героя Российской Федерации присвоено капитану 1-го ранга Геннадию Лячину (посмертно). Остальные 117 членов экипажа посмертно награждены «Орденом Мужества». В этот же день президентом был подписан Указ «Об увековечении памяти экипажа атомного подводного крейсера «Курск» [Об увековечении памяти..., URL: <http://docs.cntd.ru/document/901767377>].

Ритуальные действия государства, вопреки их стандартности, неоднозначно воспринимались людьми, причастными к ситуации с той или иной стороны. Родным погибших было трудно примириться с неизбежным. В частности, известно, что «когда был объявлен траур, родственники требовали отменить его и продолжить

спасательные работы» [Черкашин, 2001: 194]. По-разному в подобных случаях воспринимаются посмертное награждение погибших и материальная помощь семьям, поскольку они имеют несколько значений. Эти действия могут свидетельствовать о мотивированном государственном признании, реальной экономической помощи, а также означать ритуальный или политический акт. В любом случае, непосредственно сразу после трагедии родные погибших в большей или меньшей степени, склонны оценивать такие акции как неэквивалентный обмен, или «откуп». Действия государства по определению детерминированы политическим фактором, и в данном конкретном случае очень трудно было сгладить противоречие между двумя объективными и оправданными социальными потребностями: необходимостью соблюдения военно-государственной тайны, с одной стороны, и удовлетворением требования «общественной открытости», с другой стороны. В политических целях, с учетом исторического момента было необходимо и то, и другое: «Не прошло и ста лет, как нас оценили в общегосударственном масштабе. И град благодарений просыпался на черные вдовьи платки. <...>. Нет худа без добра: десять дней весь мир не отходил от телеэкранов, весь мир сострадал вдовам и матерям русских подводников. Пожертвования – искренние, от души – пошли отовсюду. Даже наши олигархи поспешили откупиться от той вины, которую каждый за собой знал. Ведь именно тех, нахапанных ими денег, спрятанных в зарубежных банках, и не хватило на содержание спасательных сил Военно-морского флота» [Там же: 256]. Писатель высказывается здесь от лица флота, который предстал в роли коллективной жертвы.

В свою очередь, те, кто предполагали прямую или косвенную виновность самих моряков, ставили под сомнение правомерность ритуальной практики награждения всех погибших и тем самым признания их статуса как героев: «Буквально через считанные дни после трагедии издавались указы о награждении всех членов экипажа. Откровенно скажу, что эта «оперативность» очень крепко связывала руки комиссиям, которые вели расследование причин катастроф и действий личного состава» [Спасский, 2003: 261]; «Безусловно, награждение экипажей кораблей, потерпевших катастрофу, как акт признания государством подвига моряков, с честью и до конца выполнивших свой воинский долг, является абсолютно естественным после установления истинной причины гибели корабля и выявления всех обстоятельств» [Там же: 263].

Руководство Мурманской и Мончегорской епархии с самого начала заняло однозначную позицию в оценке статуса погибших как православных мучеников – независимо от прижизненного отношения к вере и вероисповедания конкретных людей. Ее выражает афористическое высказывание Владыки Симона (ныне митрополита): «Они покрестились в морской воде своего мученического подвига» [Баданин, 2010: 63]. Одним из подтверждений святомученичества стало активное бытование устных легендарных текстов жанра видений, в которых визионерам являлись моряки с «Курска». Несколько рассказов такого рода приводит о. Митрофан [Там же: 63, 79]. Закономерно, что религиозно-легендарные сюжеты, характерные для определенной среды верующих, в период исключительного духовного, эмоционального напряжения значительно расширили сферу своего бытования.

Проблему создало решение, принятое руководством епархии, «написать четыре памятные иконы: Спасителя, Божьей Матери “Курской”, Николая Чудотворца и князя Владимира Крестителя Руси. А по периметру этих икон, на полях дать портреты всех 118 погибших моряков в белых одеждах» [Там же: 61]. Иконы были написаны и освящены, вопреки оппонентам. Согласно аргументации игумена Митрофана, «хорошо известно, что в традициях иконописи для наполнения сюжета

при раскрытии образа допускается использовать самые различные изображения людей, предметов или ангелов. И подчас эти персонажи икон вовсе не святые, и даже, более того, бывают и “падшие”»; «ни о какой “незаконной канонизации” подводников разговора уже не получалось, поскольку относительно рамы для иконы канонов никаких не предусмотрено и традиций не установлено»; «чем больше в нас этой любви, тем ближе мы к Истине. Потому и иконы памяти погибших ребят с “Курска” можно было написать только по любви, а не по правде» [Там же: 69].

Другой проблемный аспект касался религиозной интерпретации причин смерти, в отношении которых возникла общественная дискуссия, в том числе в социальных сетях. Дело в том, что вдовы погибших, наряду с другими ближайшими родственниками, как полагается и по закону, и «по обычаю», и в соответствии с ритуальным статусом стали основным объектом психологической и материальной помощи. Однако уже в ритуальный поминальный период вдовы (жены) военных моряков неожиданно подверглись резкому осуждению – вплоть до обвинений их в гибели собственных мужей. С «критикой жен» выступил в устном слове протоиерей отец Василий Ермаков, санкт-петербургский старец, а сочувственно процитировал и разъяснил ее другой священнослужитель – игумен Митрофан (Баданин): «Произошедшее с “Курском” – трагедия нравственная, и характер ее чисто духовный. Это трагедия-символ. Главная причина в том, что дома ребят никто не ждал. И за это всегда бывает наказание. Я это знаю, мне рассказали о том холоде, том равнодушии, которое было у жен многих моряков к своим мужьям, им в спину неслись даже проклятия. <...>. Главная причина гибели – нравственная – женщины перестали любить своих мужей, ждать их, делить их тяготы» [Там же: 75]. Таким образом, проблемы супружеских взаимоотношений в семьях, о которых было известно духовному лицу, будучи сопоставлены с гибелью «Курска», послужили поводом для моральной проповеди «о глубоком нравственном падении современного человека, об утрате духовных основ семейной жизни, деградации отношений между мужем и женой» [Там же]. Безусловно, забота «о моральном аспекте жизни во флотских гарнизонах» может быть вполне мотивированной, и она является одной из задач духовенства. Выполняя эту задачу, игумен Митрофан и прокомментировал высказывание о. Василия, попытавшись соединить церковную риторику с ее частичным «переводом» на обыденный язык, не исключая и двусмысленного намека: «раздаются в пустых гарнизонных церквях одинокие голоса священников, возносящих молитвы “о сущих в море далече”. Исполнит ли Господь эти прошения, если “вторая половина” мужа, находящегося в походе среди морской стихии, вместо исполнения долга жены моряка и молитвы о сбережении любимого и посещения храма, коротает время в пустых разговорах, одуряющем просмотрении телевизора, а то и за чем-либо иным...» [Там же: 77].

Разумеется, «нравственная деградация жен» не предлагалась в качестве единственной причины гибели атомарины и ее экипажа. Катастрофа создала сильный «информационный повод» для того, чтобы актуализировать религиозные ценности. А для этого нужны конкретные аргументы. В частности, Баданин настойчиво акцентирует внимание еще на одном симптоме «духовного разорения» – широком распространении на флоте матерной брани [Баданин, 2010: 81; Баданин, 2011]. Оба названные обстоятельства составили основную «доказательную базу» греховности и безнравственности российского общества, за которые и последовало воздаяние. В свою очередь, именно эти доказательства в большей степени,

чем сам «диагноз», вызвали агрессивное отторжение, которое демонстрируют высказывания в социальных сетях и на интернет-сайтах [Мракобесо-паразиты, URL: <http://my.mail.ru/community/netbogu/634CA667352E8FA8.html>], [О причинах гибели «Курска»: <http://community.livejournal.com/antireligion/4859823.html>]. Они появились спустя несколько лет после события (в 2010 г. и позже), когда тексты о Митрофане стали широко известны, благодаря интернет-публикациям. На их основе один из критически настроенных пользователей суммировал церковно-религиозную концепцию следующим образом: «а) гибель Курска – полезна для общества; б) причины гибели Курска – нравственные, а именно – моральное падение жен моряков, матерщина и языческие обряды; в) гибель Курска – это милость Божия, которая выпадает не каждой стране, нужно быть благодарными за нее и обратить свои сердца к вере» [Там же]. Пользователи сетей по-своему (иногда в форме, которая вызывала запрет комментариев) заступились за жен моряков; один из комментариев был таким: «Надеюсь, жены погибших моряков подадут в суд <...> за клевету». Очевидно, вдовы и жены в этом вопросе проявили больше толерантности.

Послесловие

Основным некрополем «курян» стало мемориальное Серафимовское кладбище в Санкт-Петербурге. Первые похороны прошли здесь в ноябре 2000 г., когда были похоронены офицеры-подводники Александр Бражкин и Дмитрий Колесников, а всего на Серафимовском кладбище покоятся 32 моряка с «Курска». В «столице Северного флота», на городском кладбище в п. Росляково, похоронен капитан-лейтенант Б.В. Гелетин; 12 человек похоронено в Курске, 8 – в Севастополе, 4 – в Воронеже; кроме того – в Москве, Нижнем Новгороде, Архангельске, Белгороде, Ульяновске, Туле, Калуге, Тольятти, Череповце, Рязани, Костроме, Ярославле, Йошкар-Оле, Калининграде, Уфе, Обнинске, Абакане, в Архангельской, Нижегородской, Ульяновской, Московской, Липецкой, Владимирской, Вологодской, Калужской, Томской, Челябинской областях, Краснодарском крае, в Республиках Коми, Башкортостане, Чувашии, Марий-Эл, Дагестане. А еще в Запорожской, Сумской областях и в городе Каменец-Подольский на Украине.

Список литературы

Братская могила моряков атомной подводной лодки «Курск», погибших 12 августа 2000 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://funeralspb.ru/necropols/serafimovskoe/kursk/>.

Игумен Митрофан (Баданин). Неугасимая лампада «Курска». К десятилетию событий 12 августа 2000 года. СПб., Мурманск: Ладан, 2010. 108 с.

Игумен Митрофан (Баданин). Некоторые аспекты духовных причин катастроф и потрясений в жизни современного человека. К десятилетию трагедии АПЛ «Курск» // Христианские воззрения на страдания и скорби в спасении человека. Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Третьи Феодоритовские чтения: под ред. игумена Митрофана (Баданина). Мурманск, СПб.: Ладан, 2011. С. 177-188.

К 141. Курск. In memoriám // Газета.Ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.k141.ru/>.

Мракобесо-паразиты в рясах о причинах гибели Курска. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://my.mail.ru/community/netbogu/634CA667352E8FA8.html>.

Никольский храм-памятник морякам АПРК «КУРСК» в поселке Видяево. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zatovid.ru/up/Pages/istvid/hram1.htm>. Последнее обращение 23.08.2014.

О награждении государственными наградами Российской Федерации военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и гражданских лиц. Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2000 г. № 1578 // Президент России. Официальное интернет-представительство. Режим доступа: <http://document.kremlin.ru/page.aspx?1015517>.

О причинах гибели «Курска». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://community.livejournal.com/antireligion/4859823.html>. Последнее обращение 23.08.2014.

Об объявлении траура в связи с трагедией в Баренцевом море. Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2000 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901767082>.

Об увековечении памяти экипажа атомного подводного крейсера «Курск». Указ Президента Российской Федерации от 26 августа 2000 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901767377>.

Сегодня отмечают годовщину аварии на АПЛ Курск. Хроника гибели // Корреспондент.net. 12 августа 2013, 08:25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://korrespondent.net/world/russia/1591007-segodnya-otmechayut-godovshchinu-avarii-naapl-kursk-hronika-gibeli/>.

Спаский И.Б. «Курск»: после 12 августа 2000 года. М.: «Русь», 2003. 288 с.

Устинов В.В. Правда о «Курске». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 319 с.

Хроника гибели атомной подводной лодки «Курск» // РИА Новости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20120812/720555832.html#14076787839173&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration#ixzz39ztMCvQi>.

Черкашин Н.А. Унесенные бездной. Гибель «Курска»: Хроника. Версии. Судьбы. М.: Коллекция «Совершенно секретно», 2001. 320 с.

Шигин В.В. АПРК «Курск». Послесловие к трагедии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 105 с.

Шигин В.В. АПРК «Курск». 10 лет спустя. М.: «Вече», 2010. 432 с.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Razumova Irina Alekseyevna,

Dr.Sc. (History), Chief Research Fellow of the Barents centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 314.622.2-054.73(=511.111)(470.21)

Е.В.Бусырева

СУДЬБЫ СЕМЕЙ ФИНСКИХ КОЛОНИСТОВ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматривается история финских колонистов. Статья основана на интервью, полученных у восьмерых информантов и их семейных архивах. В статье рассказывается о том, как в результате репрессий трагически сложились судьбы финских колонистов.

Ключевые слова:

семейная история, финские колонисты, миграции, репрессии, гетероэтнические семьи.

E.V.Busyрева

DESTINIES OF FAMILIES OF THE FINNISH COLONISTS OF THE MURMANSK REGION

Abstract

The article presents the history of Finnish colonists. The article is based on interviews obtained from eight informants and on their family archives. The article tells about how as a result of repression was tragic destiny of the Finnish colonists.

Key words:

history of family, Finnish colonists, migration, repression, geteroethnic families.

Население Мурманской области в силу своего пограничного положения и находящееся под воздействием интенсивных миграций, сформировалось как полиэтническое [Кольская энциклопедия, 2008: 75]. К старожильческому населению области относятся финские колонисты. Еще сто лет назад финны составляли самую большую группу переселенцев на Кольском полуострове. Однако за прошедшие годы финское население сократилось более чем в десять раз. В представленной статье мы попытаемся рассмотреть историю заселения края финнами и их дальнейшую, в большинстве случаев, трагическую судьбу.

Судьбы семей с финской родословной могут быть достаточно подробно прослежены на уровне индивидуальных биографий. Одно из ключевых мест в ней занимает «миграционный сюжет», который включает обстоятельства жизни на территории выезда, причины и тактики переезда, условия жизни и быта на новом месте, последующие судьбы потомков переселенцев [Разумова, 2009: 47]. Второй ключевой момент – это рассказы информантов о репрессиях.

Из двадцати девяти опрошенных нами информантов с финскими корнями к колонистам Мурманска относятся предки восьми информантов. Из них только один информант (Вуокко, 1939 г.р.) из моноэтнической финской семьи.

Кольский Север был одной из самых отсталых окраин царской России. Мурманский берег полуострова до 1860-х гг. был практически не заселен [Беляев, 2010: 30]. Очевидно, сказывались существовавшие представления о резком ухудшении климата к востоку от Варангерского залива, опасения перед русскими властями, «удобства цивилизованной жизни». Отсутствие дополнительных стимулов к переселению не могло привлечь на Мурманский берег переселенцев, к тому же и у русских властей существовали сомнения

как в пригодности этой территории для постоянного проживания, так и в необходимости ее заселения [Орехова, 2008]. Архангельская администрация того времени имела настолько смутное представление о Мурмане и условиях жизни на нем, что нашла возможным возбудить перед Министерством государственных имуществ ходатайство о пользе заселения Мурманна «в видах развития там земледелия» выходцами из Финляндии и Норвегии [Жилинский, 1919: 146-147].

После того как в 1868 г. Александр II утвердил «Положение» о даровании льгот поселенцам Мурманского берега [ПСЗ-II. Т. XLIII. № 46467], на западное побережье стали переселяться семьи из Северной Финляндии. Среди финнов-мигрантов преобладали выходцы из Улеборгской губернии (шведское название губернии Оулу [Энциклопедический словарь, 1954: 581]). В 1876 г. был издан указ о даровании льгот поселенцам, как русским, так и финнам и норвежцам, с оговоркой, что иностранные граждане должны были принять российское подданство [ПСЗ-II. Т. LI. № 55934]. Причиной того, что многие финны решили покинуть родные места, стали неурожайные годы, многие страдали от голода:

Они были «торпари», или как у нас называют «батраки». Они не имели своей земли, они землю арендовали. Они перебрались сюда из-за голода, в Финляндии. Там несколько лет подряд был голод (Вуокко).

В 1895 г. был издан указ о выдаче ссуд и пособий переселенцам на Мурманский берег [ПСЗ-III. Т. XV. № 11237]. Царские власти препятствовали заселению Мурманского берега беднотой, чтобы не выдавать им как колонистам ссуду и не оказывать другую помощь. Предпочтение делалось финнам и норвежцам, которые не просили никакой правительственной помощи [Ушаков, 1972: 324]. «В поисках более благоприятных природных условий своей хозяйственной деятельности, люди выходили из круга налаженной культурной жизни на родине, в условиях первобытного заселения территории теряли культурные навыки и неизбежно дичали. Такова была судьба финского населения», утратившего связи с прежней родиной [Воленс, 1926: 16-17]. Норвежские колонисты в этом отношении оказались в более выгодном положении.

Первые финские поселения появились на Мурманском побережье в 1860-е годы [Шлыгина, 1994: 370]. Финские переселенцы селились преимущественно по побережью Западного Мурманна (самые крупные финские общины были в Ура-Губе и в Белокаменке [Савилова, 2008: 139]), вдоль р.Тулома и в ИONO-Бабинском погосте, то есть в западных районах региона. Таким образом, переселенческое движение из Финляндии носило приграничный характер.

Колонисты предпочитали западное побережье из-за более благоприятных климатических условий, чем на Восточном Мурмане [Сиденснер, 1897: 24-25]. В 1864 г. образовалась финская колония в Ура-Губе. Финские колонисты предпочитали селиться в глубине заливов (Ура, Земляная), где можно было заниматься морскими промыслами и в то же время не разрывать связи с землей [Путеводитель по Северу России, 1898: 94]. «Поселившиеся финляндцы вполне доказали, что на Мурманском берегу можно жить вполне безбедно; им удалось обзавестись, без пособия со стороны

правительства, постройками и рогатым скотом; занимаясь рыбными промыслами, они в то же время разработали луга и завели даже огороды» [Энгельгардт, 2009: 95]. Как отмечал вице-губернатор Архангельской губернии Д.Н.Островский, совершивший поездку на Мурманское побережье: «Во всех домах нас особо поразили опрятность и порядок, как внутри домов, так и снаружи. В самой бедной хижине стены, пол, посуда, мебель носили следы самой заботливой чистоты, на стенах развешаны картинки, на окнах занавески; женщины были одеты опрятно, так же и дети. В каждом доме мы находили шкаф с книжками и даже газеты. В каждом дворе есть несколько коров. Крошечные хлевы, в которые приходилось входить согнувшись, содержатся в безукоризненном порядке и ежедневно по несколько раз вычищаются...» [Путеводитель по Северу России, 1898: 103]. Вот как вспоминает рассказ матери о быте финских колонистов информант Галина:

Они заходили в хлев, у них дорожки такие были, домотканые, они по дорожкам идут, переодеваются и начинают доить. Все животные были ухожены, чистенькие.

В 1867 г. в Вайда-Губе и в Ура-губе проживало 114 финнов [Киселев, 2003: 28]. Согласно метрическим книгам, в числе первых колонистов Ура-губы числились прабабушка и прадед информанта Вуокко [Onella, 1973: 107; СА]. Фамилия предков информанта по материнской линии упоминается в «Материалах по статистическому исследованию Мурмана» [Материалы, 1902: 233-234]. К концу XIX в. в Ура-губе население достигло 200 душ [Сиденснер, 1897: 27]. Бабушка информанта, 1885 г.р., вышла замуж за деда информанта, 1875 г.р., из Куусамо. Их дочь, 1912 г.р., мать информанта, вышла замуж за финского колониста, 1908 г.р., семья которого мигрировала в Грязную Губу на рубеже веков. Это поселение возникло в 1893 г. как финская колония, с 1954 г. – пос.Сафоново, штаб ВВС СФ.

Предки информанта Валерия также перебрались на западное побережье Мурмана еще в конце XIX в. Прабабушка информанта родилась в становище Белокаменка Александровской волости. Она вышла замуж за уроженца Улеаборга, который в 1915 г. переехал в становище Белокаменка [СА]. Это была большая колония, основанная в 1895 г. Основное население – финны: 18 хозяйств (70 человек) [Золотарев, 1930: 19].

Из Сайда-губы происходит род информанта Юрия по отцовской линии [Книга памяти, 1997: 312; СА].

Бабушка по отцовской линии информанта Ирины родилась на Рыбачьем:

Пуманги поселок назывался или еще Земляная называли. И там был поселок финский. А ее родители приехали из Куусамо. Голод был в Финляндии.

Род по материнской линии информанта Галины из рыбацкого становища Озерко [СА]. Согласно данным экспедиции Д.А.Золотарева (1928) Озерко – финско-фильманское селение: 182 финна, 19 карелов, 9 фильманов, 8 русских, 3 эста. Заселено с 1860-х годов. «На самом деле, подъехав к Озеркам, вы находите лишь четыре – пять домов. Оказывается, отдельные усадьбы разбросаны по берегу залива на большом расстоянии» [Золотарев, 1930: 15]. На западе области (как и в Финляндии) преобладал хуторской тип поселения, хутора располагались на расстоянии 1,5-2 км друг от друга [Финские переселенцы, 2003: 523]. Хуторской характер финских поселений отмечала и Н.В.Воленс: «Финские поселения растянуты, каждая усадьба окружена своими, чаще всего огороженными, сенокосами» [Воленс, 1926: 21]. Такое расселение сохранялось до коллективизации:

Они все жили в одном месте, но у каждого был свой дом, когда ребята стали взрослыми. Хуторского типа (Татьяна).

К концу столетия на Западном Мурмане сложился уже ряд поселений с традиционным для финской деревни укладом жизни. Как отмечал В.Н.Никольский, финские колонисты устроились на Мурманском побережье безбедно [Никольский, 1913: 16]. Об этом свидетельствовали и информанты:

Мама говорила, что у них был хороший дом. Они хорошо жили. Были коровы, овцы. Они все занимались рыбной ловлей. Они все вместе выходили в Мотовский залив, ловили рыбу, сдавали ее (Галина).

Рыбный промысел и охота были основными занятиями финнов [Финские переселенцы, 2003: 522-523]. Ловили треску, пикшу, сайду, палтус [Путеводитель, 1898: 95]. Также занимались животноводством и немного земледелием (в основном разводили картофель и кормовые культуры) [Киселев, 1989].

Уклад жизни Ино-Бабинских финнов отличался от приморских колонистов. Они, естественно, не занимались морским промыслом:

Они держали коров, овец и оленей (Владимир).

Финны жили на Мурмане обособленно, своими национальными общинами [Финские переселенцы, 2003: 522-523], что подтверждается сведениями, полученными от информантов:

Финны жили на одном берегу реки, а саамы на другом (Владимир).

Занимались охотой и рыбной ловлей. Приблизительно такой же уклад жизни наблюдался и у нотозерских финнов. Помимо рыбной ловли (сеужий промысел) и охоты занимались разведением коров, овец, кур, сеяли немного ячмень, сажали картошку и репу [Локко, 1993: 254, 226].

В колониях Западного Мурмана и по Кольскому заливу преобладали финны и норвежцы (63 % жителей), а русских было только 13% [Ушаков, 1972: 415]. Всего же численность финнов на Кольском полуострове в 1897 г. составляла 1276 человек (645 мужчин и 631 женщина). Из них 650 человек были мигрантами первого поколения, в основном уроженцами Улеборгской губернии (83%) [Финские переселенцы, 2003: 523]¹. При этом значительная часть финского населения относилась к Александровскому району [Золотарев, 1930: 19]. В 1899 г. на Мурмане насчитывалось 42% финнов [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 322. Л. 28].

Перед Первой мировой войной количество финского населения на Кольском полуострове значительно увеличилось. В связи с этим обстоятельством премьер-министр Коковцев выдвинул проект закона, значительно ограничивающий права финских колонистов, чтобы усилить русское влияние в приграничных районах [Йентофт, 2002: 44]. По мнению исследователей, опасения российского правительства были связаны с воздействием двух факторов – ростом сепаратизма в самой Финляндии и обособленным существованием финских колоний, их нежеланием вписываться в русскую культурную среду [Орехова, 2008]. Почти никто из финских колонистов не владел русским языком. Следствием такой ситуации стали петиции представителей финляндского сейма, в которых они претендовали на присоединение лучшей во всех отношениях площади из западной части Мурманского берега к Улеборгской губернии [Сиденснер, 1909: 20-21].

¹ Согласно словам Д.А.Золотарева, в переписи 1897 г. значится 1071 финн [Золотарев, 1930: 5], данные Н.В.Шлыгиной совпадают с приведенными И.Ф.Ушаковым [Шлыгина, 1994: 370].

Строительство Мурманской железной дороги в 1915 г. привело к новой волне увеличения численности финского населения на Кольском Севере. Крестьян из Финляндии вербовали на строительство дороги [Киселев, 1977: 18]. К 1917 г. финское население составляло примерно 2 тысячи человек [Финские переселенцы, 2003: 524].

После революционных событий 1917 г. большинство финских колонистов остались на Кольском полуострове [Такала, 2010: 25]. В 1918 г. некоторые финны, поддерживавшие советскую власть, вынуждены были эмигрировать в РСФСР из маннергеймовской Финляндии после поражения там социалистической революции [Киселев, 2009: 68]. В конце января 1918 г. в Финляндии началась война между красными и белыми. За уничтожение «красных финнов» во время подавления революции 1918 г. Маннергейм получил от собственного народа прозвище «Лахтари» – Мясник [Ставицкий, 2011: 147]. Под контролем белых финнов оказалась центральная и северная часть страны, то есть Кольский край граничил с районами Финляндии, контролируемые белофиннами [Герасимов, 2003: 12]. Большевики, не дожидаясь окончания вооруженной борьбы, 1 марта 1918 г. заключили мирный договор с Финляндской социалистической рабочей республикой (на очень выгодных для финнов условиях) в качестве основы для дальнейшего развития добрососедских отношений. В частности, Печенга без каких-либо компенсаций переходила в состав Финляндии, как того потребовала на переговорах финская делегация [Холодковский, 1967: 142-146]. Этот договор вызвал резкую критику и массовые протесты на Севере, противники большевиков именовали этот документ «Северным Брестом» [Голдин, 1993: 29]. Печенгский вопрос разрешился заключением между Советской Россией и Финляндией мирного договора 14 октября 1920 г. Советская сторона по настоянию Ленина уступила Печенгу вместе с ее территориальными водами [Логинова, 2003: 9]. Присоединение части территории нынешней Мурманской области (район Печенги и половина полуострова Рыбачий) к Финляндии в 1920 г. (Тартуский мирный договор [Расила, 2006: 229]) произошло, в частности, из-за того, что на ней проживало большое количество финнов-колонистов, и финляндское правительство настаивало на этом. О желании присоединить Кольский полуостров к Финляндии говорили в окружении Маннергейма начиная с 1918 г. [Киселев, 2004: 8]. Слабой в то время советской России пришлось уступить. В 1940 г. эти земли были возвращены, но за них пришлось уже воевать [Русинов, 2002].

Именно в эти годы представители семей информантов Татьяны (отец), Анны (дед) и Ирины (отец) переехали на Кольский полуостров:

Папа в революцию, в период Гражданской войны частенько переправлял революционеров через границу, как бы был проводником. Он ведь был профессиональным охотником (Татьяна).

Дед где-то в начале 20-х годов по призыву Ленина уехал из Финляндии (Анна).

Дед и его товарищи ушли из Финляндии из-за того, что лахтари насильно вербовали людей в свои отряды, плюс еще голод (Ирина).

В тот период между РСФСР и Финляндией существовала демаркационная линия до установления постоянной границы. Следует сказать, что в те годы пройти ее хоть с российской стороны, хоть с финской не представляло особой трудности. Местные жители могли достаточно свободно ее переходить [Бусырева, 2010: 87]. Красные финны оказались на территории СССР только потому, чтобы не оказаться в руках финских лахтарей [Локко, 1993: 323].

Когда мигрировали на Мурман предки информантов Юрия, Галины и Владимира, неизвестно. Есть данные, что дед информанта Юрия родился в 1906 г. в Сайда-Губе [Книга памяти, 1997: 312; СА]; дед информанта Галины родился в 1891 г. в Озерко [Ленинградский мартиролог Т. 11. URL: <https://visz.nlr.ru>], а отец информанта Владимира родился в 1910 г. в Ене.

В начале 1920-х гг. переселение с территории Финляндии прекратилось. Финские колонисты, сохранив свои культурные и национальные особенности, успешно вписались в советскую систему и демонстрировали полную лояльность. Несмотря на это обстоятельство и декларируемый интернационализм, власти не избавились от традиционно подозрительного отношения к иностранным колонистам [Орехова, 2008].

С 1920 г. при Мурманском уездоме действовало бюро финских коллективов Мурманского побережья. На первой уездной партийной конференции из семисот делегатов было двести финнов – членов ВКП (б) [Локко, 1986]. В некоторых поселениях (Сайда-Губа, Тюва-Губа и др.) население оставалось полностью финским. При участии «красных» финнов на Кольском полуострове создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны и артели [Шлыгина, 1994: 371]. В 1923 г. в рыболовецкой артели на Падуне работал старший брат отца Татьяны Эдвард, артель занималась ловлей семги [Локко, 1993: 278].

В связи с циркулярным письмом Президиума ВЦИК от 10 января 1930 г. о выделении национальных меньшинств в особые национальные административно-территориальные единицы в Мурманском округе началась работа по преобразованию сельсоветов, в которых не менее 2/3 всего населения составляли национальные меньшинства, в национальные сельсоветы [Административно-территориальное деление, 1995: 102]. Александровский район был утвержден национальным финским районом. На побережье в 1930-1934 гг. числилось 5 селений с финским населением: Белокаменка, Ура-Губа, Грязная Губа, Западная Лица, Озерко [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 348. ЛЛ. 10-11]. В районе национальными финскими сельсоветами были утверждены Белокаменский, Грязно-Губский, Западно-Лицкий, Озерковский, Тюва-Губский и Ура-Губский сельсоветы [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 231, ЛЛ. 41, 136, 146]. Согласно выписке из Протокола Александровского районного съезда Советов от 12 января 1931 г., было принято решение: «Переименовать город Александровск в село Полярное, а район в Полярный» [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. ЛЛ. 32, 61, 66-67]. Постановлением Президиума Ленинградского облисполкома от 11 марта 1931 г. Александровский район был переименован в Полярный район, райцентр с. Александровское – в с. Полярное [Административно-территориальное деление, 1995: 103]. Полярный финский национальный район развивался стабильно. Все делопроизводство, административно-хозяйственная, педагогическая и массово-политическая работа велись на финском языке [Савилова, 2008: 135]. Около 500 финнов жили по р. Туломе, в дер. Ниван-Кюля Нотозерского с/с и в дер. Иона Бабинского с/с [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. Л. 48].

В начале 1930-х гг. в Мурманском крае проходила коллективизация. В 1930 г. было создано два колхоза в Нотозерском с/с: оленеводческий и рыболовецкий. В оленеводческий вошли 4 брата отца Татьяны: Эдвард, Вильям, Ханнес, Вайне [Lokko, 1993: 53]. Согласно архивным данным, на 1 января 1932 г. были организованы финские колхозы: «Юркин» (животноводческий и рыболовный), «Туллома» (животноводческий), Ионский (озерное рыболовство), Ниванкюля (животноводческий и рыболовный) [ГОКУ ГАМО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. Л. 52]. В колхозе «Туллома» с 13 лет начал работать отец Ирины, он пас колхозных

коров [Локко, 1993: 332–333]. В Мурманской области более или менее зажиточное население подверглось раскулачиванию. Представляют интерес описи имущества (ведомости, протоколы) раскулаченных финнов за 1931 г.: что изъято (включая детские ботинки и кальсоны) и на что потрачено [ГОКУ ГАМО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 462. ЛЛ. 1-2]. Семьи наших информантов из финских колонистов процесс раскулачивания не затронул, поскольку их родители и деды не имели зажиточных хозяйств. На Кольском полуострове после объединения в колхозы часть финнов стала уходить в города или леспромхозы. Это был первый удар по финским колониям. Вторым ударом стало строительство Северного военно-морского флота. Финны были вынуждены переселяться [Киселев, 1989].

Создание Северного флота на Мурмане стало переломным временем для финнов: началось переселение жителей с тех мест, которые были выбраны местами базирования флота [Савилова, 2008: 136]. В 1933 г. в связи со строительством военно-морской базы Северного флота инонационалы подверглись депортации. Был ликвидирован колхоз в Ваенге, население выселено, в том числе семья информанта Вуокко, дед которой работал в Ваенге председателем рыболовецкого колхоза.

В 1936 г. была волна депортации с полуострова Рыбачий:

А потом всех жителей этой деревни увезли. Их всех посадили в так называемый бот и повезли на Терский берег в Левзубу (Галина).

Со второй половины 1930-х гг. начинаются репрессии, направленные против инонационалов, в том числе финнов-колонистов. Все они оказались «шпионами» или осуждались за нелегальный переход границы [Дашинский, 2002: 218]. Октябрьский пленум обкома ВКП (б) 1935 г. положил начало борьбе «с финским буржуазным национализмом». Финнов стали исключать из партии, запретили разговаривать на родном языке, начались аресты. Одним из обвинений в адрес финнов в тридцатых годах было наличие связи с границей [Иштонкова, 2010: 80]. Достаточным основанием для подозрения и обвинения была уже сама финская фамилия. Финнам были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности, что в тот исторический период особой трудности не представляло, судебных процессов как таковых не было, достаточно было осудить тройке НКВД. Финны-иммигранты были обвинены в причастности к диверсионно-террористическим и контрреволюционным организациям, работавшим по заданию финского генштаба с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии [Шлыгина, 1994: 372]. На Кольском полуострове были «раскрыты» контрреволюционные организации – «Саамская националистическая повстанческая диверсионно-вредительская организация», «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация» и другие [Савилова, 2008: 140]. В конце 1930–1940-х гг. финские поселения на Мурмане были ликвидированы [Киуру, 1998: 58]. К этому времени все финские названия ботов, колхозов, населенных пунктов были запрещены и переименованы по-русски [Келлинсалми, 2002: 56]. Нет сомнений в том, что Финляндия вела разведывательную работу как в районе Петсамо, так и в русской части полуострова Рыбачий. Как и в том, что Советский Союз занимался тем же самым, но в противоположном направлении. Однако практически нет подтверждений тому, что в указанных районах существовала созданная финнами шпионская организация или какая-то группа. Тем более что все, кто был тогда арестован и осужден, на сегодняшний день оправданы, что, собственно, указывает на отсутствие доказательств по обвинениям против них [Йентофт, 2002: 96].

Судьба кольских финнов сложились трагически. Среди наших информантов исключение представляет семья информанта Владимира. Данный феномен объяснить очень просто: бабушка и дедушка информанта умерли до начала репрессий.

Дед (отец отца) информанта Вуокко был председателем колхоза «Риенто» («Прибрежный») в пос.Ваенга. Осужден в 1932 г. по ст. 58-7-10 УК Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа на 5 лет ИТЛ [Книга памяти, 1997: 294].

Дед информанта Юрия, кандидат в члены ВКП (б) в 1932-1937 гг., работал зав. Районо. Опасаясь ареста, ушел с должности и устроился рыбаком в колхоз «Похьян тяhti» («Северная звезда») с.Белокаменка Полярного района. Старший брат деда, который работал инструктором Полярного райкома ВКП (б), так же, как и брат, перед арестом устроился рыбаком в тот же колхоз. Но это их не спасло. Дед был осужден по ст. 58-6-10-11 УК РСФСР, а его брат по ст. 58-6-7-11 [Книга памяти, 1997: 312; Электронная книга Памяти. Т. 10. URL: <https://vizz.nlr.ru>] (рис.1). В соответствии с обвинениями братьев приговорили к ВМН. Оба были расстреляны в один день, реабилитированы в 1957 г. [СА].

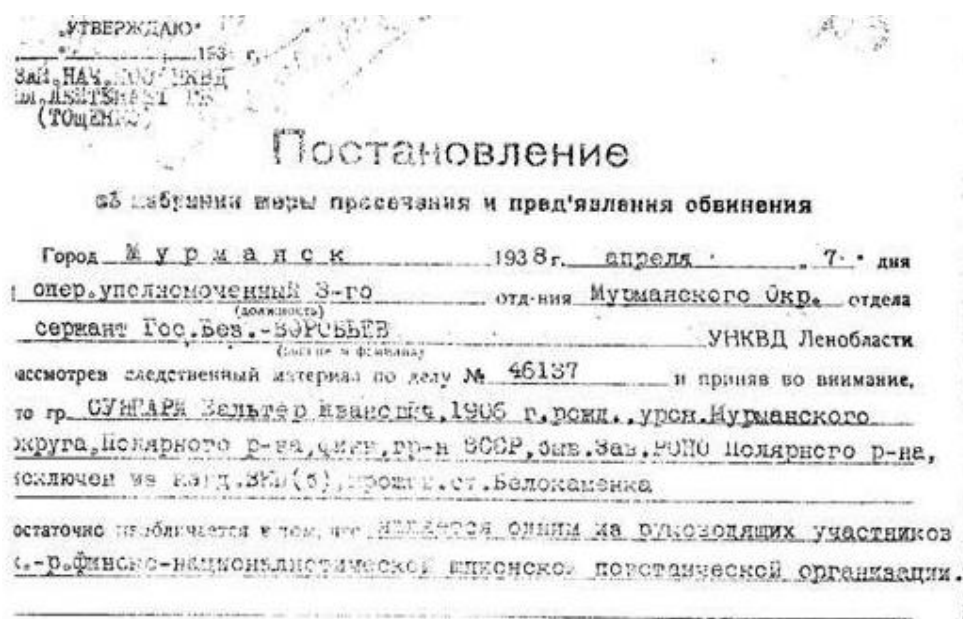

Рис.1. Постановление о предъявлении обвинения деду информанта Юрия в руководстве финско-националистической шпионской повстанческой организации

Братья прабабушки информанта Валерия, рыбаки колхоза «Похьян тяhti» («Северная звезда») с. Белокаменка были арестованы в 1937 г. по ст.58-7-10 УК (как дед и брат деда информанта Юрия, работавшие до ареста в этом же рыболовецком колхозе) [Книга памяти: Рос. Федерация, 1997: 141]. Отец бабушки, 1896 г.р., был арестован в 1938 г. за шпионскую деятельность по ст. 58-6-11 УК. Через десять месяцев его отпустили «за недостаточностью улик» [СА].

Дед информанта Галины – рыбак колхоза «Рая Каластая» в Озерко. В 1934 г. был арестован в первый раз вместе с женой (3 года ссылки) по ст. 58 [Книга памяти, 1997: 172]. В декабре 1937 г. деда вновь арестовали, в 1938 г. расстреляли в Ленинграде [Ленинградский мартиролог. URL: <https://vizz.nlr.ru>]. Это обстоятельство выяснилось в ходе исследования.

Особенно пострадали те финские колонисты, которые родились в Финляндии и в революционные годы и в годы гражданской войны нелегально перешли границу. В их числе представители семей Татьяны, Анны, Ирины. Например, дед Ирины прибыл нелегально в 1922 г. [Локко, 1993: 336].

Отец Татьяны и его четыре брата (рис.2) были репрессированы. Один из братьев работал инструктором в райисполкоме г.Мурманска. Все остальные братья были охотниками, рыбаками и лесорубами. Из пяти братьев двое получили высшую меру наказания, остальные были осуждены на 5-10 лет лагерей [Книга памяти, 1997: 350]. Отец Татьяны осужден по ст. 58-7 (подрыв государственной промышленности), 58-10, 58-11 (контрреволюционные преступления) [Уголовный кодекс, 1933: 23-24] на 10 лет ИТЛ [СА]. Наказание отбывал в Унжлаге «п/я 242» в Горьковской области [История НКВД. ГУЛАГ, URL: <http://www.memo.ru/history/nkvd/gulag/>].

Рис.2. Отец информанта Татьяны с братьями

Дед информанта Анны – рыбак колхоза «Коммунар» – был осужден Тройкой НКВД по ст. 58-6 (шпионаж) [Уголовный кодекс, 1933: 22-23] и расстрелян [СА; Книга памяти, 1997: 176].

Дед информанта Ирины – колхозник колхоза «Тулома». Осужден Тройкой УНКВД по Мурманской области в 1938 г. по ст. 58-6 УК к ВМН [Книга памяти, 1997: 189]. По поводу обвинения репрессированных финнов в шпионаже Маннергейм заявил, что «бюджет Финляндии не смог бы обеспечить средствами такую массу агентуры» [Киселев, 2004: 10].

В 1940 г. начинается новый этап в жизни финских семей. Депортация проводилась по команде из Москвы и преследовала цель «очищения приграничной территории от инационалов как питательной среды для шпионажа и иностранной разведки» [Киселев, 1992]. Исходя из сложившейся в Советском Союзе идеологии и практики деятельности органов безопасности, фронтовая контрразведка считала, что, отступая, финские власти оставили в тылу широкую сеть своей агентуры. Поэтому в целях борьбы со шпионажем Ставка Главного Военного совета приказывает выселить все гражданское население с занятой территории и с территории СССР в 20-40 километровой полосе от границы [Двойнишникова, 2008: 28]. 26 июня 1940 г. бюро Мурманского обкома ВКП (б) приняло Постановление о переселении семей инационалов с Кольского полуострова в Карелию [Киселев, 2009: 74]. По организациям рассылались письма с грифом «секретно» с просьбой предоставить списки инациональных сотрудников, которые подлежали депортации по национальному признаку в Карелию. Выселению из Мурманской области подлежали практически все финны. Данной участи избежали женщины-финки, которые были замужем за русскими (например, старшая сестра отца информанта Ирины). Исключение представляет судьба старшей сестры матери информанта Галины. Первое выселение жителей становища Озерко ее не коснулось:

Она вышла замуж за приезжего русского. Когда жителей деревни погрузили на баржу и вывезли на Терский берег, ее не тронули.

Однако, несмотря на то что она была замужем за русским, ее вместе с двумя детьми депортировали в Коми. Муж был мобилизован. О дальнейшей его судьбе ничего неизвестно. Возможно, выселение связано с тем, что семья проживала в приграничной полосе. Дети по дороге умерли, сама тетя умерла в эвакуации в Коми.

Насильственной эвакуации в КФССР, а затем в Архангельскую область или автономную республику Коми подверглись по этническому признаку семьи информантов Вуокко, Татьяны [СА], Ирины [Локко, 1993: 347], Юрия, Валерия, Галины [СА]. Семью информанта Анны (бабушку с детьми) тоже должны были выслать в Архангельскую область, но случилось так, что подвода, которая везла их к месту отплытия, опоздала, поэтому семью отправили в лесхоз Инга.

В 1941-1942 гг. в связи с военными действиями на территории Карело-Финской ССР финские семьи были эвакуированы подальше от границы в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область и в Коми АССР.

Семью информанта Вуокко (два деда, мать, Вуокко и два ее старших брата) отправили сначала «куда-то в Карелию, а потом из Карелии в Архангельскую область». Один дед, тот, который был председателем колхоза в Ваенге, по дороге в Архангельскую область умер от голода. Мать в 1943 г. утонула. После гибели матери детей отдали в детский дом в Архангельской области. Где находился отец во время войны, информанту неизвестно:

У нас дома никогда об этом не говорили. Папа после войны нас забрал и привез в Мурманск.

Первая семья отца информанта Татьяны (жена-саами и трое детей) погибла в эвакуации в Коми АССР (рис.3).

Перед войной семья информанта Валерия оказалась в Карелии. Скорее всего, в 1940 г. семья была выслана из Мурманской области в Карелию по национальному признаку, но доподлинно это неизвестно. Старший брат бабушки в самом начале сентября 1941 г. пропал без вести в районе оз. Сямозеро. Младший брат бабушки в апреле 1942 г. был призван в РККА. В конце апреля 1942 г. в составе разведгруппы направлен в Заонежский район. Пропал без вести [СА].

Рис.3. Первая семья отца информанта Татьяны

Бабушка информанта Юрия оказалась в эвакуации в Архангельской области. Потом попала в больницу. Сыновей оставила своей сестре (тоже уроженке Белокаменки). Племянники прожили у нее приблизительно год. Потом тетя в Котласе сдала детей в детский приемник [СА]. Причина такого поступка, скорее всего, в том, что тете нечем было кормить детей. Бабушка информанта оказалась на лесоповале под Медвежьегорском, затем в Чупе:

Отец после войны где-то в 49-м году нашел бабушку в Чупе. Как-то через Белокаменку, тетка у нас там какая-то была, работала на почте. И вот через нее узнали, что она там, в Чупе.

В конце 1930-х гг. мать информанта Галины уехала из Левгубы, сестрам тоже предлагала поехать с ней, но те отказались. Она добралась на подводе до Кандалакши, а там села в поезд. В поезде познакомилась с карелом, который предложил ей выйти за него замуж, и она согласилась (пожалуй, это был наиболее оптимальный для нее вариант в данной ситуации). Так мать информанта оказалась в лесопункте Восточная губа (около пос.Зашеек). Как-то бабушка до войны приезжала к ней познакомиться с зятем. Дальнейшая судьба бабушки неизвестна. Когда началась война, первого мужа матери демобилизовали и он погиб в районе Алакуртти. Мать, как и все женщины поселка, работала на лесозаготовках. В 1940 г. сестер матери и дочь одной из них эвакуировали как инонационалов в Карелию. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Летом 1940 г. бабушку и отца информанта Ирины выслали из Мурманской области по национальному признаку в деревню Типиницы Заонежского района Карелии. Потом вновь принудительная эвакуация в Архангельскую область, Тарзинский лекопункт. Начиная с 1942 г. существовала система трудовой мобилизации по национальному признаку [Вавулинская, 2013: 3]. В связи с этим было принято Постановление ГКО № 2409 сс от 14 октября 1942 г. о мобилизации в рабочие колонны НКВД граждан национальностей воюющих с СССР стран (мужчин, годных к труду, в возрасте от 17 до 50 лет) [По решению правительства, 2013: 360]. Осенью 1942 г. отца информанта Ирины отправляют в Челябинский ГУЛАГ на строительство металлургического комбината. Трудмобилизованными в лагере были в основном финны. Из-за дистрофии, возникшей в результате страшного голода в Архангельской области, отец первоначально работал на овощной базе ГУЛАГа. Потом каменщиком-печником [Миланов, 1994]. Отца освободят из лагеря в 1946 г., и поздней осенью он вернется на родину.

Выселение затронуло почти все финские семьи и отразилось на хозяйственной деятельности многих колхозов, организаций. Финская община, существовавшая с 1860-х гг., фактически распалась. В эвакуации в Архангельской области и Коми от голода умерло 75% спецпереселенцев [Локко, 1993: 383, 399].

Согласно статистическим данным на территории Кольского края в 1926 г. проживало 1697 финнов, что составляло 7,5% от общего числа населения. Такие показатели позволили Д.А. Золотареву по итогам экспедиции 1928 г. сделать вывод, что «несмотря на присоединение к Финляндии Пазрецкого и Печенгского районов, количество финнов в революционное время сильно увеличилось» [Золотарев, 1930: 5]. В 1939 г. финское население значительно возросло, достигнув 4317 (1,5%) [Всесоюзная перепись, 1992: 63]. Такой рост финского населения объясняется тем, что в годы первых пятилеток государством проводилась политика индустриализации и с целью привлечения рабочей силы на Кольский полуостров переселялись раскулаченные финны-ингерманландцы. Массовые репрессии, перемещения не могли не отразиться на численности финского населения Мурманской области. По данным переписи на 15 января 1959 г. финнов в Мурманской области проживало 1197 человек, что составляло 0,2% от общей численности населения области [Добров, 1967: 48]. Такое резкое сокращение финского населения связано с массовым выселением его из Мурманской области в начале 1940-х гг. В дальнейшем уменьшение состава финского населения происходит плавно. В 1970 г. оно составляло 751 человек (0,1%), в 1979 г. – 710 человек, в 1989 г. – 590 человек (0,05%). По данным переписи 2002 г. в Мурманской области проживало 429 финнов, что составляет 0,05% от общей численности населения области [Национальный состав, 2004: 53], по данным переписи 2010 г. – 273 финна, что составляет 0,03% от общей численности населения области [Национальный состав Мурманской области. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>] (табл.).

Таблица

Численность финского населения Кольского полуострова

Год	1897	1920	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Числ.	1276	1427	1697	4317	1197	751	710	590	429	273

Именно процессы 1930-1940-х гг. дестабилизировали семейные группы. Миграции семей с финскими корнями были достаточно интенсивны и большей частью вызваны политикой государства. Вынужденные переселения, в свою очередь, привели к семейному кризису, распаду семей, разъединению родственников. В сталинские годы было уничтожено почти 90% мурманских финнов [Локко, 1993: 306]. Из-за негативного отношения в советское время к лицам финской этнической принадлежности, их дисперсного расселения в результате депортаций после окончания войны браки финнов за редким исключением становятся этнически гетерогенными [Бусырева, 2012 (б): 326]. Указанные процессы привели к утрате финской идентичности. Лишь у лиц старшего поколения можно наблюдать черты «финскости». Несмотря на все исторические перипетии в жизни семей, на социализацию в русскоязычной среде, потомки финских колонистов в той или иной степени сохраняют самобытные черты «материнской» культуры. Наше исследование показало, что этническое самосознание, которое имеет первостепенное значение для сохранения и поддержания культуры, во всех рассмотренных случаях опирается, прежде всего, на происхождение и является результатом внутреннего выбора. Из восьми информантов потомков финнов-колонистов четверо определяют себя как финнов. У детей и внуков наших информантов родовая причастность к финской культуре постепенно становится фактом социальной памяти, элементом «наследия», а в ряде случаев служит инструментом социальной мобильности и обоснованием эмиграционных установок [Бусырева, 2012 (в): 118]. С 1990-х гг. наблюдается эмиграция семей с финскими корнями из Мурманской области в Финляндию. Этот процесс продолжается и в настоящее время [Бусырева, 2012 (а): 285].

Таким образом, в результате действия политического фактора община финских колонистов, существовавшая на территории Кольского полуострова с 1860-х гг., фактически распалась. История отдельных людей и семей позволяет увидеть и понять, как этот процесс воплотился в индивидуальных семейных и личных судьбах.

Список сокращений

- ВВС СФ – военно-воздушные силы Северного флота
- ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
- ВМН – высшая мера наказания
- ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
- ГАМО – Государственный архив Мурманской области
- ГКО – Государственный Комитет Обороны
- ГУЛАГ – Главное управление лагерей
- д. – деревня
- ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
- КФССР – Карело-Финская советская Социалистическая Республика
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
- пгт – поселок городского типа
- пос. – поселок
- РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- с. – село
- сс – совершенно секретно
- с/с – сельсовет
- ст. – статья
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- УК – Уголовный кодекс

Список информантов¹

Вуокко, 1939, Титовка Полярного р-на МО (род из Ура-губы и Грязной губы), г. Мурманск – из моноэтнической семьи финских колонистов.

Остальные информанты из гетероэтнических семей:

Татьяна, 1950, пос. Зашеек МО, г. Апатиты: отец – финн; мать: отец – карел, мать – русская.

Анна, 1955, лесхоз Инга МО, г. Апатиты: отец – карел; мать: отец – финн, мать – карелка.

Ирина, 1953, пос. Тулома МО: отец – финн, мать – русская.

Юрий, 1964, пос. Чупа, Карелия (род из Белокаменки) г. Апатиты: отец – финн, мать – русская.

Валерий, 1980, г. Апатиты (род из Белокаменки): отец: отец – карел, мать – финка; мать – русская.

Галина, 1949, пос. Зашеек МО, г. Полярные Зори (род из Озерко): отец – ижорец; мать – финка

Владимир, 1955, пос. Ена МО, пгт Африканда: отец: отец – саам, мать – финка; мать – русская

Источники

Семейные архивы

СА – Семейные архивы Вуокко (Мурманск), Татьяна (Апатиты), Анна (Апатиты), Ирина (Тулома), Юрий (Апатиты), Валерий (Апатиты), Галина (Полярные Зори)

Архивные документы

Государственный архив Мурманской области в г. Мурманске (ГОКУ ГАМО)

Ф. Р162. – Мурманский окружной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области, г. Мурманск, 1 августа 1927 г. – 28 мая 1938 г. Оп. 1. Д. 231, ЛЛ. 41, 136, 146; Д. 322, Л. 28; Д. 348, ЛЛ. 10-11; Д.372, ЛЛ. 32, 48, 52, 61, 66–67; Д. 462, ЛЛ. 1-2.

Нормативно-правовые документы

Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних Дел о льготах для поселенцев Мурманского берега, в Архангельской губернии от 22 ноября 1868 г. // ПСЗ-II. Т. XLIII. № 46467.

Высочайше утвержденное Положение, объявленное Сенату министром финансов, о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманском берегу, от 14 мая 1876 г. // ПСЗ-II. Т. LI. № 55934.

Высочайше утвержденное мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета о расходе на выдачу ссуд и пособий переселенцам на Мурманском берегу от 9 января 1895 г. // ПСЗ-III. Т. XV. № 11237.

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство советское законодательство, 1933. 159 с.

¹ Имя, год рождения, место рождения, место проживания

Периодическая печать

- Киселев А.А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. 11 марта. № 57. С. 3.
Киселев А.А. Депортация на Мурмане // Полярная правда. 1992. 24 сентября. № 186. С. 3.
Локко С. История становища Пяйвэ-Ярви // Заполярный труд. 1986. 25 сентября. № 115.
Миланов А. Финский росток на российской почве // Мурманский вестник. 1994. 9 ноября. № 221.
Русинов А. Норвежцы в Лев-Губе // Терский берег. 2002. № 45. С. 9.
Ставицкий А. Финские заметки. СПб.: Нева, 2011. № 11. С. 136-152.

Список литературы

- Административно-территориальное деление Мурманской области (1920-1993 гг.): Справочник. Мурманск: Архивный отдел администрации Мурманской обл., 1995. 276 с.
- Беляев Д.П. Начальный этап колонизации Мурмана и архипелага Новая Земля во второй половине XIX – начале XX вв.: от замыслов к воплощению идеи // Живущие на Севере: Альманах. Мурманск: МГТУ, 2010. Вып. 1. 167 с.
- Бусырева Е.В. История и память современных кольских семей с финской родословной // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. С. 79-93.
- Бусырева Е.В. История и причины миграций современных кольских семей с финской родословной // Вестник Орловского государственного университета. 2012 (а). № 2 (22). С. 285–288.
- Бусырева Е.В. Браки в истории и памяти семей финских переселенцев // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012 (б). Вып. 11 (115). С. 322–327.
- Бусырева Е.В. Культурная политика семьи и динамика этничности на примере кольских семей с финскими корнями // Феномен социализации в этнической культуре. Материалы одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2012 (в). С. 113-118.
- Вавулинская Л.И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2013. 337 с.
- Воленс Н.В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: Материалы статистико-экономического исследования 1921-1922 гг. / Труды НИИ по изучению Севера (б.Северная Научно-Промысловая Экспедиция М., 1926. 112 с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Герасимов Д.А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 11-16.
- Голдин В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918-1920 гг. М.: Изд-во Московского университета, 1993. 200 с.
- Дашинский С.Н. Не делать из истории политику // Расстрелянная семья. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2002. С. 214-222.
- Двойнишникова И.Н. Участие пограничных войск СССР в переселении советских граждан и жителей Финляндии в период советско-финляндской войны: историко-правовой аспект // История государства и права. 2008. № 10. С. 27-29.

Добров В.В. Население Кольского Севера. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1967. 72 с.

Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Редакционная Коллегия спец. техн. и экон. изд. Петроград: Типо-литография Северо-Западного округа путей сообщения, 1919. 296 с.

Золотарев Д.А. На Северо-Западном побережье Мурмана летом 1928 г. // Кольский сборник. / Материалы Комиссии экспедиционных исследований, Вып. 23. Л.: изд-во АН, 1930 С. 1-21.

Иштонкова В.В. Как погасили «ЛУЧ». Последние годы коммуны «СДДЕ» // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / Науч. ред. Е.И. Клементьев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 76-86.

Йентофт М. Оставшиеся без родины: История Кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. 240 с.

Келлинсалми А. Летом сорокового / Мурман, Хибиньы до и после. Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 2002. С. 56.

Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.

Киселев А.А. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 28-41.

Киселев А.А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2004. № 6 (История и право). С. 5-21.

Киселев А.А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Киуру Э.С., Суни Л.В. Очерк культуры российских финнов // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1998. С. 44-62.

Книга памяти жертв политических репрессий (1920–1950-е гг.): РФ, Мурманская обл. Мурманск, 1997. 412 с.

Книга памяти: Рос. Федерация, Мурман. обл. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл. / Сост. С.Н.Дашинский, В.В.Воронин, В.А.Нечушкин. Мурманск: Север, 1997. 410 с.

Кольская энциклопедия. Т. 1. СПб.: ИС; Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2008. 600 с.

Логинова О.Ю. Печенга в 1917-1920 годах // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2003. № 3 (История и право). С. 5-10.

Локко С.П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II. Вып. 1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб. 1902. 240 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. Статистики. Т. 4. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. 946 с.

Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: автореферат дис. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008.

«По решению правительства Союза ССР...» / Сост. Н.Ф.Бугай, А.М.Гонов. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.

Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора) / Составлен Д.Н.Островским. СПб.: Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 1898. 146 с.

Разумова И.А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере (по историко-этнографическим материалам) // Кольский Север в XX-XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2009. С. 37-50.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 360 с.

Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008. С. 130-149.

Сиденснер А. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб: Типография Морского министерства, 1897. 102 с.

Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. Издание Главного Гидрографического Управления Морского Министерства. СПб: Типография Морского министерства в Главном адмиралтействе, 1909. 272 с.

Такала И.Р. Финский язык в Карелии: история и судьба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. С. 24-41.

Ушаков И.Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Книжное изд-во, 1972. 672 с.

Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 522-554.

Холодковский В.М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М.: Наука, 1967. 387 с.

Шлыгина Н.В. Финны // Народы России. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 370-373.

Электронная книга Памяти. Ленинградский мартиролог. Т. 11. URL: <https://visz.nlr.ru>.

Электронная книга Памяти. Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных. Т. 10. URL: <https://visz.nlr.ru>.

Энгельгард А.П. Русский Север: Путевые записки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.

Энциклопедический словарь. Т. 2. М.: Изд-во «Большая советская энциклопедия», 1954. 719 с.

Onella S. Muurmannin rannan luterilaiset v.1887-1888 // Skripta Historica. III. Oulu. 1973. PP. 55-114.

Sven Lokko. Murmannin Suomalaiset. Murmansk, Kultuuri Fondi, 1993. 490 s.

История НКВД, ГУЛАГ. URL: <http://www.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 22.03.2015).

Национальный состав Мурманской области по данным переписи // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 17.03.2015).

Сведения об авторе

Бусырева Елена Владиславовна,
младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Busyрева Elena,
Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 556.04(571):(093)"1916"

О.В.Шабалина

**ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ И ГИДРОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ
НА О.ДИКСОН В 1916 Г. (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ-АРХИВА ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ
И ОСВОЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА ЦГП КНЦ РАН)**

Аннотация

Статья посвящена истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о.Диксон в 1916 г. Исследование осуществлено на основе материалов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. В статье представлен важный источник личного происхождения – путевой дневник метеоролога Иннокентия Константиновича Тихомирова (1890-1955).

Ключевые слова:

о.Диксон, источник личного происхождения, путевой дневник, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

O.V.Shabalina

**FROM THE HISTORY OF THE ORGANIZATION
OF METEOROLOGICAL AND HYDROLOGICAL OBSERVATIONS ON DICKSON ISLAND
IN 1916 (BASED ON MATERIALS OF THE MUSEUM-ARCHIVE
OF THE EUROPEAN NORTH INVESTIGATION AND EXPLORATION HISTORY
OF THE BARENTS CENTRE OF HUMANITIES OF THE KSC RAS)**

Abstract

This paper is devoted to the history of meteorological and hydrological observations on Dickson Island in 1916. Study was carried out based on the funds of the Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. The paper presents an important source of personal origin – the travel diary of meteorologist Innokenty Konstantinovich Tikhomirov (1890-1955).

Key words:

Dickson Island, personal source, the travel diary, Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the BCH of the KSC RAS.

Развитие капитализма в России в начале XX в. неизбежно привело к ее экономической централизации и возбудило интерес иностранного капитала к новым окраинным рынкам сбыта, природным ресурсам Севера и Сибири. В это время стало технически возможным освоение и развитие Северного морского пути (СМП), в частности, пути в Сибирь через Карское море. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. вопрос об использовании СМП приобрел особую актуальность для доставки стратегических грузов и боевых сил из Европейской части страны на Дальний Восток [Пихенсон, 1962].

31 августа 1910 г. российское правительство учредило Гидрографическую экспедицию для исследования Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) от Берингова пролива до устьев реки Лены. Для реализации экспедиционных целей и задач были построены транспортные пароходы ледокольного типа «Таймыр» и «Вайгач» с арктическим снаряжением и оборудованные мощными для того времени радиостанциями.

Деятельность ГЭСЛО, базировавшейся во Владивостоке, осуществлялась более пяти лет. Экспедиция в 1910-1913 гг. составила новую опись значительной части северного побережья Сибири, выполнила глубокую разведку Северного морского пути. Это позволило Морскому министерству в 1914 г. в качестве главной задачи экспедиции определить сквозной проход судов из Владивостока на Мурман. Способствовать успешному проведению данной операции должна была сеть Карских радиостанций, организованных в течение 1913-1914 гг. [Глущенко, 2005: 424-425].

24 июня 1914 г. экспедиция, возглавляемая капитаном 2 ранга Б.А.Вилькицим, вышла из Владивостока. В августе корабли экспедиции были затерты во льдах у мыса Челюскина и дрейфовали с ними к северо-востоку. В сентябре суда были вынуждены встать у берегов п-ова Таймыр на зимовку, для успешного проведения которой на борту было предусмотрено все необходимое [Там же]. А на тот случай, если «Вайгачу» и «Таймыру» не удалось бы освободиться из ледового плена, остаться на зимовку 1915-1916 гг., экипажам пришлось бы покинуть суда, направиться берегом к устью Енисея. Главным гидрографическим управлением на о. Диксон была организована база с радиостанцией для зимовки экспедиции. Дом для офицеров на 14 человек, казарма для нижних чинов на 50 человек, баня, запасы угля и продовольствия, оборудование для радиостанции были заготовлены в Красноярске и доставлены на лихтере «Корреспондент», барже и буксире «Туруханск» в июле 1915 г. Начальником экспедиции для оборудования базы на Диксон был назначен ветеринарный врач коллежский асессор П.Г.Кушаков – заместитель начальника первой российской экспедиции Г.Я.Седова к Северному полюсу в 1912-1914 гг. [Известия АОИРС, 1915, № 5: 153; № 6: 194-196].

18 июля море вскрылось, а 26 июля суда Гидрографической экспедиции, возобновив свое плавание, стали медленно продвигаться на запад [Глущенко, 2005: 426]. 26 августа 1915 г. было окончательно закончено оборудование радиостанции на о.Диксон и принято сообщение о том, что район западных Карских проливов свободен ото льда. Стоявшие на рейде о.Диксон «Таймыр» и «Вайгач» 27 августа отправились в Архангельск. К этому времени уже было принято решение о прекращении дальнейших работ ГЭСЛО. А после прибытия экспедиционных судов в Архангельск и радиостанцию на Диксоне, как выполнившую свое предназначение, решено было закрыть. Предложение Морского министерства «о передаче радиостанции на баланс Почтово-телеграфного ведомства и использовании ее в группе Карских радиостанций для освещения гидрометеорологической обстановки в Северном Ледовитом океане» поддержки в Главном управлении почт и телеграфов на тот момент не нашло [Там же: 427]. После ходатайства о сохранении радиостанции на о.Диксон со стороны Академии наук и директора-распорядителя Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли И.Лиды, сумевшего расположить к своим торгово-транспортным замыслам влиятельных русских лиц и сделавшего их своими официальными компаньонами, 22 апреля 1916 г. Совет министров принял постановление об отпуске средств на оборудование новой «постоянной гидрометеорологической радиостанции» на о.Диксон [Там же: 428].

25 июня 1916 г. на пароходе «Лена» экспедиция для строительства радиостанции на о.Диксон под руководством все того же П.Г.Кушакова отбыла из Красноярска. Одним из участников этой экспедиции был Иннокентий Константинович Тихомиров (1890-1955), который описал ее ход в своем дневнике «Командировка на о.Диксона. VI-X/ 1916» [Музей-Архив... НВФ 945]. Этот путевой

дневник вместе с другими материалами отложился в персональном фонде И.К.Тихомирова, принадлежащем Музею-Архиву истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

Дневник как автокоммуникативный источник личного происхождения с момента своего создания предназначен для длительного хранения и представляет собой «периодически пополняемый текст, состоящий из фрагментов с указанной датой для каждой записи» [Жожикашвили, 2001: 232]. Автор дневника оперативно ежедневно или с минимальными временными промежутками письменно фиксирует произошедшие с ним и его ближайшим окружением события, создавая маркеры для воспроизведения в памяти прошлого в возможном будущем с целью анализа и оценки. Единство формы дневников основано на их структурной единице – повседневной записи с фиксацией даты, а в случае с путевым дневником – еще и места происшедших событий [Кодан, 2014: 196-197]. А.В.Предтеченский, изучая дневник А.С.Пушкина, представил его «человеческим документом, частицей жизни того, кто его создал» и отметил, что «автор дневника не может иметь никакого замысла или даже плана, ибо он не подчиняется имманентным законам художественного творчества, а идет вслед за жизнью» [Предтеченский, 1962: 267-277]. Согласившись с этим замечанием, следует подчеркнуть, что дневники как письменные носители исторической информации фиксируют на документально-субъективном уровне результат личностного восприятия реальной действительности, прошедшей через фильтры памяти автора с учетом его личного опыта и социально-коммуникационных связей, посредством кодировки его в различных знаках, словах, сигналах и т.п. [Пушкарев, 1975: 95; Кодан, 2014: 189].

Путевые дневники дают возможность воспроизвести маршрут автора, часто с достаточно высокой степенью детализации, узнать его дорожные впечатления, «увидеть» его глазами современные ему ландшафты и культурную среду, часто утраченных впоследствии безвозвратно под натиском цивилизации. Кроме предоставления информации в рамках названных аспектов путевой дневник И.К.Тихомирова содержит информацию по истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о.Диксон в 1916 г. и, несомненно, является интереснейшим историческим источником.

Автор Иннокентий Константинович Тихомиров родился 19 июня (1 июля н. ст.) 1890 г. в семье протоирея в Иркутске, где окончил в 1908 г. с серебряной медалью Иркутскую губернскую гимназию и в том же году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Выпустился из университета по двум специальностям: «метеоролог» (1913) и «астроном» (1915).

1 октября 1913 г. он поступил на службу в Главное гидрографическое управление (ГГУ) Морского министерства на должность штатного вычислителя гидрометеорологической части [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 8]. В 1914 г. И.К.Тихомиров был избран действительным членом Русского астрономического общества, а в 1916 – действительным членом Русского географического общества.

Летом 1916 г. Главное гидрографическое управление командировало молодого специалиста в устье Енисейского залива на о.Диксон (73° 30' с.ш.) для оборудования там гидрометеорологической станции и организации гидрологических, метеорологических и аэрологических наблюдений. В то время это была самая северная метеорологическая станция на территории России.

В 1916-1920 гг. И.К.Тихомиров служил помощником начальника Гидрометеорологической части ГГУ и руководил обработкой наблюдений сети береговых метеорологических станций Морского ведомства [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 8 об.- 9].

В 1920-1926 гг. он возглавлял Главную морскую библиотеку в г.Ленинграде и, кроме продолжения работ в области метеорологии, изучал историю книгопечатания, специально интересуясь инкунабулами и изданиями Эльзевиров.

В 1920 г. И.К.Тихомиров начал свою преподавательскую деятельность в качестве ассистента преподавателя по кафедре гидрологии Географического института. С 1922 по 1924 гг. состоял штатным преподавателем высшей математики в Гидрологическом училище РККФ.

В 1920-е гг. Иннокентий Константинович устанавливал метеорологическое и гидрологическое оборудование в различных местах Карелии и Кольского полуострова, а в 1925 г. работа по установке испарительной станции на о. Нигозеро (около г.Кондопога) была отмечена малой серебряной медалью Государственного русского географического общества (ГРГО) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 9-9 об.].

С ноября 1928 г. И.К.Тихомиров был приглашен Ленинградским гидротехническим бюро треста «Энергострой» для организации в составе этого Бюро гидрометеорологической секции и для заведования этой секцией. За период с 1928 по 1933 гг. этой секцией составлено около 50-ти очерков климата, охвативших значительную часть территории СССР [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 10].

В 1929-1930 гг. Иннокентий Константинович организовал по поручению Ленинградского гидротехнического бюро сеть испарительных станций в Донецком бассейне. В 1931 г. он был приглашен в Государственный институт проектирования гидротехнических сооружений (Гипровод) для организации Метеорологического бюро, которое в 1932 г. вошло в состав Ленинградской конторы Нижневолгопроекта.

В 1932 г. И.К.Тихомиров был избран секретарем Карело-Мурманской комиссии ГРГО, а в мае 1933 г. был приглашен руководить гидрометеорологическими работами Хибинской горной станции Академии наук СССР и в течение лета 1933 г. и лета 1934 г. совершил ряд экскурсий в Хибинском горном массиве [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 10 об.]. В 1934 г. он был утвержден в звании доцента Ленинградского государственного университета и начал чтение курса гидрометеорологии. В 1935-1937 гг. жил, работал и преподавал в Саратове.

В 1938-1946 гг. И.К.Тихомиров возглавлял гидрологическую службу комбината «Апатит» в г.Кировске Мурманской области, а в годы Великой Отечественной войны занимался организацией водоснабжения промышленных предприятий прифронтовой зоны г.Кировска. В 1945 г. награжден медалью «За оборону Советского Заполярья». После войны Иннокентий Константинович вернулся на работу в Кольскую базу им. С.М.Кирова АН СССР – в Полярный ботанический сад, защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата географических наук (1946-1948) [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 11 об.]. С 1939 г. по 1946 г. активно преподавал в Кировском горно-химическом техникуме, фельдшерско-акушерской школе, на курсах повышения квалификации ИТР комбината «Апатит». Умер И.К.Тихомиров в 1955 г. и похоронен в г.Кировске [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586. Л. 12].

Иннокентий Константинович начал вести рассматриваемый нами ниже путевой дневник «Командировка на о.Диксона. VI-X/1916» 19 июня 1916 г. в свой 26 день рождения после первого дня пребывания в Красноярске¹. Молодой человек предвкушал долгое плавание: «Шутка сказать – плыть придется 20 суток, а обратно т-р-и-д-ц-а-т-ь д-е-в-я-т-ь – будет время и насмотреться на природу и (страшно писать – как бы не сглазить) поработать – вычислять» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 1]. С 19 по 25 июня он, воспользовавшись заминкой в отправке экспедиции, изучал окрестности Красноярска: «...был на горе у часовни и 24 числа ездил на пароходе в монастырь, с приключением. Вечером рано лег спать, а назавтра утром уехал на пароходе. День (25) побродил по городу». 25 июня (суббота) в 4 часа по полудню на пароходе отслужили молебен и в 6-ом часу вечера отошли от пристани вместе с лихтером «Корреспондент» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 1 об.]. И.К.Тихомиров проводил время за наблюдением видов, открывавшихся с борта парохода «Лена», и фиксировал свои впечатления: «Берега весьма красивы – похоже на Финляндию... прошли устье Ангары – чрезвычайно величественная картина. Впечатление будто Енисей впадает в Ангару. Ширина у Стрелки – не менее 3 верст – кажется, что плывешь не по реке, а по озеру. Я не предполагал встретить такой картины. Куда Волге угнаться за нашими сибирскими реками!» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 1 об.].

27-28 июня пароход стоял в Енисейске. Автор дневника посетил Спасский монастырь, музей, «был в Соборе, воскрес. и Хр-Рождественской церквах». В полдень 29 июня плавание продолжилось.

С 30 июня в записях И.К.Тихомирова появляются этнографические наблюдения: «В 5 ч. – Ворогово... Смотрели церковь... Село оригинальное – по улицам тротуары – иначе не пройти такая грязь. Собак не видно во всей деревне ни одной – все поголовно привязаны – иначе телят и овец передушат. Птицы домашней тоже не видно. Крестьяне живут исключительно рыбной ловлей и совершенно не сеют хлеба... За Вороговым... находятся перекаты, Осиновский порог, Щеки² и Кораблики³... Против Карабликов впервые на берегу видел остяцкие чумы (2), ниже на берегу видел еще 11 чумов... 1 июля вечером (около 12 ночи). За день были остановки Мирная, Новоселово, Гулково... Остяцкий чум... Обитатели чума – старик – на «Лене» собир[ал] милостыню – старуха сидит каменным изваянием в чуме у огня. Во всех селах много молодежи – в Туруханском крае нет воинской повинности. Особенности говора крестьян в Чулковой – нет «из»» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 3-4 об.].

По пути следования И.К.Тихомиров осматривал метеорологические станции, проверяя работу оборудования, и описывал в своем дневнике их оснащение, работающих там сотрудников: «...2 июля рано утром (в часа 2-3 – я еще спал и точно не знаю) мы стали в Верхнее-Имбатском. Осмотрел и здесь метеорологическую станцию. Станция 2 разряда 1 класса (2 ртутн. барометра) и барограф (недельн. средн.). У барографа часовой механизм весьма отстаёт (к пятнице с понедельника отстал на 10 часов). Барометры (чашечные) висят в отдельном стеклянном шкафчике. Дождемер старой конструкции. Наблюдатель (из ссыльных, надо полагать студент-юрист) – вполне толковый. Сама станция в исправности» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 4 об.-5].

¹ При цитировании из источника текст передан посредством современной орфографии с сохранением авторской пунктуации.

² Щеки – вост. сиб., крутые утесы, сжимающие с обеих сторон течение реки

³ Кораблик и Барочка – о-ва на р.Енисей

По мере приближения к Полярному кругу путешественник фиксировал изменения ландшафта, растительности. 3 июля «Лена» прибыла в Туруханск, где также была проведена проверка оборудования на местной метеорологической станции. Затем Иннокентий Константинович осмотрел монастырь: «Иконостас. Царские врата... Живопись на клиросах – медальоны – картины – пейзажи, без изображений святых. Библиотека. Камень веры (рукописи) – Автограф Стефана Яворского. Уложение Алекс[ея] Мих[айловича] (1649); Острожская библия (Ив[анна] Федорова) 1581 г. Мощи Василия Мангаз[ейского] и Тихона» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 5 об.-6].

5 июля после пересечения Полярного круга молодой естествоиспытатель – автор дневника – вменил себе в обязанность сбор образцов местной флоры: «...Пора приниматься за сбор полярных растений, хотя бы деревьев (травы буду собирать на Диксоне)... 8 июля. Утром, до 12^h, стояли в Дудинке. В 10^h ходил на берег собирал образцы пород кустарников» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 7-9].

9 июля «несколько южнее луковой протоки, около о-ва Пашкова... оставили “Корреспондента”» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 10]. 10 июля «Лена» вынуждена была вернуться на 12 верст в «устье р. Б[ольшой] Хеты. Там нужно было выгрузить 2000 пудов груза» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 10 об.]. Следующие два дня члены экспедиции провели, охотясь на птиц.

12 июля груз с лихтера был переправлен на пароход, и он ушел, оставив лихтер у песка. 13 июля «Лена» подошла к дельте Енисея – Бреховским островам и стала у о-ва Лебяжьего, в 3-4 верстах от него, на середине Енисея. Ближе подойти было нельзя – мелко. На остров на шитике¹ увезли груз [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 12-13]. Продвигаясь дальше, «Лена» вошла в «плесо «Большая переправа» – здесь уже Енисей потерял свой речной вид – ширина его тут больше 50 (пятидесяти) верст!» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 13 об.]. И.К. Тихомиров записал в своем дневнике: «К утру или завтра днем будем в Гольчихе и может быть завтра же выйдем в Енисейский залив с соленою водою, стоверстною шириною, перспективой качки и уже с близкой целью – до Диксона от Гольчихи 2290-2045 = 245 верст всего» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 14].

С 14 июля в дневнике наряду с описательными заметками начинают появляться оценочные суждения автора: «У нас с собой на «Лене» целый зверинец около 10 больших собак, 7 щенят..., 3 коровы, бык, поросенок, 2 курицы с цыплятами и лебедь «Гага»... Невольно дивишься предусмотрительности П.Г.К. – ему бы хозяином помещиком быть» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 14 об.]. П.Г.К. – это начальник экспедиции ветеринарный врач коллежский асессор Павел Григорьевич Кушаков. Далее в тексте источника он будет упоминаться как «доктор» или «Dr».

14 июля «Лена» пришла в Гольчиху. И в дневнике снова появляются интересные этнографические наблюдения: «Остановились верстах в 2 от берега и пошли на берег на лодке. Гольчиха – местный центр – имеет 3 дома. Кругом бегают несколько собак и одна из них с оригинальным украшением – к ошейнику подвешен на цепочки в четверть-полторы длинную солидный чурбанчик. Этим знаком отличия награждают, видимо, наиболее сварливых собак. (Один из моих спутников – АПГ [Александр Петрович Голубков – старший

¹ Шитик – небольшое плоскодонное парусное судно, части корпуса которого были сшиты ремнями или виной (прутьями можжевельника и ели)

радиотелеграфист, почтово-телеграфный чиновник 3 разряда из Петрограда]; услышав, что собаки в драке загоняют друг друга в воду, bona fide¹ определил упомянутое приспособление, как поплавок – чтобы собака не утонула).

Поглядев на собак... мы увидели сажень в 50^{ти} болок² и пошли посмотреть его – внутри он имеет вполне жилой вид – жел[езная] печка, кровать с подушками, и под ней «генерал»³.

Возле самого болока поражен был такой картиной – стоит конь около бочки и кушает что-то. При ближайшем рассмотрении оказалось, что бочка до верху наполнена сушками – испортились они от чего-то, вот и пошли в дело совсем необычным способом. Первый раз видел, как коня кормят сушками! В нескольких шагах далее находится лавочка (хозяина упомянутых сушек – Антонова – в 1906 г. – сослан – рабочий, теперь имеет больше 100000 р. капитала); купил там, на память медную бляху, какие покупают инородцы для украшения своих поясов.

Сзади лавки находится церковь. Вид ее более чем убогий. Это – маленькое зимовье – почти что. Доски с крыши частью растащены; стекол в окнах нет. Рядом стоит деревянная звонница с маленьким (фунтов 35-60) колоколом. Сегодня как раз церковь проветривалась, и входная дверь была открыта настежь.

Внутри форменная мерзость запустения. Престол хотя и стоит на месте и под покровом, но царские врата сняты с петель и стоят в сенях. Посредине церкви стоит стол с наваленными несколькими свечами и огарками и кружкой, в которой позванивают монеты.

Справа на аналое лежат 2 книги (какие не помню) здорово попорченные сыростью. Икон особенно старых нет. Интересны царские врата. Я впервые видел такую убогую церковь! Впрочем ведь и место-то тут такое! Кажется, ее собираются скоро отремонтировать – доброе дело... Ушли мы из Гольчихи в 5 j часа к противоположному берегу залива и там подошли к «Лене» две лодки с юраками. (Продажа песцов)... Пара любопытных юраков (Один в малиновой малице) Костюм юраков – малица (савик) с капюшоном. «Друг! Марфуша – молчит – язык дома сушиться остался» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 14 об.-17].

15 июля после упоминания о том, что с парохода видели стаю белух, И.К.Тихомиров «в виде лирического отступления» перечислил членов кают-компании: «1) командир «Лены» Василий Вас[ильевич] Ильинский; 2) помощник его Ал[ексан]др Иван[ович] Сушихин; 3) Пав[ел] Григ[орьевич] Кушаков; 4) с.с. Ник[олай] Ник[олаевич] Козьмин; 5) (почти студент) Николай Серг[еевич] Велецкий; 6) Александр Петр[ович] Голубков⁴; 7) Андрей Кондратьевич Яковлев⁵; 8) Аз, многогрешный» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 18 об.].

Далее, под этим же числом, Иннокентий Константинович сделал предположение: «Завтра вечером будем, вероятно, на Диксоне. Дай Бог получше управиться со всем! До Диксона всего 125 верст. Снегу видно достаточно» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 19].

¹ bona fide – с латыни – добросовестно

² Болок – челнообразные крытые сани с единственным широким полозом

³ Генерал – (арго) ночной горшок

⁴ А.П.Голубков – старший радиотелеграфист, почтово-телеграфный чиновник 3 разряда (из Петрограда)

⁵ А.К.Яковлев – старший механик и заведующий рацией (откомандирован Рижской радиостанцией)

16 июля, находясь на стоянке в бухте Широкой Енисейского залива, И.К.Тихомиров сошел на берег и описал в дневнике летнюю тундру. Проложив путь в 5 верст, он с товарищами осмотрел старые дома, которые видны были с борта «Лены» – в дневнике появилось еще одно этнографическое описание: «Перевалив несколько пригорков, мы поднялись на последний перед развалинами домов и наткнулись тут на кладбище – громадный крест (восьмиконечный) с надписями лежит на земле здорово погнил – ему наверно не менее 150-200 лет, возле виднеется еще несколько могил. Нашли маленький долбленный гробик с остатками костей младенца. Далее приподняв доску покрывавшую одну могилу увидел череп, вероятно, женщины. Кости лежат почти у самой поверхности земли – то ли не смогли из-за мерзлоты закопать их поглубже, то ли почва осела. Старинные покойники. Кто они пожалуй невозможно установить. Много мыслей кружится в голове, когда стоишь в этой пустыне, среди могил, а десятью саженьями ниже в берег сердито бьют волны Северного Ледовитого океана. За этим пригорком в залив вдается Крестовский мыс с остатками домов. Очень солидные постройки (были, конечно, – теперь погнили. В доме, видно, что было несколько комнат, остатки подполья, разные хозяйственные постройки, баня – все вместе – северным обычаем). Тут же и современные вещи – теперь здесь живут и ловят дельфинов рыбопромышленники. Принадлежности сей ловли – сети, веревки, ворот, котлы, бочки. Кто жил тут – определенно установить трудно – одни говорят, что иностранцы, другие, что ссыльные, третьи, что промышленники – одно достоверно, что строили все это лет 150-200 тому назад» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 20 об.-21].

Именно 16 июля И.К.Тихомиров решает записать в дневнике «для памяти наш «режим»», т.е. расписание принятия пищи на корабле: «8^h чай; 12^h горячий завтрак; 3^h чай; 6^h обед; 9^h чай. Плата за это удовольствие 2 р[уб]. 50 к[оп]. в сутки» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 21 об.].

17 июля на горизонте впервые показались плавучие льды (между Омудовой и Ефремовым Камнем): «К 12 часам прошли траверс Ефремова Мыса. Кругом, особенно у берега много плавучего льду. До Диксона оставалось всего 35 верст – каких-нибудь 2 часа ходу – но не тут то было. За Ефремовым камнем встретили сплошной лед – и увы и ах повертели назад. Остановились в Губе Слободской, где предполагается – если не удастся пробиться к Диксону – остаться на берегу. Придется жить в палатке – мало приятная перспектива! Ну да Бог даст все устроится! ...в Слободской мы выгрузили на берег часть провизии коров и собак и для охраны оставили там Лемберова и Петухова» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 22-23 об.].

18 июля из-за густого тумана «Лене» не удалось продвинуться дальше, к тому же она села на мель. На следующий день 19 июля «лед уже значительно отогнало... миновали Ефремов Камень: «Все к этому времени столпились на мостике смотреть, когда покажется мачта на Диксоне – ...очень хотелось самим увидеть ее – ведь от этого зависели успех или неудачи всего дела. На горизонте в этот день были облака – вероятность увидеть издали мачту значительно уменьшилась. Наконец мне первому... со середины Ефремовой бухты удалось кое-как ее разглядеть. Это была, с позволения сказать, торжественная минута. Очертания Диксона уже виделись вдали, виден был и большой остров Верса со знаком на нем, но перед ними был сплошной лед. Мы подходили уже к мысу Исаченко. На траверсе его кое-где начали попадаться отдельные льдины и небольшие полосы льда. Лавируя между льдинами, пошли мимо бухты, лежащей сразу за мысом Исаченко и завернули к берегу следующей. Бухта

оказалась удобной. Пристали, спустили на берег сходни и начали выгрузку. Бухта эта не особенно большая (сажень 200) и довольно открытая – *N* и *W* ветра разводят здесь большую волну... Берега нашей бухты состоят из черного песку и такой же мелкой гальки. Много плавнику» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 22 об.-23 об.].

В этой бухте И.Н.Тихомиров остался с товарищами Н.Н.Козьминым, А.П.Голубковым (старший радиотелеграфист), А.К.Яковлевым (старший механик и заведующий рацией) и другими для организации временного лагеря экспедиции: «...на берегу в ряд ставились палатки – 5 штук – 4 для спанья (по 4 человека в каждой) и 1 – кают-компания» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 25]. Здесь путешественники должны были дожидаться вскрытия льда у о.Диксон. «Лена» свистнула и ушла, пообещав придти с грузом из Слободской на другой день [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 24-24 об.].

20 июля началась работа в лагере. «Доктор вздумал строить зимовье» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 25]. К 8 часам вечера вернулась «Лена» с оставшимся грузом, выгрузка которого была завершена к полуночи: «...мы сердечно распрощались со всеми, полюбовались все вместе (я впервые в жизни) на полуночное солнце и Лена ушла, оставив нас, в буквальном смысле, сидеть у моря и ждать погоды. Любопытно видеть солнце, когда часы показывают полночь! В довершение всего великолепия видна радуга» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 25].

21 июля в лагере продолжалась стройка. «...Режим в лагере: 8^h – чай, 12^h – обед, 6^h – ужин» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 25 об.]. И.К.Тихомировым, П.Г.Кушаковым и Ф.Я.Цельмом (моторист, военный моряк) была предпринята разведка моря у о. Диксон на моторной лодке. Но по пути следования они отвлеклись на охоту: им удалось добыть оленя и белого медведя. [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 25 об.-26]. Позднее «...идти к Диксону было и поздно, да и бесполезно. Весь пролив между о.Верна и Диксоном был забит льдом» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 26 об.].

22 июля была совершена вторая разведка на Диксон силами П.Г.Кушакова, Ф.Я.Цельма, А.П.Голубкова. И.К.Тихомиров этот день, как и три последующих, посвятил охоте. 25 июля в процессе третьей разведки почти удалось добраться до Диксона – не дошли около 50 саженей [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 27].

Теплым днем 27 июля были возобновлены попытки добраться до острова. П.Г.Кушакова, Ф.Я.Цельма, А.К.Яковлева и И.К.Тихомирова «...в самую бухту Диксона не пустил лед, покрывавший, как почти всю бухту, так и проливы (Вега, Лена и Провенен). Пришлось высадиться на Южном берегу, верстах в 3-4 от станции» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 27 об.]. В 6 часов вечера И.К.Тихомиров первый в 1916 г. ступил на берег Диксона. Станция оказалась в полной целостности и сохранности. Чтобы попасть внутрь, членам экспедиции пришлось сломать замки, повозиться с разбухшими дверями. Далее – «...чаепитие и ночевка на оленьих шкурах» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 27 об.-28]. Вместо запланированных 20 дней плавание к о.Диксон заняло 32 дня.

28 июля разведчики вернулись во временный лагерь, погода резко ухудшилась – начался шторм, который продолжался и на следующий день. Сильный ветер и дождь не прекращались до 3 августа. 2 августа было закончено сооружение зимовья [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 28-28 об.].

3 августа было решено отправить первую партию (8 человек) на Диксон. И.К.Тихомиров остался «до второй партии. Раскупорил на берегу ящики и собрал свои вещи» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 28 об.].

4 августа на Диксон отправилась вторая партия сотрудников экспедиции с грузом: ящики с провизией, инструментами, оборудованием. Между о.Верна и о.Диксон «...волна почти затопила лодку и смыла с нее ящики с грузом... вошли в проливчик между островами и пристали к скалам южной стороны острова, таща за собой полузатопленную лодку... Несколько человек отправились на N берег острова... смотреть, не прибило ли к берегу, чего-либо из потонувшего. Нашли ящики столяра, крышку от ящика с инструментами и сито. Все остальное погибло... в 11^h20^m вечера пошли дальше... Шли до Диксона еще 2 часа слишком». Заканчивает описание этого плавания И.К.Тихомиров в дневнике такими словами: «Правда, тридцативерстный переход по океану при свежей погоде на открытой речной моторке вещь не шуточная! Жаль инструментов – трудно теперь будет работать на Диксоне» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 29 об.-32].

5-8 августа молодой естествоиспытатель характеризует в своем путевом дневнике как дни «безделья»: «...инструменты все – которые не потонули – в лагере. Актинометром наблюдать нельзя – погода пасмурная (ветер здоровый к тому же). Не знаю уцелел ли психрометр Ассмана – без него совсем швах дело. Помнится, будто он в другом ящике лежал» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 32-32 об.].

9 и 10 августа были предприняты «вылазки» с участием И.К.Тихомирова в лагерь за инструментами: «...лодка была очень нагружена и при том таким грузом, гибель которого была бы гибелью всего дела» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 32 об.]. 10 августа вернуться из-за погоды на Диксон не удалось. Ночью начался шторм. Сидели в зимовье. «В 5^h вечера волной залило моторку, и она затонула» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 33]. 11 августа Иннокентий Константинович начал обучать персонал будущей метеорологической радиостанции обработке пилот-баллонных наблюдений [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 33 об.].

Только 14 августа удалось выбраться из лагеря: «Грузу опять было много. Почти все оставшиеся метеорологические инструменты. Утопить их было бы крайне печально... Мне страшно хотелось поскорее попасть на Диксон и мною руководило не одно только желание поскорее доставить инструменты. На Диксоне, за мое четырехдневное штормование на Павловском станке, должны уже были установить приемную станцию, а следовательно, и получить вести о военных событиях. Шутка ли с 29 июня не было никаких сведений! Не с меньшим нетерпением и на Диксоне ожидали нашего возвращения – Цельм¹ был единственным лицом, которое могло пустить в ход Болиндера². Конечно, первые слова мои были «как дела на войне?» Мне сказали, что все благополучно и что русские войска уже на Карпатах» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 34-34 об.].

15-19 августа И.К.Тихомиров разбирал инструменты (Анемограф etc) и отлаживал метеорологические приборы... впервые в жизни слышал работу радио-телеграфа (надел телефоны), начал срочные наблюдения и собирать растения на Диксоне [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 35-36]. 20-25 августа были

¹ Ф.Я.Цельм – моторист, военный моряк

² Болиндер – двухтактный калоризаторный двигатель. Название происходит от имени производителя, который поставлял двигатели такого типа в Россию

продолжены работы по оборудованию метеорологической станции и обучению работам с приборами участников экспедиции, которые останутся на зимовку 1916-1917 гг. [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 36-36 об.]. 26 августа на станцию приезжал Лид¹ [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 37].

Далее, вплоть до 4 сентября, в дневнике идут скупые описания каждодневных работ по организации и проведению метеорологических наблюдений, продолжавшегося обучения персонала [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 37-39 об.].

4 сентября пришла «Лена» с недостающими метеорологическими инструментами. И.К.Тихомиров записал в этот день в своем дневнике: «Завтра я покидаю Диксон. Впечатлений о людях и жизни на нем писать не хочется. Ну их всех! Поднадоело! Работу сделал, какую мог, что будет зимой (в смысле наблюдений) – покажет будущее» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 40]. Далее в источнике следует описание природы о Диксон, сделанное «для памяти» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 40-41 об.].

5 сентября Иннокентий Константинович встал рано: «...нужно было откупорить ящики с инструментами и установить их, устроить свои дела, сложить вещи etc. Одним словом дела было по горло. Dr. напоследок угостил приличным обедом (с вином!), распрощался я со всеми и... покинул берега Диксона. Когда «Лена» отчалив давала прощальные свистки, то диксоновцы отвечали на них звоном колокола. Унылая картина! Невольно щемило сердце, когда я глядел на 8 человек зимних жителей острова Диксона. Зимовка здесь не легкая вещь» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 41 об.-42]. На зимовку 1916-1917 гг. остались ранее упоминавшиеся начальник станции П.Г.Кушаков, А.К.Яковлев, А.П.Голубков, Ф.Я.Цельм и М.М.Шуныко – радиотелеграфист, военный моряк (участвовал в экспедиции Б.Вилькицкого в 1913-1915 годах); С.К.Лемберов – плотник и каюр (родом из Тобольской губернии, в 1901 году участвовал в американской экспедиции Болдуина на Землю Франца-Иосифа); И.Пищухин – повар (участвовал в экспедиции Г.Я.Седова к Северному полюсу); П.Я.Володин – рабочий (зачислен на месте из сезонных рабочих, политический ссыльный из Иркутской губернии в Туруханский край) [Глущенко, 2005: 429].

От Диксона пошли без приключений. Миновали знакомые места – острова Верна, Павловский станок, Ефремов камень и уже увидели противоположный берег залива. Морское плавание И.К.Тихомирова в 1916 г. закончилось [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 42].

7 сентября «Лена» перешла от Гольчихи к мысу Воронцовскому. Иннокентий Константинович в своем дневнике записал: «Вскоре после прихода случилось тяжелое несчастье. Помощник командира Александр Иванович Сущихин с матросами и пассажирами отправился на шлюпке на берег. Был очень свежий ... ветер, создающий в районе Гольчихи неприятнейшую толчею... Шлюпка вплоть к берегу не могла подойти – ее залило волной, а бывшие в ней люди вброд выбрались на берег...Алекс[андр] Иванович с 3 матросами и рабочими рыбака Симонова вздумали на рыбачьей лодке добраться до парохода. Плыть нужно было двести сажень. Едва лодка отошла от берега сажень 30-40, как волна залила лодку. Бывшие в ней люди вскочили на ноги, следующим валом лодку опрокинуло. Несчастные пошли ко дну почти

¹ И.Лид – директор-распорядитель Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли

моментально. С «Лены» несчастье заметили сразу, но пока спускали большую лодку, пока плыли – прошло минут 15 и уже никого не могли спасти. Жуткая картина. В каких-нибудь 150 саженях гибнут люди и чувствуешь, что бессилён помочь им. Спасать утопающих ушли капитан, один (из двух) лоцман и почти все матросы... Добраться берега вплотную не удалось и спасательной партии – им пришлось поставить лодку на якорь, а самим вброд идти на берег. Лодку вскоре залило. Обратное попасть на пароход было невозможно. А положение «Лены» было не из важных. К вечеру ветер стал еще сильнее – приходилось серьезно опасаться, что якорь сдас, а тогда мы во мгновение ока были бы выкинуты на берег не успев дать ход машине. Капитана на судне не было, всюду, кончая нашим питанием, царил анархия. Ночь простояли на двух якорях – благополучно» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 42 об.-43 об.].

9 сентября приплыл с берега капитан и рассказал подробности несчастья: «Катастрофа произошла на глубине не большей 2^х аршин. Положительно это что-то фатальное. Несчастных очевидно оглушило волной. На берег выкинуло 3 трупа. Ветры истекших 2^х дней не прошли для «Лены» бесследно – у ней несколько поврежден руль (выскочил из пятки). В 6^ч вечера состоялось погребение погибших. К этому времени у Гольчихи уже кончили выгрузку и перешли к Воронцовскому. Могилу вырыли на вершине небольшого холма над Енисеем. Это были самые торжественные похороны, которые мне когда-либо доводилось видеть. Все было просто, сурово и величественно. Не было ни лишних слов, ни суеты. Простые деревянные гроба были покрыты флагами; когда их опускали в могилу, на «Лене» приспустили флаг и дали три протяжных свистка. Гулко, глухо и жалобно неслась эта «вечная память» над 12^м верстным водным простором, вокруг могилы все стояли молча, с обнаженными головами; заходящее солнце последними лучами освещало и голые, унылые берега и прибрежную полосу воды... На могиле поставили деревянный крест с приколоченным спасательным кругом с «Лены» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 43 об.-44].

Судя по дневниковым записям И.К. Тихомирова, дни 10-14 сентября прошли без внештатных ситуаций в наблюдениях за природой и продолжающихся на обратном пути с о. Диксон осмотрах местных метеорологических станций [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 44 об.-46]. 15 сентября он пересек Полярный круг, 16 сентября в Туруханске был в гостях на метеорологической станции [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 46-46 об.]. 17 сентября на «Лене» закончился уголь, и пришлось перейти на дровяной ход. Время стоянок увеличилось из-за трудоемкой погрузки дров. Иннокентий Константинович тоже носил дрова [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 46 об.].

21 сентября при отправке от поселка Алинского «Лена» села на мель. После схода с нее оказалось, что сломалась лопасть у одного винта. «От этого здоровая тряска... Капитан беспокоится будут ли в Бахте дрова. Господь ведаёт, когда мы придем в Енисейск, а уж про Красноярск и говорить нечего!» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 47-47 об.]. И.К.Тихомиров сокрушается, что «...плыть же (до Красноярска) еще почти 1000 верст. Когда-то будем там! Надоела кочевая жизнь, хочется в Питер. Ведь из дому я имел всего одну телеграмму в 4 слова и больше ничего – правда, телеграмма хорошая, но все же чувствуется некоторая забота и беспокойство – как-то там живут. Долго буду помнить эту поездку – много приключений» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 48].

Чем больше от о.Диксон отдалялась «Лена», тем лаконичнее становятся записи в дневнике. И теперь они все больше содержат описания технических моментов плавания на судах Енисейского срочного казенного пароходства, которые все отодвигали сроки возвращения И.К.Тихомирова в Петроград: «...Все-таки какого-либо распорядка и помину нет в Енисейском Срочн[ом] Казен[ном] пароходстве. Бестолочь, сутолока и почти поголовное пьянство» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 54 об.].

Изредка еще встречаются этнографические наблюдения. Так, 27 сентября Иннокентий Константинович записал: «...Для памяти (местные изречения): 1) «Ишь ты идет словно инженер путей сообщения – дожидайся его»; 2) Писи поцтение. В Туруханском крае, до самого Ворогова, а может быть еще южнее, у крестьян совсем нет телег. Дрова к пароходу подвозили на санях. Летнее сообщение здесь производится исключительно водою» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 50-50 об.]. 1 октября: «...Назимово – первый пункт (с N), где население уже занимается хлебопашеством. Здесь также впервые попадают голуби» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 52 об.-53]. Теперь автору дневника до Енисейска осталось всего 100 верст: «... Быть может завтра днем будем уже в Енисейске. Весь вопрос в том, будет ли там пароход в Красноярск» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 53].

2 октября «пришли в Енисейск в 4^h15^m дня». 3 октября: «...Записываю для памяти некоторые черточки славного города Енисейска: электричество на улицах, постройки из барочного лесу, извозчики (долгуши)¹ Патриархальность (здорованье) etc.» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 55]. Вечером И.К. Тихомиров пересел на «Иртыш» и отправился в Красноярск: «...Я устроился сносно. Буду спать на диване в кают-компании. Приключений за эту поездку было слишком достаточно – несказанно хочется спокойного плавания» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 56].

5 октября в дневнике автор отметил, что уже ровно месяц, как он плывет по Енисею, а 7 октября записал: «В Красноярске будем 10го, а то и 11го числа. До Питера значит еще остается 9-10 дней пути. Хочется туда поскорее. Надоело шатанье» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 57-58].

8 октября «Иртыш» подошел к селу Атаманово (80 верст до Красноярска). 9 октября окрестности Атаманово были удостоены отдельного описания в дневнике И.К.Тихомирова: «Эти места... при пути на Диксон проплывали поздно вечером, когда было совсем темно и тогда я не разглядел их. Это весьма привлекательные места – берега Енисея здесь высоки и скалисты. Хорош утес при входе в эту теснину и около самой Атамановой. На последнем красуется надпись (довольно высоко над водой): «Долой Самодержавие, да здравствует революция». Надпись эта красуется в полной неприкосновенности и, видимо, по своему положению на скале, недосыгаема для местных властей» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 59-59 об.]. 10 октября «...Ровно в 5^h вечера благополучно прибыли в Красноярск» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 60].

Заканчивается путевой дневник послесловием, где Иннокентий Константинович Тихомиров описывает радость встречи с благами цивилизации на «Большой Земле»: «...Моя Диксониада закончена – остающиеся 6 суток езды по железной дороге слишком малая величина сравнительно с предыдущими странствованиями. Сверх того на железной дороге не придется опасаться ни перекатов, ни шуги – это уже не путешествие,

¹ Долгуши – экипаж, кузов которого помещен на длинных дрогах

а простая обыденщина. Большую радость почувствовал я примащиваясь на уголок сиденья извозчицей пролетки (багажа у меня с собой много). Сознание, что и Диксон и Срочное казенное Пароходство и все вообще плавание находится уже в прошедшем времени, что теперь неуверенность в событиях завтрашнего дня как это было в плавании, почти исчезает, было весьма приятно. Улицы Красноярска казались родными, а гостиница «Метрополь» (препаршивая строго-то говоря, а впрочем она – лучшая в Красноярске) – уютной и комфортабельной. Сразу же по приезде в гостиницу я отправился в баню, основательно вымылся и окончательно почувствовал себя иным человеком. Затем напился чаю и пишу вот эти строки. Остается привести в порядок кое-что из моего гардероба – и лечь спать на свежем белье с мягкой подушкой в головах. Чего же еще надо? А завтра, Бог даст, в полдень я уже покачу по Великому сибирскому пути» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 60 об.-61].

В послесловии автор также счел необходимым суммировать свой опыт, обретенный в командировке на о.Диксон: «Мне удалось увидеть полярные страны с их флорой и обитателями, до самого Мишки включительно, полярные льды, северное сияние, Северный Ледовитый океан (правда кусочек его), проплыть 2690 верст (в один конец) по одной из величайших рек мира, видеть, как живут и работают в этом крае люди – русские и инородцы, пережить самому сильные ощущения, узнать получше людей – а это ведь жизненный опыт, удалось поучиться многому из положительных и отрицательных примеров, которые пришлось наблюдать, поработать по метеорологии, поохотиться и т.д. Это ли не стоит тех, вообще говоря, небольших неудобств и лишений, которые мне довелось перенести?» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 61-61 об.].

Заканчиваются дневниковые записи патетической фразой: «Итак, да здравствуют путешествия!» [Музей-Архив... НВФ 945. Л. 61 об.].

В 1916 г. начались различные научные наблюдения на гидрометеорологической радиостанции Диксон «и этим [было] положено начало регулярной подаче метеорологических депеш для службы предсказания погоды при Николаевской главной физической обсерватории» [Известия АОИРС, 1916: 381]. Устройство на острове Диксона такой станции было вызвано «необходимостью быть осведомленными в атмосферических условиях в восточной части Карского моря, лежащей, как показывают научные исследования, вблизи одного из важных центров действия атмосферы» [Известия АОИРС, 1916: 381]. Кроме того, уже первый период работы станции Диксон показал, что она будет играть весьма важную роль в обслуживании судоходства к устью Енисея. Она была оборудована помимо полного комплекта инструментов, «полагающихся для станции 2-го разряда 2-го класса, приборами, самоотмечающими давление, температуру и влажность воздуха и ветер, а также всем необходимым для наблюдений на верхних слоях атмосферы, т.е. змеями с метеорографами и пилот-баллонами» [Там же: 381-382].

Успех этого предприятия зависел, в немалой степени, от работы молодого специалиста – метеоролога-гидролога И.К.Тихомирова, наладившего специальное оборудование на станции и обучившего радистов снятию данных с приборов наблюдения. Его вклад в организацию

самой северной в 1916 г. метеорологической станции на о.Диксон не отмечен в опубликованных ранее работах, посвященных этой теме. Благодаря источнику личного происхождения – путевому дневнику И.К.Тихомирова – этот момент прояснен, а ход экспедиции представлен ретроспективно и детально. Такой информационно емкий исторический источник представляет несомненный интерес для специалистов широкого гуманитарного спектра.

Источники

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 945 – Дневник И.К.Тихомирова «Командировка на о.Диксона. VI-X/ 1916».

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 586 – Личное дело младшего научного сотрудника Тихомирова Иннокентия Константиновича.

Список литературы

Глушенко А.А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900-1917 гг.). СПб.: ВМИРЭ, 2005. С. 375-435.

Жожикашвили С.В. Дневник // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 232.

Кодан С.В. Источники личного происхождения как носители информации о государственно-правовом развитии России // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГЮА, 2014. Вып. 2. 396 с.

Метеорологическая станция на острове Диксона // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1916. № 9. С. 381-382.

Пихенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 2: Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской Транспорт, 1962. 767 с.

Предтеченский А.В. Дневник Пушкина 1833-1834 гг. // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 267-277.

Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 95.

Разные вести // Известия Архангельского общества изучения русского Севера. 1915. № 5. С. 153; № 6. С. 194-196.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna,

PhD (History), Leading Researcher Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 631.859.42:661.152(470.21)

В.П.Петров, А.Г.Саморукова, А.Д.Токарев

**ОДНО ИЗ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ
КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА – ПЛАВЛЕННЫЕ МАГНИЕВЫЕ ФОСФАТЫ:
ОТ ИДЕИ ДО ОПЫТНО-ПРОМЫШЛЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ**

Аннотация

На примере организации производства плавленных магниевых фосфатов проанализированы отдельные аспекты развития исследований по комплексной переработке полезных ископаемых Кольского полуострова. Рассмотрены вопросы за период от создания первой опытной промышленной установки на Кольской Базе АН СССР по получению плавленных магниевых фосфатов на комбинате «Апатит» до попытки организации промышленного производства их на Ковдорском ГОКе в 1980-1990-е гг.

Ключевые слова:

плавленные магниевые фосфаты, комплексная переработка полезных ископаемых, опытная промышленная установка.

V.P.Petrov, A.G.Samorukova, A.D.Tokarev

**ONE OF UNAPPLIED AREAS OF COMPLEX USAGE
OF KOLA PENINSULA RAW MATERIALS – MELTED MAGNESIUM PHOSPHATES:
FROM THE IDEA TO PILOT TESTING**

Abstract

Particular aspects connected with research of complex processing of raw materials of the Kola Peninsula have been analyzed on the basis of production of melted magnesium phosphates. The paper has covered the problems that occurred within the period from developing the first pilot industrial setup at the Kola Base of the USSR Academy of Sciences installed at Apatite Enterprise up to the trials to arrange industrial production of such melted magnesium phosphates at Kovdor Enterprise in the 1980s.

Key words:

melted magnesium phosphates, complex processing of raw materials, pilot industrial setup.

История создания первых опытных промышленных установок на Кольском полуострове уходит в далекие тридцатые годы XX века, когда в Хибинах развернулись широкомасштабные работы по строительству гиганта химической промышленности треста «Апатит». Несмотря на то что технология переработки была новой для страны, промышленное производство сразу было нацелено на большие объемы добычи и переработки апатит-нефелиновых руд с упором на комплексное использование полезных ископаемых. Предусматривалось создание единого Северного горнохимического комбината с расположением основных добывающих и перерабатывающих производств в Хибиногорске, Мончегорске и Кандалакше. Была разработана схема использования основных полезных ископаемых Хибинских и Мончегорских тундр, принципиально проработано большинство технологических процессов. К созданию Северного горнохимического комбината были привлечены десятки ведущих научно-исследовательских научных институтов, заводов и учреждений страны. В апреле 1932 г. состоялась Первая полярная конференция по вопросам комплексного использования

Хибинских апатит-нефелиновых руд. Главными идеологами проведения этой конференции являлись академик А.Е.Ферсман и директор треста «Апатит» В.И.Кондриков. Эта конференция стала рубежным событием, оказавшим большое влияние на цивилизованное и социально-экономическое развитие Кольского края. На конференции были определены основные приоритеты в развитии горной и химической промышленности региона. Проблемы, поднятые на конференции, определили на многие годы вперед пути к решению задач по развитию и созданию нетрадиционных способов переработки апатитнефелинового сырья, отходов горнохимического производства и вовлечение в использование нетрадиционных месторождений. Одним из направлений исследований, открывавшим путь к развитию технологического направления по переработке полезных ископаемых на Кольской базе / Кольском филиале АН СССР, стала проблема получения плавящихся фосфатов в качестве нового типа минеральных удобрений. Пионерные исследования по этой проблеме были начаты в 1931 г. инженером Керченского металлургического завода Л.А.Черниковым, о первых результатах было доложено на Первой полярной конференции. Способ заключался в получении плавящихся фосфатов с использованием шлаков металлургических заводов и апатит-нефелиновой руды. Исследования продолжались на протяжении нескольких лет, и в январе 1937 г. с целью выяснения возможности промышленного получения плавящихся фосфатов на Днепропетровском заводе металлургического оборудования было проведено 38 опытных плавов и получено 100 тонн плавящихся фосфатов. Указанные опыты позволили Гипрохиму в 1938 г. составить «Предварительную технико-экономическую оценку производства фосфат-шлака, изготовленного по методу инженера Л.А.Черникова». При этом было установлено, что себестоимость одной тонны P_2O_5 в плавящем фосфате составляет 380-400 рублей, а суперфосфата 750-780 рублей в ценах того времени. Одновременно ставилась задача по оценке возможности использования шлаков комбината «Североникель» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 2].

Начавшаяся Великая Отечественная война не позволила осуществить планировавшиеся мероприятия. В 1943 г. Б.Н.Мелентьев, используя результаты исследований Л.А.Черникова, продолжил опыты по получению плавящихся фосфатов на Кольской базе АН СССР в г. Кировске (рис.). Были проведены лабораторные опыты получения плавящихся магниевых фосфатов в электропечи, конструкцию которой разработал Б.Н. Мелентьев. Первые опыты показали, что достигнутое содержание усвояемой фосфорной кислоты P_2O_5 – 19-20% не является пределом и может быть повышено еще на несколько процентов. Исследования по изучению новых свойств плавящихся магниевых фосфатов были поддержаны заместителем директора Кольской базы АН СССР Ф.М.Терновским. Ознакомившись со статьей «Удобрение, получаемое сплавлением фосфорита и оливина» в американском журнале «Chemistry and Metal» (V-52/1945/137), он обсудил ее с Б.Н.Мелентьевым, и было принято решение о проведении опытов по сплавлению апатит-нефелиновой руды с оливинитами Хабозерского месторождения.

Б.Н.Мелентьев в то время был единственным химиком-технологом, имевшим опыт работы еще на Кольской базе АН СССР с 1936 г., когда он возглавил работу Геохимической лаборатории. Затем, в военное время, после возвращения в 1943 г. в Кировск, он принимал участие в работе опытного фосфорного завода и занимался восстановлением Геохимической лаборатории.

В конце 1944 г. были развернуты исследования по использованию хибинского апатита и хабозерского оливинита для электротермического получения плавяных магниевых фосфатов в качестве одного из видов удобрений для колхозов и совхозов Мурманской области. К началу мая 1945 г. первый этап исследований был завершен, и 3 мая 1945 г. издается приказ по Кольской Базе АН СССР, в котором было отмечено, что полученные результаты имеют большое народно-хозяйственное значение. Учитывая важность работы, сотрудников, принимавших активное участие в исследованиях, премировали дефицитными тогда промышленными товарами, а заведующий лабораторией Б.Н.Мелентьев был командирован в Москву для доклада о результатах работ на Ученом совете Научно-исследовательского института по удобрениям и инсектофунгицидам (НИУИФ) и в Наркомате химической промышленности [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 56].

Рис. Разработка технологии получения плавяных магниевых фосфатов в Геохимической лаборатории Кольской базы АН СССР в п. Кукисвумчорр (в центре – Б.Н.Мелентьев, слева – З.М.Гилева, справа – З.И.Корнильева (Горощенко) (Фото из личного архива Л.Б.Мелентьева)

На важность работ по организации производства плавяных магниевых фосфатов было обращено внимание и на совещании, состоявшемся 26 сентября 1946 г. при председателе Мурманской областной плановой комиссии. В работе совещания принимали участие председатель Мурманского Облплана В.А.Горелов, старший научный сотрудник Кольской базы АН СССР к. г.-м.н Б.Н.Мелентьев, зав. Земельным отделом Добров, начальник сельскохозяйственного сектора Облплана Чешкова, доцент Г.Н.Соловьянов, который сделал доклад на тему «Народно-хозяйственное значение проблемы производства плавяных фосфатов». Обсуждение доклада Г.Н.Соловьянова показало, что накопившийся материал по технологии получения плавяных фосфатов перерос рамки лабораторных (и в некоторых случаях ползаводских) испытаний и заслуживает организации промышленного производства плавяных фосфатов в широких масштабах. Также было отмечено, что проблема производства плавяных фосфатов имеет большое значение для развития производительных сил Мурманской области с точки зрения дальнейшего расширения производства апатитового концентрата, возможности использования Мончегорских шлаков и отходов обогащения Енских железных руд, поступавших в значительной мере в отвалы.

Учитывая успехи в исследованиях по проблеме плавленных фосфатов, совещание приняло решение о необходимости концентрации и обобщения в Кольской базе Академии Наук СССР всего имеющегося материала из различных организаций по проблемам производства и использования плавленных фосфатов [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 144. Л. 2-4].

Плавленные магниевые фосфорные удобрения как новый вид минеральных удобрений нарабатывались плавкой шихты из смеси оливинитов, кварцитов и черного апатитового концентрата в электродуговой печи мощностью 25 кВт, сконструированной Б.Н. Мелентьевым, с последующими опытно-промышленными испытаниями на комбинате «Апатит» в большой печи мощностью до 1000 кВт.

В 1945-1946 гг. сотрудниками Полярной опытной станции Всесоюзного института растениеводства (ПОСВИР) в Хибинах П.А. Турнас и И.Д. Горбачевым были проведены вегетационные и полевые опыты с плавленными магниевыми фосфатами. Полученные результаты показали, что почти во всех случаях суперфосфат – основное фосфатное удобрение, используемое в то время – по своему воздействию на болотных и минеральных почвах для различных сельскохозяйственных культур уступал плавленным магниевым фосфатам в среднем на 15% [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 5].

Первые итоги опытных работ по получению плавленных магниевых фосфатов были подведены в 1947 г. на совместном заседании Ученого совета Кольской базы и Технического совета комбината «Апатит» под председательством директора комбината «Апатит» М.И. Селезнева и заместителя директора Кольской базы АН СССР Ф.М. Терновского. Было признано, что полупроизводственные опыты по получению плавленных магниевых фосфатов, проведенные комбинатом «Апатит» по схеме, предложенной Геохимической лабораторией Кольской базы АН СССР, дали удовлетворительные результаты. Была получена первая партия плавленных фосфорно-магниевых удобрений. В плане практической реализации первой партии полученного удобрения было предложено организовать полевые опыты в совхозе «Индустрия» по определению влияния нового удобрения на урожайность выращиваемых в совхозе сельскохозяйственных культур [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 152. Л. 10].

В 1947 г. под руководством Б.Н. Мелентьева ставится вопрос о проведении исследований по использованию плавленных магниевых фосфатов в качестве кормовой добавки для скота. Проведенные опыты за рубежом положительно сказывались на продуктивности коров, свиней и других животных. Основной проблемой при использовании плавленных магниевых фосфатов в качестве кормовой добавки являлось уменьшение содержания фтора до безопасных концентраций для животных. Б.Н. Мелентьевым совместно с сотрудником Геохимической лаборатории КБАН Я.Г. Горошенко была выполнена работа «Получение плавленных магниевых фосфатов с низким содержанием фтора». В результате проведенных работ была решена и эта проблема [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 126. Л. 1-12].

9 декабря 1948 г. на совещании при дирекции Кольской базы АН СССР с участием представителей ПОСВИРа был детально рассмотрен вопрос о положении с плавленными магниевыми фосфатами, а также о целесообразности строительства завода общесоюзного значения по производству этого вида удобрения. На заседании было заслушано сообщение Б.Н. Мелентьева о проведенных в 1947 г. полужаводских опытах по получению плавленных

магниевого фосфата и разработке основных технологических параметров его производства. В результате опытных работ было получено 14 тонн плавленного магниевого фосфата, из которых 12,3 тонны были переданы ПОСВИРу для проведения испытаний агрономической ценности удобрения.

Выступивший на заседании заведующий кормовой группой ПОСВИРа В.И. Душечкин сообщил, что на болотных почвах во всех случаях плавленный магневый фосфат превосходил суперфосфат. При обсуждении вопроса о строительстве завода по производству плавленного магниевого фосфата общее мнение выразил сотрудник Кольской базы АН СССР, заведующий сектором почвоведения А.И.Ляхов. По представлению собравшихся, завод по производству плавленного магниевого фосфата необходимо было строить исходя из интересов и потребности в этом удобрении не только Мурманской области, но и других районов, имеющих подзолисто-болотные почвы. Лучшим и экономически наиболее выгодным местом строительства завода должен стать Кольский полуостров, располагавший основными видами сырья для производства.

Вместе с тем, как отметил ученый секретарь Кольской базы АН СССР И.М.Рудницкий, для решения вопроса о строительстве завода до начала проектирования необходимо получить дополнительные сведения со всех сельскохозяйственных станций, где проходили испытания плавленные магневые фосфаты, и обобщить этот материал.

Было сообщено, что в 1947 г. плавленные магневые фосфаты посылались для испытаний и в другие зоны страны: в Торжок, на станцию Стародубская Брянской области, на Марийскую и Челябинскую сельскохозяйственные станции, сельскохозяйственную станцию им. Тимирязева и др. Но до конца 1948 г. сведений о результатах испытаний от них еще не поступило. Доказывать необходимость постройки завода общесоюзного значения можно было только, имея все сведения об эффективности этого удобрения [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 161. Л. 7-12].

В 1947 г. был построен опытный цех по производству плавленного магниевого фосфата на комбинате «Апатит». Об этом событии сообщала газета «Кировский рабочий» от 1 апреля 1947 г. в краткой заметке «Первая партия магниевого фосфата»: «В комбинате «Апатит» оборудован специальный цех, где будет вырабатываться магневый фосфат. К весне должно быть выдано 200 центнеров этого удобрения».

Специальный цех на комбинате «Апатит» не мог обеспечить потребностей в плавленном магневом фосфате Мурманской области и Северо-Западных районов страны, необходимо было строительство завода. Попытки обратить внимание общественности на решение этой проблемы поднимались в статье Б.Н.Мелентьева в газете «Полярная правда» от 13 февраля 1948 г. «Когда же будет построен завод плавленного магниевого фосфата?». Однако решение этой проблемы зависело от многих факторов, в том числе от удаленности источников сырья, необходимого для полноценного функционирования завода. Так, к Хабозерскому месторождению оливинитов необходимо было проложить железную дорогу, чтобы организовать строительство рудника по добыче и поставке оливинитов. Вопрос строительства завода должен был решаться на государственном уровне. Необходимо было составление технико-экономического обоснования и выделение необходимого финансирования для строительства завода.

В конце 1970-х гг. Б.Н.Мелентьев инициировал возобновление работ с плавленными магниевыми фосфатами в государственном научно-исследовательском институте горнохимического сырья (ГИГХС) из сырья Ковдорского месторождения. Одновременно подобные работы были развернуты в 1978 г. в Институте химии и технологии редких элементов и минерального сырья (ИХТРЭМС) КФАН СССР творческим коллективом под руководством А.П.Процюка и П.Б.Громова, а также в Горном институте КФАН СССР под руководством П.А.Усачева в содружестве с научно-исследовательским институтом по удобрениям и инсектофунгицидам (НИУИФ), Ленниигипрохимом и Волжским филиалом Ленниигипрохима и Ковдорским горно-обогатительным комбинатом. Первоначально рассматривались различные варианты получения плавленых магниевых фосфатов из смесей ковдорского апатитового концентрата с отходами обогащения. Однако в связи с тем, что ковдорский апатитовый концентрат в то время решено было полностью использовать для получения кормовых обесфторенных фосфатов, впервые в мировой практике был поставлен вопрос о получении из отходов руд Ковдорского месторождения качественно нового вида продукции плавленых магниевых-фосфорных удобрений (ПМФУ).

В середине 1980-х гг. вопрос об организации производства плавленых магниевых-фосфорных удобрений вновь становится актуальным в связи с принятием в 1982 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР Продовольственной программы страны в части обеспечения Нечерноземья комплексными щелочно-фосфорно-магниевыми удобрениями.

Значительная роль в решении этой проблемы отводилась ученым Кольского филиала АН СССР. В 1983 г. заместитель председателя Президиума КФАН СССР В.П.Петров направил в Мурманский обком КПСС, с копией в Отдел химии ЦК КПСС, «Справку о перспективе производства плавленых кальциево-магниевых фосфатов из сырья Ковдорского ГОКа». В документе отмечалось, что перспективным источником их получения могут стать фосфорсодержащие продукты переработки руд Ковдорского ГОКа, а промышленное производство плавленых магниевых фосфатов может быть организовано на базе Ковдорского ГОКа с учетом сравнительно дешевой электроэнергии Кольской атомной электростанции. Областной комитет КПСС был проинформирован о том, что по поручению Совета Министров СССР институтами Минудобрений, Механобром, ВНИИАЭС и Кольского филиала АН СССР был выполнен комплекс научно-исследовательских и опытно-технологических работ по созданию электротермической технологии и оборудования для получения в электропечах указанных удобрений из отходов и промежуточных продуктов Ковдорского ГОКа. По результатам испытаний 1981-1984 гг. опытные партии удобрений показали их высокую эффективность на большинстве типов почв страны. Вместе с тем в решении данной проблемы не был определен постоянный источник сырья и не разработана промышленная технология получения фосфорно-магнезиевого концентрата. Наиболее реальным источником сырья для получения фосфорно-магнезиевых удобрений следовало рассматривать отходы магнито-обогатительной фабрики, содержащиеся в хвостохранилищах. Начальным этапом такого производства должно было стать создание опытно-промышленной установки, необходимой для отработки технологии получения плавленых магниевых-фосфатных удобрений.

26 февраля 1985 г. председатель Президиума КФАН СССР Г.И.Горбунов направил в Мурманский Обком КПСС письмо «О производстве плавленых магнезиальных фосфатов на Ковдорском ГОКе Минчермета СССР». В письме содержалась просьба к Мурманскому Обкому КПСС обратиться в Госплан СССР, Минудобрений и Минчермет по поводу финансирования строительства

опытно-промышленной установки для получения фосфорно-магниевого удобрения в XII пятилетке.

28-29 мая 1985 г. по инициативе Ковдорского РК КПСС, Кольского филиала АН СССР и Ковдорского ГОКа прошло совещание по вопросу организации производства плавленных магниевых фосфатов на базе руд Ковдорского месторождения [Решение, 1985: 2]. На совещании обсуждался вопрос об источниках получения высокомагнезиального апатитового концентрата для производства плавленных кальциево-магниевых фосфатов. Первоочередным источником являлись отходы текущего производства апатит-бадделейтовой обогатительной фабрики Ковдорского ГОКа. Перспективными источниками сырья могли также стать складированные отходы обогатительного производства и другие апатитосодержащие руды Ковдорского месторождения.

По итогам обсуждения совещание посчитало необходимым разработать, согласовать в Минчермете СССР и утвердить в Минудобрении задание на проектирование опытно-промышленной установки плавленных кальциево-магниевых фосфатов с учетом использования опытной обогатительной фабрики Ковдорского ГОКа.

11 сентября 1985 г. постановлением ЦК КПСС и СМ СССР была утверждена «Программа научно-исследовательских и опытных работ по технологии обогащения отходов текущей переработки и отходов, накопленных в хвостохранилище Ковдорского ГОКа, с целью получения сырья для производства плавленных фосфорно-магниевых удобрений, а также разработка ТЭО строительства предприятия по производству плавленных фосфатов». Реализация программы планировалась на 1986-1988 гг.

В работе по указанной программе активное участие принимали институты КФАН СССР. Так, еще в 1983 г. Горным институтом на Ковдорском ГОКе проводились исследования по получению из хвостов апатитовой флотации высокомагнезиального апатитового концентрата, пригодного для производства плавленных магниевых фосфатов. Позже Горный институт совместно с институтом Механобр разработали и изготовили новую конструкцию флотационной машины, обеспечивающей получение из хвостов флотации АБОФ концентрата, пригодного для производства плавленных магниевых фосфатов. Из отобранной Ковдорским ГОКом совместно с Геологическим и Горным институтами пробы верхних слоев хвостохранилища на опытной установке Горного института была получена партия фосфорно-магниевого концентрата, переданная ряду научно-исследовательских организаций для технологических испытаний плавленных фосфатов. Сотрудники ИХТЭМС провели технологические исследования получения фосфорно-магниевых удобрений.

Тем не менее, как следует из справки 1985 г. «О задачах партийных организаций Ковдорского ГОКа и Кольского филиала АН СССР по повышению эффективности комплексного использования руд и ускорения научно-технического прогресса в XII пятилетке на Ковдорском ГОКе», проведенные научно-технические разработки Кольского филиала АН СССР не обеспечили в полной мере решения проблемы рационального и комплексного использования минерального сырья Ковдорского ГОКа, в частности, не были решены вопросы организации экспресс-анализов руды и продуктов обогащения в потоках, имеющих большое значение при комплексной переработке руды. С другой стороны, на комбинате неэффективно использовалась опытная установка, медленно решались вопросы ее реконструкции применительно к задачам комплексного использования отходов производства.

К концу 1985 г. был осуществлен ряд организационных мероприятий, связанных с выполнением Постановления от 11.09.85 г. [Постановление, 1985].

Ковдорским ГОКом был подготовлен и разослан на согласование проект задания на реконструкцию опытной установки для проведения опытно-промышленных работ по полному циклу технологии получения плавяных магниевых фосфатов. Институт Механобр, ГИГХС, КФАН СССР обобщили результаты ранее выполненных исследований и подготовили целевую программу исследовательских и опытных работ для выдачи исходных данных разработчикам ТЭО.

Вместе с тем было очевидно, что в условиях сжатого срока выполнения, определенного постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, и сложности решения научно-технической проблемы имела место недостаточная координация и согласованность работ между заинтересованными сторонами. В связи с этим решением Междуведомственной территориальной комиссии при Госплане СССР институтам-исполнителям в январе 1986 г. предлагалось разработать и согласовать с исполнителями рабочие программы и представить их ГИГХСу для координации работ и решения необходимых вопросов в Минудобрений и Минчермете СССР. В плане практической деятельности рекомендовалось одновременно с разработкой ТЭО осуществить реконструкцию опытной установки Ковдорского ГОКа для проведения представительных опытно-промышленных работ по полному циклу технологии производства плавяных магниевых фосфатов для уточнения технологических и технико-экономических показателей на стадии проектирования промышленного производства и отработки технологии использования перспективных источников фосфатного сырья. С этой целью заинтересованным сторонам необходимо было разработать, согласовать и утвердить в установленном порядке задание на реконструкцию опытной установки с перспективой реализации проекта в 1988-1989 гг.

На состоявшемся 7 мая 1986 г. совместном заседании партийных комитетов Ковдорского ГОКа и Кольского филиала АН СССР было отмечено, что наибольшие успехи в организации производства плавяных магниевых фосфатов были достигнуты там, где обеспечивалось творческое содружество специалистов комбината и ученых КФАН СССР. На заседании партийных комитетов было принято решение о создании творческих бригад из работников Ковдорского ГОКа и сотрудников КФАН по организации производства ПМФ [Протокол совместного заседания партийных комитетов Ковдорского ГОКа и Кольского филиала АН СССР от 07.05.86 г.].

В 1992 г. на Ковдорском ГОКе был построен опытный цех с электротермической печью мощностью 2,5 МВА для отработки технологии получения плавяных магниевых фосфатов из фосфатно-магниевого концентрата. Получаемое удобрение имело сумму питательных веществ P_2O_5 и MgO примерно 33%, что выше по сравнению с производимыми за рубежом удобрениями такого же типа. Для улучшения технологического процесса при плавлении сырья Ковдорского месторождения, снижения температуры плавления и повышении степени перехода P_2O_5 в лимонно-растворимую форму были предложены способы добавления слюдосодержащих минералов, эгирина, оксидов железа в виде природных ассоциаций с фосфатами или отходами обогащения.

Однако огромные усилия, которые были вложены в развитие перспективной технологии получения плавяных магниевых фосфатов, в том числе с участием отраслевых министерств и институтов Кольского научного центра РАН, не получили своего развития. В связи с экономической обстановкой в стране в 1990-е гг. сельское хозяйство страны приходило в упадок, а горнодобывающие и химические предприятия были приватизированы.

Государственная поддержка в развитии новых производств сокращалась. Работы по производству плавяных магниевых фосфатов на Ковдорском горно-обогатительном комбинате были свернуты. А вопрос о создании соответствующего производства на базе хибинских руд, поставленный еще в 1930-е гг. и активно развиваемый в послевоенные годы, до 1949 г., практически ушел в историю.

В связи с экономическими реалиями нашего времени, решениями руководства страны по восстановлению сельского хозяйства эти вопросы становятся снова актуальными, требующими государственного внимания.

Источники

Архивные материалы

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. – Научно-документальные материалы канцелярии Президиума Кольского филиала им. С.М.Кирова АН СССР за 1930-1963 гг.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. – Научно-документальные материалы геохимической лаборатории, отделов: климато-метеорологического, геолого-геохимического, геологического и секторов: минералогического и геологического за 1929-1949 гг.

Периодическая печать

Мелентьев Б. Когда же будет построен завод плавяных магниевых фосфатов? // «Полярная правда». 13 февраля 1948 г.

Первая партия магниевого фосфата // «Кировский рабочий». 1 апреля 1947 г.

Документы

Решение совещания в Ковдорском РК КПСС «О мерах по ускорению выдачи технологического задания для разработки технико-экономического обоснования строительства предприятия по производству плавяных магниевых фосфатов на Ковдорском ГОКе» (28-29 мая 1985 г.). Ковдор, 1985.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию промышленности минеральных удобрений, химических средств защиты растений и увеличения поставок их сельскому хозяйству в 1986-1990 гг.» от 11.09.85. М., 1985.

Программа научно-исследовательских и опытных работ по технологии обогащения отходов текущей переработки и отходов, накопленных в хвостохранилище Ковдорского ГОКа, с целью получения сырья для производства плавяных фосфорно-магниевых удобрений, а также разработка ТЭО строительства предприятия по производству плавяных фосфатов. 18.12.85.

Сведения об авторах

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, заместитель председателя Президиума Кольского научного центра РАН

Саморукова Антонина Григорьевна,

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Токарев Александр Дмитриевич,

главный специалист Научно-организационного отдела Кольского научного центра РАН

Petrov Valentin Petrovich,

Dr.Sc. (geology-mineralogy), Professor, Deputy Chairman of the Presidium of the Kola Science Centre RAS

Samorukova Antonina Grigoryevna,

Researcher of the Barents centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

Tokarev Alexander Dmitrievich,

Chief Specialist of the Scientific Organizational Division of the Kola Science Centre RAS

УДК 061.6(470.21)

С.А.Дюжилов

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В 1920-1930-Е ГОДЫ: ПРИОРИТЕТЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования и эволюции сети научных учреждений на Кольском Севере в 1920–1930-е годы. Сложившаяся здесь в это время организационная модель науки включала в себя научные организации Академии наук СССР, отраслевых академий, ведомств и вузов, а также низовые учреждения (лаборатории и службы) и была ориентирована преимущественно на потребности индустриализации. Путь, пройденный наукой в регионе за два довоенных десятилетия, – это не только сложное, противоречивое и яркое явление, но и совокупность поучительных уроков.

Ключевые слова:

природно-ресурсный потенциал, производительные силы, колонизация, форсированная индустриализация, институционализация науки, сектор науки, отрасль знания, типология научных учреждений, биоресурсы северных морей, полярное земледелие, географо-экономический кадастр региона, природоохранные резерваты, естественные экосистемы, комплексный подход к решению проблемы использования природных богатств Кольского полуострова.

S.A.Dyuzhilov

SCIENCE INSTITUTIONALIZATION IN THE KOLA NORTH IN 1920-1930'S: PRIORITIES, ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES

Abstract

The article deals with the formation and evolution problem in the scientific institutions network in the Kola North embracing the period 1920-1930's. The organizational model of science that was current at that time included scientific organizations of the USSR Academy of Sciences, branch academies, institutions and universities, as well as grassroots institutions (laboratories and services) and was primarily focused on the industrialization needs. The path traversed by the science in the region during two prewar decades is not only a complex, contradictory and bright phenomenon, but also a set of instructive lessons.

Key words:

natural resource potential, productive forces, colonization, forced industrialization, institutionalization of science, science sector, branch of knowledge, typology of scientific institutions, biological resources of the northern seas, polar agriculture, geographic and economic inventory of the region, conservation reserves, natural ecosystems, an integrated approach to solving the problem of natural resources use on the Kola Peninsula.

Размещение науки в России в 1920-е гг. характеризовалось крайней неравномерностью. Ведущие научные силы в то время были сконцентрированы в основном в Ленинграде и Москве. Понятно, что при таких условиях покрыть полноценными исследованиями огромные пространства страны вряд ли представлялось возможным. Первыми почувствовали это сами регионы. Уже тогда на Мурмане раздавались призывы «принять меры к привлечению в край постоянных и действительных научных сил, к постройке научных станций и лабораторий, к обеспечению их всем необходимым для успешной научной работы на месте» [Доброхотов, 1922: 29]. И хотя эти предложения были по праву оценены, появившиеся научные пункты на Кольском полуострове долгое время оставались единичными и разрозненными.

Перелом наступил на рубеже 1920-1930-х гг. Развитие производительных сил Заполярья, начавшаяся здесь индустриализация потребовали сближения науки с производством, ее прямого участия в созидательных процессах. Одной экспедиционной работы для этого было явно недостаточно. Вполне закономерно, что в сложившейся ситуации восторжествовала идея развертывания региональной сети научных учреждений, охвативших наиболее существенные отрасли знания.

Становление первых советских научных центров на Мурмане относится к началу 1920-х гг. Поскольку с окончанием гражданской войны в стране остро стояла продовольственная проблема, развитие рыболовства в Баренцевом море явилось важной общегосударственной задачей, а рыбохозяйственные исследования стали местом приложения сил для многих ученых.

На 1920-1933-е гг. приходится деятельность ряда морских институтов и учреждений на Мурмане (отметим, прежде всего, Мурманскую биологическую станцию и Плавающий морской научно-исследовательский институт, реорганизованный в 1929 г. в Государственный океанографический институт), из планомерных, но не всегда скоординированных работ которых выросли все советские и российские школы по изучению океанов и морей, как академические, так и прикладные. Анализ документов позволяет конкретизировать важнейшие достижения в этот период первого научного стационара на Кольской земле. С организацией Мурманской биостанции систематических гидрологических разрезов по Кольскому меридиану (согласно программе Международного Совета по исследованию морей) была заложена основа стационарного изучения гидрологического режима Баренцева моря. Многолетние научно-промысловые экспедиции станции позволили доказать возможность круглогодичного лова трески тралом в Полярном бассейне. В результате проведенной биостанцией Имандровской экспедиции (1924-1926 гг.) был собран богатейший материал по рельефу и геологии побережья озера Имандра, по его флоре и фауне, а также по рыбным промыслам [Рихтер, 1927: 177-178]. Неоценима роль морского биологического стационара в подготовке будущих зоологов, гидробиологов, ихтиологов (только в 1928-1929 гг. здесь побывало 90 практикантов и 36 научных работников, при наличии 10-11 штатных сотрудников) и в пропаганде научных знаний (с 1924 по 1929 гг. с музейными экспонатами МБС ознакомилось 75300 чел.) [ГАМО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 16. Л. 8; Д. 31. Л. 16; Д. 40. Л. 91; Д. 44. Л. 40; Д. 55. Л. 9]. Однако в конце 1920-х гг. с академичностью и многопрофильностью работ на Мурманской биостанции фактически было покончено (в 1929 г. она стала филиалом Плавморнина, затем ГОИНа), ее научный персонал переориентирован на решение проблем рыбного промысла. После же так называемого «дела ГОИНа» (1933 г.) биостанцию и вовсе закрыли, а ее имущество и архивы передали открытому в 1934 г. в Мурманске Полярному научно-исследовательскому институту морского рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО).

В связи с организацией отраслевой рыбохозяйственной науки, интересы которой на Кольском Севере представлял ПИНРО, работы ученых-океанологов с 1934 по 1941 гг. оказались направлены, главным образом, на решение задач развития рыбной промышленности. В этом направлении им удалось немало сделать. Например, благодаря усилиям заведующего лабораторией донных рыб Н.А.Маслова в повседневную практику рыбаков вошли промысловые прогнозы, были выявлены закономерности в миграции рыб путем ее мечения, а заведующий лабораторией сельди проф. М.П.Сомов оказался непосредственно причастным к появлению на Мурмане промысловой разведки. И все же ПИНРО не мог решать всех тех задач, которые прежде ставились

Мурманской биостанцией. Лишь накануне войны, в лице строящейся станции в Дальних Зеленцах, возобновились на Кольском полуострове фундаментальные исследования по морской тематике.

Несмотря на все коллизии, противоречия и трудности сталинской эпохи (взять хотя бы «дело ГОИНа» или «сельдяное дело» 1930-х гг.) именно в довоенный период на Кольском Севере были решены важнейшие организационные проблемы российской морской науки и созданы необходимые предпосылки для ее дальнейшего развития.

В 1920-1930-е гг. ценную работу по выведению на Крайнем Севере культурных растений провели первые заполярные сельскохозяйственные исследовательские учреждения (прежде всего, Хибинский стационар). Основную роль в этом деле, бесспорно, сыграл сотрудник Агрономической службы Мурманской железной дороги (МЖД), будущий академик И.Г.Эйхфельд, фактически заново основавший в 1923 г. Хибинский сельскохозяйственный пункт (чуть позже появились при поддержке Колонизационного отдела МЖД два его отделения: в Коле и в Лоухах). Всего за семь лет опытное учреждение в Хибинах прошло путь от робких начинаний по выявлению возможностей культивирования на Севере земледелия до получения хороших урожаев многих культур подходящих к климатическим условиям Заполярья, проработки проблемы культуры болот (впервые в мировой практике) и изыскания местных источников минеральных удобрений; от разработки первых делянок с ручной обработкой земли до строительства первого совхоза за Полярным кругом, названного «Индустрией» (1930 г.), и получения научно обоснованного опыта ведения сельского хозяйства (на базе «Индустрии» разрешалось около 80 вопросов, посвященных проблемам северного земледелия, что послужило предпосылкой для создания в 1933 г. Мурманской комплексной сельскохозяйственной зональной опытной станции) [Эйхфельд, 1933: 28, 39, 45]. С упразднением Колонизационного отдела МЖД Хибинский стационар в 1931 г. был передан в ведение Всесоюзного института растениеводства на правах его Полярного отделения, которое с 1935 г. стало называться Полярной опытной станцией (ПОСВИР).

В 1930-е гг. исследования в Хибинах приняли более глубокий характер и значительно расширились по объему: возникли семеноводство, травосеяние, растениеводство в закрытом грунте, возделывание кормовых корнеплодов и силосных культур, поставлены опыты по многим важнейшим вопросам физиологии и биологии растений, их наследственности и т.д. Фактически ПОСВИР оказалась главным учреждением в деле решения проблемы полярного земледелия и организации опорных зональных пунктов на Севере. К концу 1930-х гг. станция (в составе 8 отделов и при персонале в 67 чел.) располагала значительной производственной базой: насчитывала 49 построек различного назначения с инвентарной стоимостью 720 тыс. рублей, инвентаря и оборудования на 188 тыс. рублей, в том числе 1 трактор СТЗ, 2 фрезмашины в 5 л. сил, конный инвентарь, 1 грузовую и 1 легковую машины, 10 лошадей и 19 голов крупного рогатого скота; имела собственные освоенные земельные площади 42 га, под опытами и размножением сортового материала находилось в совхозах около 40 га. Бюджет Хибинской станции в 1939 г. составил 719575 руб. [ГАМО. ФП. 112. Оп. 1. Д. 74. Л. 4; Д. 352. Л.24-26; Д. 355. Л. 26]. Ни одно сельскохозяйственное опытное учреждение края не располагало такими интеллектуальными, материальными и финансовыми ресурсами. Не случайно тогда же было принято решение о создании на базе Полярной станции Института сельского хозяйства Крайнего Севера. Правда, в практическом плане оно так и не было реализовано. Тем не менее деятельность ПОСВИР, безусловно, заслуживает высокой оценки.

В довоенные годы Хибинская опытная станция и совхоз «Индустрия» выполнили свою роль первопроходцев в области сельского хозяйства на Кольском полуострове. Именно на основании их опыта на всем протяжении Крайнего Севера были созданы сельскохозяйственные исследовательские учреждения, а также подсобные хозяйства промышленных предприятий и совхозы. Общими усилиями науки и практики граница земледелия и продуктивного животноводства была продвинута в Европейской части нашей страны на 500 км, а в Азиатской – местами до 1000 км севернее границ дореволюционного периода.

В довоенный период на Мурмане также началась кропотливая работа по созданию природоохранных и естественнонаучных учреждений. Основной формой охраняемых здесь территорий в 1930-е гг. стали три заповедника: Лапландский (1930), Кандалакшский (1932), «Семь островов» (1938), решавшие одновременно и научные задачи. У истоков проведения природоохранных мероприятий на Севере стояли такие ученые, как Г.М.Крепс, О.И.Семенов-Тянь-Шанский, А.А.Романов, Л.О.Белопольский и др. Несмотря на трудности роста, незначительный научный потенциал, первые природные резерваты края вполне оправдали свое существование, предотвратив, прежде всего, исчезновение дикого северного оленя, а также истребление гаги, и создав условия для комплексного изучения природы Заполярья и сбережения в ней естественных экосистем.

Особую нишу среди научных учреждений края занимал Мурманский филиал географо-экономического, научно-исследовательского института ЛГУ (МФ ГЭНИИ), образованный в 1933 г. по инициативе одного из ведущих специалистов по переселенческой политике в СССР, проф. В.П.Вощинина. Это был едва ли не единственный из региональных научных центров, строивший свою работу в основном на хозрасчетных началах. Большая часть его сотрудников привлекалась временно со сдельной оплатой из среды местных и ленинградских специалистов [ГАМО. Ф. 810. Оп. 1. Д. 6. Л. 109; Д. 38а. Л. 10; Д. 46. Л. 20]. Только за период с 1933 по 1939 гг. МФ ГЭНИИ удалось выполнить 17 крупных работ. Среди них можно обозначить многочисленные картографические материалы, атласы, справочники и исследования в области освоения природных ресурсов и экономической географии края. Фактически в эти годы закладывается географо-экономический кадастр региона, организуется учет полевых исследований Кольского полуострова, систематизируются данные о степени его изученности. По словам акад. А.Е.Ферсмана, деятельность МФ ГЭНИИ в 1930-е гг. наглядно продемонстрировала пример того, «как можно работать с небольшими силами, но с успехом» [Фонды Мурманского областного краеведческого музея. MOM. НВ. 5194/1-13. Л. 9; MOM КП. 16068/1. Л. 30].

Необходимость решения возникших в годы первой пятилетки разнообразных научно-технических проблем предопределила формирование на Кольском полуострове академического сектора науки [Макарова, Петров, Токарев, 2012: 67-68, 71-72]. Возникновение здесь комплексной академической базы связано с преобразованием Кольской экспедиции АН СССР в Хибинскую горную станцию (1930), с обретением позднее последней статуса академической базы (1934). Главная заслуга в этом принадлежала акад. А.Е.Ферсману. С 1930 по 1939 гг. АН СССР вложила в строительство Кольской базы 2 млн. 349 тыс. руб. [НА КНЦ РАН Ф. 1. Оп. 6. Д. 58. Л. 57, 63]. Основными же источниками пополнения ее бюджета долгое время являлись местные дотации, ассигнования хозяйственных организаций, договорные средства. Именно они в значительной степени позволили академическому стационару приобрести необходимое научное оборудование, расширить немногочисленный штат сотрудников, ввести новые структурные подразделения.

Согласно официальным статистическим данным в 1940 г. в Мурманской области насчитывалось 15 научных учреждений (до революции на Кольском полуострове функционировала лишь одна научно-исследовательская организация – Морская биологическая станция в г.Александровске), в которых было занято 130 научных работников, не считая вспомогательного персонала [Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет советской власти, 1967: 92]. Представление о территориальной организации науки и ее приоритетах в регионе дает таблица (табл.1).

Анализ таблицы показывает, что процесс становления на Кольском Севере первых советских научных организаций начался сразу же после окончания Гражданской войны на Европейском Севере. Их появление, с одной стороны, было обусловлено необходимостью решения задач экономического выживания региона, пребывавшего в то время в условиях разрухи, голода и эпидемии, а с другой стороны, диктовалось самой логикой и практикой процесса реализации проекта «колонизации Карело-Мурманского края». Следующим шагом в институционализации науки в регионе станет развертывание здесь в годы довоенных пятилеток целой сети научных учреждений, вызванных к жизни во многом потребностями форсированной индустриализации [Макарова, Петров, 2014: 7-9].

Сложившаяся накануне войны в Мурманской области организационная модель науки включала в себя научные организации Академии наук СССР (Кольская база АН СССР, Биологическая станция АН СССР в Дальних Зеленцах), отраслевых академий (ПОСВИР, Мурманская зональная оленеводческая станция, Плодово-ягодный опорный пункт в Мурмахах), ведомств (ПИНРО, Мурманское отделение гидрометслужбы, заповедники: Лапландский, Кандалакшский и на Семи островах и др.), вузов (Мурманский филиал ГЭНИИ ЛГУ), а также низовые учреждения (службы и лаборатории комбинатов «Апатит» и «Североникель»). По сути, на институциональном уровне уже к 1941 г. в регионе закладываются организационные основы академического (6) и отраслевого (8), и намечаются контуры вузовского (1) и заводского (не включен в официальную статистику) секторов науки.

Примечательно, что территориально процесс институционализации науки охватил практически все пространство Мурманска. Большая часть научных организаций (8), что вполне естественно, тяготела к административному центру и прилегающим к нему районам. Незначительно ему уступала научная инфраструктура (5 центров, не считая соответствующих подразделений комбинатов «Апатит» и «Североникель»), сложившаяся в самом сердце Кольского полуострова. На формирование научного потенциала Беломорья (2 стационара), безусловно, не могли не оказать влияние природно-географический и историко-политический факторы (в состав Мурманской области Кандалакша и ее район вошли лишь в мае 1938 г.).

Природно-ресурсный потенциал Кольского Севера во многом предопределил политику центра в области науки в отношении его северной окраины. Сложившиеся здесь научные направления в рамках стационарных научно-исследовательских организаций по видам работ можно классифицировать следующим образом: комплексные (1), рыбохозяйственные (1), гидрометеорологические (3), биологические (2), сельскохозяйственные (4), географо-экономические (1), природоохранные (3).

Таблица 1

Региональная сеть научных учреждений,
сложившаяся накануне Великой Отечественной войны.
[Народное хозяйство Мурманской области за 1934-1939 гг., 1939: 17]

Фронт научных исследований	Региональные центры и низовые учреждения, ориентированные на сложившиеся научные направления
Изучение северных морей и внутренних бассейнов Кольского полуострова. Рыбохозяйственные исследования	- ПИНРО (1934, г. Мурманск). Его предшественники: Плавморниин (1921), ГОИН (1929), СНИИРО (1933). Находился в подчинении ВНИРО (Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, г.Москва). - Биологическая станция АН СССР на Мурманском побережье в Дальних Зеленцах (1937). Продолжила работы, начатые Мурманской биологической станцией Общества естествоиспытателей в Александровске (1904).
Гидрометеорологические исследования	- Мурманское отделение гидрометслужбы (1937), с подчинением ленинградскому УГМС., с 1938 г. – самостоятельная территориальная организация Гидрометслужбы СССР, с разветвленной инфраструктурой (сеть профильных станций, Мурманская морская обсерватория). У ее истоков стояло Мурманское бюро погоды (1932). - Кольская база АН СССР (1930, Хибинь). - Беломорская методическая станция Государственного гидрологического института в Порьей Губе на Кандалакшском берегу (1931). С 1938 г. перешла в ведение Архангельского управления Гидрометслужбы. - Снежно-метеорологическая служба комбината «Апатит» (Кировск, 1936).
Сельскохозяйственные исследования	- ПОСВИР Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина (ст. Хибинь, 1923). - Зональная станция Наркомзема в Росте (Мурманск, 1932). - Плодово-ягодный опорный пункт НИИ плодоводства имени И.В.Мичурина ВАСХНИЛ в Мурмашах (правый берег р.Тулома, недалеко от Колы, 1937). - Мурманская зональная оленеводческая станция НИИ Полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства в селе Краснощелье (Ловозерский район, 1938). Образована как оленеводческий ветеринарно-зоотехнический опорный пункт Мурманского губернского земельного управления в селе Оксина в 1926 г.
Геолого-минералогические и геохимические исследования	- Кольская база АН СССР (Хибинь, 1930). - Центральная лаборатория и геологоразведочная служба комбината «Апатит» (Кировск, 1932). - Центральная химическая лаборатория комбината «Североникель» (Мончегорск, 1934).
Географо-экономические исследования	- Мурманский филиал Географо-экономического научно-исследовательского института Ленинградского государственного университета (1933). - Кольская база АН СССР (Хибинь, 1930).
Изучение, использование и расширение воспроизводства биологических ресурсов	- Полярно-альпийский ботанический сад (1931) в составе Кольской базы АН СССР.
Комплексное изучение природы и сохранения в ней естественных экосистем	- Лапландский заповедник, созданный для охраны тундр западной части Кольского полуострова, а также для восстановления поголовья дикого северного оленя (район оз. Чунозеро, 1930). - Заповедники в Кандалакше (1932) и на Семи островах (1938) по сохранению знаменитых птичьих базаров и гагачьих колоний, занимающих острова Белого и Баренцева морей.

Анализ факторов, условий и механизмов эффективного решения сложнейших научных и технологических проблем северного региона в 1920 – 30-е гг. XX в. нашел отражение в ряде публикаций ученых Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН. Их выводы заслуживают пристального внимания. «Необходимо признать, что одним из главных факторов и необходимых предпосылок, обеспечивавших взаимодействие академической, отраслевой и производственной науки, было высоко централизованное государственное управление при жесткой вертикали партийно-политической власти. Государство определяло главные целевые установки и стратегические направления и пути их достижения, наука, и прежде всего Академия наук, на которую центральная власть возложила функции главного координатора, являлась источником, производителем и селекционером новых идей, знаний и технологий» [Петров, Макарова, Токарев, 2012: 54].

В таких условиях в науке не могли не проявляться противоречия, которые сдерживали ее прогресс. Подчинение науки характеру и содержанию деятельности государства вело к деформации научного сообщества (идеологические чистки, репрессии). Подтверждением этому может служить таблица (табл.2).

Таблица 2

«Трудные моменты» в деятельности научных учреждений региона в 1920-1930-е гг.
[Ленинградская правда, 1933: 3; Дашинский, 1989: 10; Макарова, Петров, Токарев, 2011: 92-113; ГАМО. Ф 1-П. Оп. 1 Д. 74. Л. 16-284; Кировский рабочий, 1937, 9 февраля: 3; Книга памяти: 1997]

Научные учреждения	Репрессии и деформации	Последствия
Центры по изучению северных морей	«Дело ГОИНа», «Сельдяное дело» 1930-х годов	Ликвидация Мурманской биостанции. Репрессировано не менее 43 ученых
Кольская база АН СССР	Кампания против акад. А.Е.Ферсмана и его школы. (1934-1941)	Болезнь Ферсмана; пост директора сохранил. Покинули базу или были репрессированы ряд его единомышленников
ПОСВИР	Кампания против директора станции И.Г.Эйхфельда (1937-1938)	В 1940 г. Эйхфельд покинул Хибины, а вместе с ним и часть его соратников
Природные резерваты	Кампания против директора Лапландского заповедника Г.М.Крепса. (1938)	Г.М.Крепс вынужден был покинуть Кольский Север. По официальным данным репрессиям в Лапландском заповеднике подверглись 3 человека

Казалось, на таком фоне научная деятельность ученых вряд ли могла быть плодотворной. Однако парадокс советской науки того времени состоит в том, что при всех утратах она сумела, по словам М.Г.Ярошевского, «породить армию самоотверженных тружеников, энергия которых позволила стране во многих направлениях выстоять в качестве великой научной державы» [Ярошевский, 1991: 10-11, 32-33]. Осознание этого феномена можно найти и в письмах В.И.Вернадского («сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики...»; «русские ученые делали и делают <там – С.Д.> большую мировую работу...»). В чем же его сущность? На сей счет в литературе можно найти ряд соображений: «научная деятельность неизбежно преобразит коммунистический режим» [Письмо В.И.Вернадского дочери. 5 мая 1924 г. Цит. из кн: Колчинский, 1999: 24]; «"Прометеевская вера" коммунистических вождей в науку создавала обстановку, стимулирующую научные исследования» [Там же]; «понимание высокого значения главной общей задачи – создание <...>

эффективного народно-хозяйственного и социокультурного комплекса объединяло и обеспечивало конструктивный диалог и взаимодействие власти и науки» [Петров, Макарова, Токарев, 2012: 54].

Примечательно, что 1920-1930-е гг. стали периодом впечатляющих достижений как в центре, так и на местах. В это время исследовательскими учреждениями края была проведена огромная научная работа по изучению и освоению Крайнего Севера: открыты неизведанные ранее рыбные богатства Баренцева моря, значительно превышающие многие другие морские водоемы, заложены научные основы успешного ведения полярного земледелия, доказана ведущая роль местного горно-химического сырья в ряде отраслей союзной промышленности, созданы природные резерваты для сохранения естественных заполярных экосистем, выявлены значительные пласты знания, как прикладного так и теоретического характера, обогатившие пути развития науки и практики.

Оказалось, что развертывание региональной сети научно-исследовательских учреждений совпало по времени со становлением промышленности области, испытывавшей острую потребность в подобных центрах. Трудно представить себе преобразование мурманских рыбных промыслов в целую народнохозяйственную отрасль без деятельного участия Мурманской биостанции и ПИНРО. Известно, что Хибинская горная станция (позднее Кольская база) возникла вместе с горнорудной апатитовой промышленностью на Кольском Севере и всемерно помогала освоению природных богатств края. Рождению полярного земледелия, а вместе с ним и появлению первых совхозов и колхозов за Полярным кругом мы обязаны творению И.Г.Эйхфельда – ПОСВИРу. Заложив научные основы индустриализации Севера, наука в 1930-е годы указала также на наиболее перспективные пути развития здесь производительных сил, позволяющих предотвратить разрушающее воздействие на природу техногенных и антропогенных факторов.

Центральной задачей стратегии решения проблемы использования природных богатств Кольского полуострова академик А.Е.Ферсман считал комплексный подход. «Это тот хозяйственный принцип, который является организационным принципом, это тот новый принцип, который подчиняет новые идеи социалистической стройке, комбинируя все хозяйственные силы вместе, он комбинирует отдельные разрозненные производства, сливая и переплетая их...» [Макарова, Петров, 2010: 101]. Его материализация – заслуга того же человека, блестящего организатора и практика. А.Е.Ферсман привлек к работам на Кольском полуострове десятки научных и производственных учреждений страны, сотни исследователей геологов, геохимиков, технологов, географов, обогатителей, биологов и т.д. Это и придавало широту научным исследованиям уникальных природных богатств Заполярья, а их промышленное освоение, как считают авторы академического издания, имело мировое значение [Петров, Макарова, Токарев, 2012: 51].

Не менее важной задачей в условиях широкого фронта научных изысканий и разработок являлось преодоление ведомственной разобщенности научного сообщества, разрыва между стационарными и экспедиционными методами исследований. «Согласованный план научных работ и расходов на них по всей области – такова задача настоящего дня», – подчеркивал проф. В.П.Вошинин в докладной записке от 8 июня 1938 г. на имя председателя оргкомитета ВЦИК по Мурманской области тов. Голотова [Фонды Мурманского областного краеведческого музея. MOM. НВ. 5193/1-27: 128]. Для координации действий научных организаций в 1939 г. в крае был создан специальный Оргкомитет. В предвоенный период ему удалось решить следующие задачи:

- ввести в практику обсуждение планов научно-исследовательских учреждений на собраниях производителей и в областной плановой комиссии;
- поставить вопрос о переводе Кольской базы АН СССР из Кировска в Мурманск и о присоединении к ней Дальнезеленецкой биологической станции той же Академии;
- подойти к вопросу об объединении в единой системе ПОВИРа разрозненно действующих в области зональных станций НКЗ и об слиянии ПИНРО с Кандалакшским отделением ВНИРО;
- принять твердое решение об обязательной регистрации как полевых, так и стационарных исследований на территории области – кем бы эти исследования не проводились;
- начать проработку вопроса об образовании в области своего геологического центра (управления) и собственного областного института народного хозяйства;
- обеспечить издание в 1939 г. экономгеографической комплексной монографии «Мурманская область» и двухтомного Географического словаря Кольского полуострова – энциклопедии природных ресурсов края [Фонды Мурманского областного краеведческого музея. MOM. НВ. 5194/1-13: 5-6].

Таким образом, процесс институционализации науки на Кольском Севере в 1920-1930-е гг. стал важным фактором его преобразования из «бесплодной и бесперспективной окраины» в индустриальный регион. Участие государства в развитии отечественной науки объективно способствовало созданию в Заполярье необходимых условий для развития практически всех крупных отраслей знания, концентрации научных ресурсов на основных направлениях научно-технического прогресса, повышения социально-экономической эффективности научной деятельности.

Архивные и музейные материалы

ГАМО. Ф 1-П. – Мурманский обком КПСС.

ГАМО. Ф. 20. Оп. 1 – Мурманская биологическая станция Главнауки просвещения РСФСР.

ГАМО. ФП-112. Оп. 1 – Кировский (до 1934 г. Хибинский) городской (с 1935 г. районный) комитет партии.

ГАМО. Ф. 810. Оп. 1 – Мурманский филиал географо-экономического научно-исследовательского института Ленинградского университета.

НА КНЦ РАН Ф. 1. Оп. 6 – Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра им. С.М.Кирова Российской академии наук.

Фонды Мурманского областного краеведческого музея. MOM. НВ. 5194/1-13; 5193/1-27; MOM КП. 16068/1.

Список литературы

Дашинский С.Н. Сельдяное дело // Рыбный Мурман. 1989. 24 марта. С. 10.

Доброхотов К.В. Природные богатства Мурманской губернии и ее экономические задачи. Мурманск: Мурманская Губернская советская типография, 1922.

Кировский рабочий. 1937. 9 февраля. С. 3.

Книга памяти. Т. 6. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживающих в Мурманской области / Сост.: С.Н.Дашинский, В.В.Воронин, В.А.Нечушкин. Мурманск: Мурманское кн. изд, 1997.

Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.) СПб: Дмитрий Буланин, 1999.

Ленинградская правда. 1933. 5 марта. С. 3.

Макарова Е.И., Петров В.П. Деятельность Академии наук на Кольском полуострове: к реконструкции истории промышленного освоения Евро-Арктического / Баренц региона (1920-1940 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. С. 94-114.

Макарова Е.И., Петров В.П., Токарев А.Д. Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917-1940) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 61-73.

Макарова Е.И., Петров В.П., Токарев А.Д. «Трудные моменты» в деятельности Кольской базы АН СССР в 1936-1939 годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011. С. 92-113.

Макарова Е.И., Петров В.П. Опыт институционализации науки в Евро-Арктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930-1950) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. № 2 (21). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. С. 6-31.

Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет советской власти. Мурманск.: Мурманское кн. изд., 1967.

Народное хозяйство Мурманской области за 1934-1939 гг.: материалы к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. Мурманск: Изд-во оргкомитета Президиума Верховного Совета РСФСР по Мурманской области, 1939.

Петров В.П., Макарова Е.И., Токарев А.Д. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки. // Север и рынок: формирование экономического порядка. Вып. 3 (31). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 45-54.

Рихтер Г.Д. Обзор работ Имандровской экспедиции за 1924-1926 годы // Третий год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчетный сборник Колонизационного отдела правления Мурманской железной дороги за 1925-1926 годы. Л.: Изд. Управления Мурманской ж. д., 1927. С. 177-178.

Эйхфельд И.Г. Борьба за Крайний Север. Краткие итоги работы ПОСВИР (1923-1933). Л.: ВИР, 1933.

Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука. Вып. 1. Л: Наука, 1991. С. 6-33.

Сведения об авторе

Дюжилов Сергей Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Djuzhilov Sergej Aleksandrovich,

PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 061.6(470.21):(060.1/.9)"1930/1950"

Е.И.Макарова

**ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАУКИ
В ЕВРОАРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ОТ ХИГС ДО КФАН СССР (1930-1950-Е ГГ.)**

Аннотация

Рассмотрены и проанализированы источники по истории институционализации – от Хибинской горной станции до Кольского филиала АН СССР на Кольском Севере (1930-1950 гг.).

Ключевые слова:

академическая наука, Кольский Север, Евро-Арктический Баренц-регион, А.Е.Ферсман, АН СССР, государственная власть.

E.I.Makarova

**SOURCES OF THE HISTORY OF INSTITUTION OF SCIENCE
IN EURO-ARCTIC/BARENTS REGION: FROM A MOUNTAIN STATION
IN THE Khibiny MOUNTAINS TO THE KOLA BRANCH OF THE USSR AS (1930-1950)**

Abstract

Sources of the history of institution from a mountain station in the Khibiny mountains to the Kola branch of the USSR AS (1930-1950) is researched and analysed.

Keywords:

the history of academic science in the Kola North XX century, Euro-Arctic / Barents Region, academician A.E.Fersman, experience of relations science and State authority in the Kola North XX century.

История организации и функционирования Кольского научного центра РАН является частью исторической реконструкции деятельности Академии наук в освоении Евро-Арктического региона в первой половине XX столетия. Изучение истории становления научных институтов на Кольском полуострове актуально на современном этапе в связи с решением приоритетных задач государственного масштаба по организации комплексных исследований освоения Арктической зоны России. Опыт интеграции исследовательского и экспертного сообщества на платформе единого регионального научного центра – Кольского научного центра РАН, сопряженного с вузовской «оболочкой», при участии ведущих ученых, может оказаться полезным при поиске и реализации инновационных сценариев обживания Арктических территорий. В эпоху вхождения России в глобальную рыночную хозяйственную систему научная стратегия КНЦ РАН благодаря междисциплинарному системному подходу к исследованию Арктики ориентирована на базовые принципы «ноосферной» стратегии освоения Арктики, рожденной великим мыслителем XX века В.И.Вернадским. Не ограничиваясь взаимодействием с органами управления, она предоставляет также и действенный инструментарий для решения ключевых инженерно-технических и технологических проблем, определяющих перспективу реализации ресурсно-инновационных сценариев эволюции техносферы Арктики [Виноградов, 2014: 3].

В ходе разработки темы НИР ЦГП КНЦ РАН «Изучение исторического опыта и процессов институционализации науки для обоснования геополитических и социокультурных императивов устойчивого развития Евро-Арктического региона» (рук. д.г.-м.н., проф. В.Л.Петров) рассматривается, в частности, российский опыт институционального развития науки в условиях Крайнего Севера на протяжении всего советского периода: от учреждения Хибинской горной станции Академии наук в 1930 г., преобразований в КБАН СССР (1934) и в Кольский филиал АН СССР (1949) до Кольского научного центра АН СССР (1988-1991).

Выявление источников по теме проводилось в контексте продолжающегося наполнения источниковой базы по истории организации исследований Академии наук на Кольском Севере, ранее разработанной автором в рамках темы НИР «Доминанты исторического развития и роль науки в формировании инновационного потенциала Кольского Севера» по разделу «Анализ форм и содержания взаимоотношений науки, власти и общества на региональном уровне в советский период на Кольском Севере (1920-1940-е гг.)» (научный руководитель д.г.-м.н., проф. В.П.Петров). Обзор источниковой базы был представлен в обзорной статье «Источники по истории становления и развития фундаментальных исследований Академии наук на Кольском Севере (1920-1940)» [Макарова, 2013: 241-249].

Выявление опубликованных и неопубликованных источников осуществлялось с учетом уже накопленной информации по мере расширения хронологических рамок исследования, которые включили 1950-е гг., что, соответственно, повлияло количественно и на перечень привлекаемой литературы – при этом новые опубликованные источники рассматривались с использованием ранее сформированной источниковой базы в заданном ракурсе. Литература обобщающего характера по истории академической науки в рассматриваемый период дополнилась еще одним юбилейным изданием «250 лет Академии наук СССР. Документы и материалы юбилейных торжеств». Материалы этого сборника представляют наиболее значимые научные достижения за период существования Академии наук и освещают роль КПСС и правительства СССР в развитии академической науки. Следует подчеркнуть, что 250-летие Академии наук отмечалось в Кремлевском дворце съездов, торжественное заседание 7 октября 1975 г. открыл Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев, юбилейные торжества прошли также в Ленинграде и столицах всех союзных республик. В сборник был включен и научный доклад председателя президиума КФАН СССР (1952–1961), академика А.В.Сидоренко «Проблемы литологии докембрия и полезные ископаемые» [Сидоренко, 1977: 410-422]. Важным источником по истории академической науки является сборник постановлений Политбюро ЦК и других партийно-государственных органов СССР за 1952-1958 гг., куда вошли документы РГАНИ, Архива Президента РФ и Архива РАН, опубликованные после процедуры рассекречивания и изданные в 2010 г. Президиумом РАН совместно с Федеральным архивным агентством России [Академия наук в решениях Политбюро ЦК, 2010]. Издание позволяет проанализировать научную политику руководства СССР в 1953-1958 гг. в отношении науки, оценить роль Академии наук в жизни страны и за ее пределами, что дает ключ к пониманию процесса институционализации региональной науки на примере Кольского научного центра как академического учреждения.

В ряду опубликованных источников по теме рассматривались публикации ученых и организаторов науки: очерки по истории исследований в рассматриваемый период, воспоминания о деятельности на Кольском полуострове самих ученых, а также их потомков. Это издания и переиздания воспоминаний соратников А.Е.Ферсмана и свидетелей событий изучаемого периода. К воспоминаниям выдающихся ученых О.А.Воробьевой, И.Д.Борнеман-Старынкевич, Б.М.Куплетского, А.Ф.Соседко, Д.И.Щербакова, Н.А.Аврорина, А.А.Коровкина, В.Ю.Фридолина, Е.М.Крепса, Б.Н.Мелентьева добавились мемуары сына Б.Н.Мелентьева – Г.Б.Мелентьева, дочери И.Д.Борнеман-Старынкевич – Е.Б.Халезовой, дочери А.Н.Лабунцова – М.А.Лабунцовой [Среди минералов, 2001: 90-100, 101-108]. Отдельный корпус источников составили воспоминания ведущих ученых Кольского научного центра

послевоенного периода – И.Д.Батиевой, Д.Л.Мотова [Батиева, 2007: 205]. Эти публикации привлекают известностью самих авторов как ученых Кольского научного центра, участников процесса становления и развития научных институтов на Кольском полуострове, а также содержащимися в них описаниями деятельности по организации научных направлений в Кольском филиале АН СССР в 1940-1950-е гг.

Среди опубликованных материалов, существенно пополнивших корпус источников, важное место занимают публикации, вышедшие в постсоветский период – научно-популярные издания, сборники статей, газетные статьи. Их авторы – ведущие кольские ученые, организаторы науки, научные сотрудники, краеведы-любители, педагоги, журналисты, описывающие события научной жизни прошлых лет в современном видении – геологи, историки науки В.П.Петров, А.Н.Виноградов, Ю.Л.Войтеховский, А.И.Шпаченко, Е.А.Каменев, А.В.Барабанов, А.Д.Токарев; историки-педагоги А.А.Киселев, С.А.Дюжилов; историки-архивоведы Е.И.Макарова, О.В.Шабалина; писатели-журналисты С.В.Тарараксин, В.Э.Берлин. Их работы освещают изучаемый период в жанровом диапазоне от собственно научных публикаций до научно-популярных статей и очерков [Хибиногорск. Память сердца, 2012].

В отдельную группу опубликованных источников следует объединить сборники научных трудов гуманитарного профиля и материалы научных региональных тематических конференций по различным научным направлениям, изданные в последнее десятилетие XXI в. Это сборники материалов юбилейных конференций КНЦ РАН и институтов КНЦ РАН, а также издания сборников краеведческого профиля последних лет, предпринятые Муниципальным бюджетным учреждением культуры «Кировский историко-краеведческий музей с мемориалом С.М.Кирова и выставочным залом» [Материалы II областной научно-практической конференции, 2013] и Комитетом по развитию информационных технологий и связи Мурманской области совместно с Государственным областным казенным учреждением «Государственный архив Мурманской области в г.Кировске» [Материалы научно-практической конференции, КГАМО, 2014]. Сборник по итогам научно-практической конференции «IX Ушаковские чтения» (14-16 марта 2012 г.), вышедший в 2013 г. на 389 с., помимо уже упоминаемого обзора по теме содержит обобщающую статью московского архивиста М.Ю. Киселева «Источники по истории Мурманской области в информационной системе Архива Российской академии наук» о 28 архивных документах по истории Мурманской биологической станции и Кольской базы АН СССР [Киселев, 2013]. Важное место в ряду источников занимают опубликованные материалы исторической секции ежегодной международной Ферсмановской научной сессии, проводимой Геологическим институтом КНЦ РАН совместно с Кольским отделением Всероссийского Минералогического общества, материалы научно-методических конференций Кировского государственного архива. На страницах сборников ФНС представлены научные статьи и доклады по истории науки участников конференции ФНС, профессионально связанных с академической наукой на Кольском полуострове [Труды Ферсмановской научной сессии, 2004-2014].

Постоянным и важным источником остаются издания энциклопедического характера, содержащие биографическую информацию об ученых, работавших в исследуемый период на Кольском Севере [Ученые Кольского научного центра, 2011]. В этом ряду особое место занимает «Летопись КНЦ» за 1930-2010 гг. [Кольский научный центр. Летопись, 2011].

Дополнительным, но не менее значимым информационным источником являются публикации СМИ. Поиск информации по теме проводился по страницам газет «Полярная правда», «Кировский рабочий» (в 1930-1934 гг. издавалась под названием «Хибиногорский рабочий»), «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «За социалистическую науку», «Ленинградская правда» и др. Материалы печатной прессы дают возможность расширить угол зрения на вопросы организации науки на Кольском полуострове. Газеты местных СМИ за 1930-1940-е гг., содержащие статьи и заметки пропагандистского и научно-популярного характера как самих ученых, начиная с А.Е.Ферсмана, И.Г.Эйхфельда, Н.А.Аврорина и др., так и активистов-общественников, позволяют получить представление о проблемах предвоенного, военного и послевоенного состояния кольской науки со стороны общественности, дают почувствовать «дух времени» [Ферсман, 1940]. Используя эти источники, разумеется, нельзя забывать про их политическую направленность, имеющую характер социального заказа.

Из современных печатных СМИ интересующие нас материалы содержат газета «Мурманский вестник», а также специальные выпуски журналов, посвященные юбилейным датам. Так, спецвыпуск «Горного журнала» (2011), подготовленный по материалам Кировского историко-краеведческого музея с мемориалом С.М.Кирова и выставочным залом, целиком посвящен 80-летию города Кировска [Горный журнал, 2011]. Из периодических научно-популярных изданий наиболее информативен журнал «Тиетта» – международное периодическое издание Геологического института КНЦ РАН и Кольского отделения Российского минералогического общества, которое включает раздел по истории кольской науки и региона [Тиетта, 2007-2014]. «Тиетта», названная так в память о Хибинской горной станции Академии наук, помимо бумажного формата представлена в Интернете на сайте Геологического института, что позволяет пользоваться ее публикациями в свободном доступе.

В целом расширение базы опубликованных источников обусловлено возросшей возможностью доступа к оцифрованным библиотечным фондам и интернет-ресурсам.

Несколько иначе выглядит картина с поиском информации по теме в документальных фондах – как в государственных архивах региона, так и в системе архивов Академии наук. Несмотря на более свободный доступ в архивы с 1990-х гг. в связи с активным рассекречиванием партархивов и «ломкой» ведомственных барьеров, в целом получение архивной информации по-прежнему затруднено.

На начальном этапе разработки темы были исследованы фонды Научного архива КНЦ РАН (НА КНЦ РАН) и Архива Российской академии наук (РАН). Проведена ревизия архивных документов Научного архива Кольского научного центра РАН за 1920-2007 гг. в заданных хронологических рамках – с начального организационного периода Хибинской горной станции и 1950-е гг. – образования Кольского филиала АН СССР: Фонда № 1 Кольского научного центра Российской Академии наук за 1929-2007 гг.; Фонда № 2 Геологического института Кольского научного центра Российской Академии наук за 1952-2005 гг.; Фонда № 3 Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья Кольского научного центра Российской академии наук за 1952-1990 гг.; Фонда № 5 Полярно-альпийского ботанического сада-института Кольского научного центра Российской Академии наук за 1931-2005 гг.; Фонда № 6 Горного института Кольского научного центра Российской Академии наук за 1958-2001 гг., Фонда № 7 Полярного геофизического института Кольского научного центра Российской академии наук за 1953-1988 гг.; Фонда № 8 Мурманского морского биологического института Кольского научного

центра Российской академии наук за 1908, 1934-1970 гг. Это значительный информационный ресурс по истории науки в Евро-Арктическом регионе: от начального этапа научного изучения и развития Кольского Севера в 1920-х гг. и создания ХИГС, организации научных исследований в формате КБАН СССР в 1930-1941 гг. до 1949 г. – образования Кольского филиала [НА КНЦ РАН. Ф. 1-3, 5, 7-8. 1930-2002].

Архивные материалы включают и документы периода эвакуации Кольской базы АН СССР в г.Сыктывкар в 1941-1944 гг., когда она вошла в состав Северной базы по изучению Севера АН СССР с действующим Кировским стационаром в прифронтовой зоне Заполярья в г. Кировске. Исследование управленческой документации ХИГС – КБАН СССР за исследуемый период проводилось в соответствии с ее принятым распределением на организационно-распорядительную, научно-организационную и научную. Были изучены приказы, годовые отчеты, протоколы заседаний ученых советов и собраний научного коллектива ХИГС – КБАН, заседаний и общих собраний, материалы научно-исследовательских конференций и совещаний, деловая переписка по вопросам деятельности ХИГС – КБАН СССР, постановления и распоряжения Академии наук СССР, касающиеся организации научных исследований на Кольском полуострове, научные отчеты ученых по итоговым научно-исследовательским темам ХИГС – КБАН СССР за 1930-1950 гг., документы по личному составу ХИГС – КБАН СССР. Было выявлено, что начальный период деятельности ХИГС – КБАН СССР (до 1935 г.) представлен в фондах Научного архива КНЦ РАН не в полном объеме и, таким образом, не позволяет сформировать картину институционализации в динамике – от Хибинской горной станции до Кольского филиала. Это можно объяснить тем, что в начальный организационный период основная часть научного состава сотрудников ХИГС – КБАН работала по совместительству, имея основное место работы в учреждениях АН СССР в г. Ленинграде, а после переезда Академии наук в Москву (1934) – в столице. Кроме того, созданный в 1931 г. для управления деятельностью филиалов и баз Академии наук орган – Комитет (Совет) филиалов и баз Академии наук – всю управленческую документацию деятельности ХИГС – КБАН откладывал и формировал в делопроизводстве при АН СССР в течение 1931-1955 гг. Соответственно, следующим этапом исследовательской работы по теме стало выявление документов фонда Комитета (Совета) филиалов и баз Академии наук, находящегося в Архиве Академии наук (Москва) [АРАН. Ф. 188. 3776 ед.хр., 1931-1950].

Ознакомление с научно-справочным аппаратом фонда Совета (Комитета) филиалов и баз Академии наук № 188 за 1931-1955 гг. проводилось в несколько этапов в связи с территориальной отдаленностью Архива РАН от Кольского научного центра. Обзор имеющейся источниковой базы представлен нами в специальной обзорной статье [Макарова, 2013].

Возможности внедрения ИС АРАН в 2012–2014 гг. позволили более полно выявить новые документы по истории организации науки на Кольском Севере. Путем взаимодействия с Архивом РАН в интернет-ресурсах стала доступной база данных «Архив РАН», которая реализует все функции традиционной системы научно-справочного аппарата архива и предоставляет, по сравнению с традиционным НСА, более широкие возможности оперативного и многоаспектного поиска документов Архивного фонда РАН. Фонды АРАН содержат обширную базу информации о руководящих и научных работниках и документы научно-организационной деятельности ХИГС – КБАН СССР – КФАН СССР: полные списки сотрудников, личные дела ученых, приказы, планы, отчеты,

протоколы заседаний ученого совета КБАН – КФАН СССР, переписку по научно-организационным вопросам, материалы комиссий по обследованию КБАН, включая документы вышестоящих органов управления. Ознакомившись с НСА «Архив РАН» с описями, можно по наименованию и учетным данным заказать архивные дела в АРАН в установленном порядке и получить их в оцифрованном формате через Интернет.

Особый исследовательский интерес в работе над темой вызвали документы АРАН личного происхождения – руководящего состава и научных работников ХИГС – КБАН СССР. В процессе формирования источниковой базы были исследованы документы личного фонда академика Александра Евгеньевича Ферсмана за 1920-1947 гг. [АРАН. Ф. 544, 1896-1960] и личного фонда академика Дмитрия Степановича Белянкина, возглавлявшего Кольскую базу АН СССР в послевоенный восстановительный период 1948-1951 гг. [АРАН. Ф. 1733, 1876-1953]. Фонд академика А.Е.Ферсмана численностью 2389 ед. хр. за 1883-1963 гг. включает сведения по исследуемому периоду, скомплектованные в раздел фонда «Отдельные документы деятельности А.Е.Ферсмана». Особый раздел фонда составляют «Материалы к незаконченным и предполагаемым работам» и «Подбор материалов к предполагаемой работе «Хибины» – историко-географическая монография» в 24 папках, в которых собраны материалы многолетнего труда академика и его соратников на Кольском полуострове. Сюда вошли все собранные за многие годы А.Е.Ферсманом материалы по Хибинской тематике: вырезки из газет, карты и схемы, таблицы, переписка, рукописи статей А.Е.Ферсмана и других авторов по хибинской теме за 1825-1940-е гг. Из документов довоенного периода особый научный интерес представляет рукопись А.Е.Ферсмана «Общий анализ минерального сырья Хибин. Хозяйственные и технологические прогнозы» (1940), где изложены 12 пунктов «выгодности использования богатств Кольского полуострова». Среди документов фонда А.Е.Ферсмана интересен проект письма-обращения в адрес президента АН СССР академика В.Л.Комарова академиком А.Е.Ферсмана, Э.В.Брицке, С.В.Струмилина, Д.С.Белянкина, датированный ноябрем 1944 г., содержащий обсуждение задач восстановления и расширения промышленности страны в послевоенный период и обоснование необходимости возобновления «в измененном виде» работы СОПС для выполнения «разработки вопросов рационального использования минерально-сырьевых ресурсов СССР» [АРАН. Ф. 544. Оп. 1. Д. 69. Л. 1-7]. Фонд академика Д.С.Белянкина, включающий подлинные документы биографического характера, отражает события на протяжении его жизненного пути. По документам двух личных дел академика Д.С.Белянкина выявлены сведения о периоде его руководства в период восстановления Кольской базы в послевоенный период и преобразования ее в Кольский филиал АН СССР (1949) [АРАН. Ф. 411. Л. 1-161].

Исследование фондов Государственного областного казенного учреждения «Государственный архив Мурманской области» (ГАМО) в рамках темы позволило выявить и привлечь к работе рассекреченные в 1990-е гг. архивные материалы фондов бывшего партархива Мурманской области. Были исследованы документы 1920-1940-х гг.: протоколы заседаний СНК СССР об объединении научно-исследовательских учреждений и организаций в северных морях в г.Мурманске; заседания нефелино-апатитовой комиссии; доклады о разведработках и дорожном строительстве; отчеты о геодезических и разведработках в Хибинской тундре за 1929 г.; материалы о разведработках в Хибинских апатитовых месторождениях за 1930 г.; «Учетные карточки научных экспедиций по исследованию природных богатств Кольского полуострова за 1929 г.; материалы

маршрута Северной экскурсии XVII Международного Геологического конгресса за 1937 г. [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Ф. 162]. Изученные документы достаточно полно отражают исследуемый период, свидетельствуя о внимательном отношении партийных органов к решению исследовательских задач в освоении природных ресурсов края и высоком уровне политизированности науки.

Важным источником изучения истории науки в исследуемый период являются фонды Государственного архива в г.Кировске Мурманской области (КГАМО). В Государственном областном казенном учреждении «Государственный архив Мурманской области в г.Кировске» отложились редкие фотодокументы – фото академика А.Е.Ферсмана, зав. Мурманской биологической станцией К.А.Клюге, групповые снимки участников конференций 1930-1940-х гг., фотографии зданий ХИГС, КБАН, Ботсада, производственных строений, виды опытных участков, лабораторий, отдельных событий – обработанные и идентифицированные в соответствии с требованиями к учету архивных документов. В архиве хранятся подшивки центральных газет и журналов: «Правда» (1935, 1938-1945), «Известия» (1940-1945), «Труд» (1943-1946), «Комсомольская правда» (1944-1945), «Полярная правда» (1921-2000), «Комсомолец Заполярья» (1939-1941); «Карело-Мурманский край (1920-1930), «Исторический журнал» (1937-1941); «Труды Кольской базы им. С.М.Кирова» (1940), «Труды Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР» (Кольская серия, 1932-1933) [Фонд научно-справочной библиотеки КГАМО, 2001: 56,143].

Таким образом, ревизия источников по истории организации научных исследований Академии наук на Кольском Севере в 1920-1950 гг. показывает, что они представляют значительный невостребованный исследовательский потенциал для изучения истории институционализации кольской академической науки, который позволит выполнить историческую реконструкцию этого процесса и который, возможно, будет полезен для общества и в XXI столетии.

Список сокращений

РАН – Российская академия наук
АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
КФАН СССР – Кольский филиал Академии наук СССР
КНЦ – Кольский научный центр
ГИ КНЦ РАН – Геологический институт Российской академии наук
ЦГП – Центр гуманитарных проблем
ХИГС – Хибинская исследовательская горная станция
КБАН – Кольская база Академии наук
АРАН – Архив Российской академии наук
ГОКУ ГАМО – Государственное казенное учреждение
«Государственный архив Мурманской области»
ГОКУ КГАМО – Государственное казенное учреждение
«Государственный архив Мурманской области в г.Кировске»
НА КНЦ РАН – Научный архив КНЦ РАН
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков
НИР – научно-исследовательская работа
СМИ – Средства массовой информации

Архивные материалы

НА КНЦ РАН

Ф. 1. Оп. 3 – Планово-финансовые документы КБАН-КФАН КНЦ АН СССР за 1941-1945 гг.; Оп. 6 – Научно-организационные документы ХИГС-КБАН-КФАН СССР за 1930-1980 гг.; Оп. 16 – Документы по личному составу КФАН СССР; Оп. 18 – Личные дела сотрудников ХИГС-КБАН-КФАН СССР за 1930-1989 гг.

Ф. 2 – Геологический институт КФАН СССР за 1950-1955 гг. Оп. 9 – Управленческие документы за 1952-1980 гг.

Ф. 5 – Полярно-альпийский ботанический сад-институт КФАН СССР. Оп. 1 – Научные документы за 1931-1950 гг.

АРАН

Ф. 188 – Совет филиалов и баз АН СССР за 1931-1955 гг. Оп. 1, 2, 3, 9 – Научно-организационные документы и документы по личному составу филиалов и баз АН СССР, 1931-1950 гг.

Ф. 411. Оп. 3. Д. 171. Л.1-161 – Личное дело академика Д.С.Белянкина.

Ф. 544 – Личный фонд академика А.Е.Ферсмана за 1907-1945 гг.

Ф. 1733. Оп. 1. Д. 1-34 – Личный фонд академика Д.С.Белянкина за 1896-1960 гг.

ГОКУ ГАМО

Ф. П-112 – Кировский районный комитет КП РСФСР.

Ф. 162. Оп. 1 – Мурманский окружной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области, 01.08.1927-28.05.1938. Д. 145; Д.217; Д.219; Д.231; Д.1115.

Список литературы

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Т. 1. 1922-1952. М.: РОССПЭН, 2000.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – Политбюро ЦК КПСС: Бюро Президиума, Президиум, Секретариат ЦК КПСС. 1922-1991/1952-1958. М.: РОССПЭН, 2010.

Барабанов А.В., Калинина Т.А., Киселев А.А., Краснобаев А.И. Гигант в Хибинах. История акционерного общества «Апатит» (1929-1999). Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1999.

Батиева И.Д. Игорь Владимирович Бельков. Хроника жизни. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007.

Берлин В.Э. Первые экологи на Кольском полуострове // Мурман, Хибинь: До и после. Апатиты, 2002. С. 80-81.

Виноградов А.Н., Калинин В.Т., Петров В.П. Приоритетные задачи Кольского научного центра Российской академии наук по организации междисциплинарных комплексных исследований на современном этапе освоения Арктической зоны России // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. Вып. 4 (19). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН. С. 3-10.

Горный журнал. Спецвыпуск по материалам Кировского историко-краеведческого музея с мемориалом С.М.Кирова и выставочным залом «80 лет. Город Кировск – сердце Хибинских гор». М.: Руда и металлы, 2011.

Государственный архив Мурманской области и его филиал в городе Кировске. Краткий путеводитель. Т. 2. Мурманск: МГПИ, 2001.

Дюжилов С.А. Первые экономисты «Тьетты»: «непрочитанные» судьбы / IX Ушаковские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 2013. С. 139-143.

Иоффе А.Ф. Самое яркое впечатление всей моей жизни // Фронт науки и техники. 1934. № 12. С. 6.

Карасов А.В., Комков Г.Д., Кулаков А.А., Левшин Б.В. и др. 250 лет Академии наук СССР. Документы и материалы юбилейных торжеств. М.: Наука, 1977.

Киселев М.Ю. Источники по истории Мурманской области в информационной системе Архива Российской академии наук / IX Ушаковские чтения: сборник научных статей. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 237-240.

Макарова Е.И. Источники по истории становления и развития фундаментальных исследований Академии наук на Кольском Севере (1920-1940) // IX Ушаковские чтения: сборник научных статей. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 241-249.

Макарова Е.И., Петров В.П., Токарев А.Д. Академик А.Е.Ферсман в истории Мурманской области (1920-1945) // Материалы II областной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Мурманской области. Кировск, 2013. С. 30-38.

Материалы научно-практической конференции «Единство фронта и тыла в разгроме немецко-фашистских войск в Заполярье». 24 октября 2014 г. Кировск, 2014.

Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Кольский Север в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». 16-17 октября 2014 г. Мурманск, 2014.

Петров В.П., Макарова Е.И., Саморукова А.Г., Токарев А.Д., Усов А.Ф. Кольский научный центр. Летопись. 1930-2010. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011.

Тьетта. Международное периодическое издание ГИ КНЦ РАН и КО РМО. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007-2014. № 1-30.

Труды XI Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии. Апатиты, 7-8 апреля 2014 г. Апатиты: Изд-во К&М, 2014.

Труды X Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии «Геология и полезные ископаемые Кольского региона», посвященной 150-летию со дня рождения акад. В.И.Вернадского. Апатиты, 7-10 апреля 2013 г. Апатиты: Изд-во К&М, 2013.

Ученые Кольского научного центра (1930-2010). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2011.

Ферсман А.Е. Северная база металлургии // Известия. 10 августа 1940.

Ферсман А.Е. С.М.Киров и завоевание Севера // Фронт науки и техники. 1934. № 12. С. 7.

Ферсман А.Е. Успехи Хибин – дело Кирова // Ленинградская правда. 30 декабря 1934 г.

Халезова Е.Б. Хибин – сказочная страна моего детства // Среди минералов. М., 2001.

Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012.

Сведения об авторе

Макарова Елена Ивановна,

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом Кольского научного центра РАН

Makarova Elena Ivanovna,

Ph.D. (History), head of the Scientific Archive of the KSC RAS

УДК: 330.59–(571.56)

Н.К.Белишева, Р.Е.Михайлов, Ж.Э.Каспарьян, Д.А.Петрашова, А.А.Мартынова,
С.В.Пряничников, Т.С.Завадская, С.А.Соловьевская, В.В.Пожарская, О.Б.Цыпышева

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ОЦЕНКУ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА¹

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа влияния социально-экономических условий на оценку качества жизни представителей городского и сельского населения Кольского Севера. Для исследования были привлечены такие показатели, как давность проживания на Севере, гендерные и возрастные особенности, семейное положение, род деятельности, степень комфортности жилищных условий и др. Субъективным индикатором экономического положения служили ответы респондентов, характеризующие диапазон достатка. Качество жизни оценивали на основе средних по выборке значений индикаторов качества жизни по 5-балльной системе. Было выявлено, что социальная компонента имеет более важное значение для ощущения комфортности жизни для сельского населения, чем экономическая. В целом исследование показало, что диапазон оценок качества жизни как у сельских, так и городских респондентов, на основе использованных индикаторов, колеблется от плохих до удовлетворительных, ни разу не достигая значения «хороших». И только у сельских респондентов, проживающих в с.Краснощелье, средний балл степени удовлетворенности жизнью составил 3,5.

Ключевые слова:

социально-экономические условия, качество жизни, городское и сельское население, Кольский Север.

N.K.Belisheva, R.E.Mihaylov, J.E.Kasparyan, D.A.Petrashova, A.A.Martynova,
S.V.Pryanichnikov, T.S.Zavadskaya, S.A.Solovevskaya, V.V.Pozharskaya, O.B.Tsypysheva

THE INFLUENCE OF SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS IN ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE OF REPRESENTATIVES OF URBAN AND RURAL POPULATION THE KOLA NORTH

Abstract

The results of a comparative analysis of the impact of socio-economic conditions in the assessment of the quality of life of representatives of urban and rural population of the Kola Peninsula are presented in the article. Indicators such as remoteness of residence in the North of the gender and age characteristics, marital status, occupation, level of comfort living conditions and others were involved for the study. A range of incomes as the subjective indicator of the economic situation of the respondents' answers were used. Quality of life was evaluated on the basis of the average sample values of the indicators of quality of life on a 5-point scale. It has been shown that the social component is more important for a sense of comfort for the life of the rural population than economic. Overall, the study showed that the range of estimates of the quality of life in rural and urban respondents, based on the indicators used, varies from poor to satisfactory, never reaching a value of «good». And only in the rural respondents living in the village Krasnoshchelye, the average life satisfaction score was 3,5 points.

Keywords:

socio-economic conditions, quality of life, urban and rural population, the Kola North.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Мурманской области по теме «Влияние социально-экономических условий на оценку качества жизни представителей различных групп населения Кольского Севера», проект № 14-16-51003

Введение

В Докладе международной Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса, под руководством Нобелевских лауреатов Дж.Стиглица и А.Сена, обосновывается использование показателя *качества жизни* как основного критерия экономического развития общества [Stiglitz, Sen, Fitoussi, URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm>: 41, 143]. Этот доклад, адресованный, прежде всего, политическим лидерам, подчеркивает, что оценка ВВП недостаточна для характеристики экономической деятельности и социального прогресса, что смещение акцентов должно быть сделано на благополучие нынешних и будущих поколений, т.е. на расширение показателей социального прогресса. Кроме того, было отмечено, что принятые показатели оценки экономического и социального прогресса имеют определенные недостатки, и что политикам следует помнить, что надежная количественная информация «не растет на деревьях», а требует значительных инвестиций для развития статистических данных и показателей, которые обеспечат информацией, необходимой для принятия решений [Там же: 10].

Авторы доклада поясняют, что между статистическими измерениями социально-экономических явлений и восприятием тех же явлений отдельными гражданами и гражданским обществом могут быть существенные расхождения. Это может быть связано, в частности, с большим разрывом в распределении доходов. И тогда валовой внутренний продукт (ВВП), рассчитанный на душу населения, не будет отражать точную оценку ситуации, в которой находится большинство людей. При увеличении неравенства доходов, когда у одной категории граждан доход существенно увеличивается, средний доход и рост ВВП будут расти, в то время как у большинства людей экономическое положение может ухудшаться. Кроме того, статистические методы не могут охватить все явления, влияющие на благосостояние граждан. Например, пробки на дорогах могут увеличить ВВП вследствие повышенного расхода бензина, но не повысить качество жизни. Загрязнение окружающей среды также снижает качество жизни, но не отражается в статистических показателях. В докладе говорится, что статистические данные, в соответствии с тем как о них сообщают или как их используют, могут дать искаженное представление о трендах в экономических явлениях. Поэтому ВВП является недостаточным индикатором для оценки благополучия в экономических, экологических и социальных аспектах [Там же: 8].

Комиссия выразила надежду, что кризис дает очень важный урок: те, кто пытаются руководить экономикой и обществом, не имея объективной информации о социально-экономической ситуации, похожи на пилотов, пытающихся держать курс без надежного компаса. И решения, которые они принимают, «зависят от того, что мы измеряем, насколько хорошо мы измеряем и правильно ли понимаются результаты измерений» [Там же: 9]. Для многих целей необходимы улучшенные показатели. В частности, такими показателями являются индикаторы качества жизни [Там же: 41].

Качество жизни является более широким понятием, чем экономическая деятельность и уровень жизни. Это понятие используется в различных дисциплинах, включающих социологию, экономику, политику, медицину, и обозначает оценку некоторого набора условий и характеристик жизни человека, обычно основанную на его собственной степени удовлетворенности этими условиями и характеристиками. Оно включает также такие объективные и субъективные факторы, как состояние

здоровья, ожидаемая продолжительность жизни, условия окружающей среды, питание, бытовой комфорт, социальное окружение, удовлетворенность культурных и духовных потребностей, психологический комфорт и т.п. [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, URL: <http://www.ebk.net.ua/Book/Ses/>; Качество жизни, URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>].

По определению ВОЗ (1996) *качество жизни* — это восприятие индивидами их положения в жизни в контексте культуры и в системе ценностей, в которых они живут, в соответствии с целями, ожиданиями, нормами и заботами. Качество жизни определяется физическими, социальными и эмоциональными факторами жизни человека, имеющими для него важное значение и влияющими на него, или степенью комфортности человека как внутри себя, так и в рамках своего общества.

Согласно представлению ООН социальная категория качества жизни включает 12 параметров, из которых на первом месте стоит здоровье. Европейская экономическая комиссия систематизировала восемь групп социальных индикаторов качества жизни, при этом здоровье также поставлено на первое место. Следовательно, качество жизни, связанное со здоровьем, можно рассматривать как интегральную характеристику физического, психического и социального функционирования здорового и больного человека, основанную на его субъективном восприятии.

По мнению социологов Финансового университета при Правительстве РФ, высокое качество жизни человека подразумевает [Зубец, 2014; Зубец, Тарба, 2013]:

1. достаточную продолжительность здоровой жизни, поддержанную хорошим медицинским обслуживанием и безопасностью (отсутствием значимых угроз жизни и здоровью);
2. приемлемый объем потребления товаров и услуг, гарантированный доступ к материальным благам;
3. удовлетворительные социальные отношения, отсутствие серьезных общественных конфликтов и угроз достигнутому уровню благополучия;
4. благополучие семьи;
5. познание мира и развитие – доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям, формирующим личность и представления об окружающем мире;
6. учет мнения индивида при решении общественных проблем, участие в создании общепринятой картины мира и правил поведения человека;
7. социальную принадлежность, полноправное участие в общественной и культурной жизни во всех их формах;
8. доступ к разнообразной информации, включая сведения о положении дел в обществе;
9. комфортные условия труда, дающего простор для творчества и самореализации, относительно короткий рабочий день, оставляющий человеку достаточно свободного времени для различных занятий.

То есть показатель «качества жизни» включает в себя полный спектр факторов, которые влияют на то, что мы ценим в жизни.

Концептуальные подходы для измерения качества жизни в соответствии с мнением авторов Доклада [Stiglitz, Sen, Fitoussi, URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm>: 41] включают: *психологические исследования*, основанные на понятии субъективного благополучия, оценке того, что позволяет людям быть «счастливыми» и «удовлетворенными» своей жизнью, как универсальной цели человеческого существования; *понятие возможностей*, т.е. свободы выбора между существующими возможностями самореализации в обществе и своими предпочтениями; *понятие справедливости*, т. е. уважение обществом или социумом [Там же].

Субъективная оценка качества жизни дает важную информацию о детерминантах качества жизни на уровне отдельно взятого человека. Эти детерминанты включают в себя как общие характеристики среды, в которой живут люди, так и разнообразные варьирующие частные условия, которые могут иметь диаметрально противоположное ценностное значение для отдельных людей. Например, в наиболее развитых странах молодые и пожилые люди более высоко оценивают качество своей жизни, чем люди среднего возраста, хотя у последних уровень дохода намного выше, чем в первых группах [Там же: 10].

В докладе ВОЗ (1996) проводится различие между оценкой текущего благосостояния и оценкой устойчивого развития, которое отражает, насколько долго будет сохраняться благосостояние. Текущее благополучие связано как с экономическими ресурсами, такими как доход, так и с не-экономическими аспектами жизни людей (с тем, что они делают и что они могут сделать, как они себя чувствуют, с качеством природной среды, где они живут, и др.). Будет ли этот уровень благосостояния устойчивым в течение долгого времени, и что мы оставим в наследство будущим поколениям, зависит от ценностных детерминант в нашей текущей жизни, от того, как мы относимся к имеющемуся капиталу: природным ресурсам, физическому здоровью, человеческим и социальным отношениям.

В свете реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (РФ) и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Стратегия развития Арктической зоны..., URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-5752.html>: 64, 111-113], качество жизни населения в Арктике имеет решающее значение, поскольку от него зависит эффективное социально-экономическое развитие Арктического региона [Прохоров, 2004: 85; Здоровье как социально-экономическая категория, URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/proh04/gl_01; Самутин, URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/23992/>: 132]. С другой стороны, именно текущие социально-экономические условия определяют качество жизни населения и, следовательно, тренды развития, от которых будет зависеть степень реализации стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации.

Цель данного исследования состояла в изучении влияния социально-экономических условий на оценку качества жизни городского и сельского населения Кольского Севера. Данное исследование является особенно актуальным, поскольку сельское население представлено, в основном, коренными народами Севера, повышение качества жизни которых определено как приоритетное направление в стратегии развития Арктической зоны РФ. Выявление социальных и экономических компонент, влияющих на качество жизни населения Кольского Севера, будет способствовать разработке государственных программ, нацеленных на улучшение качества жизни населения Арктики и прогрессивное социально-экономическое развитие северных территорий РФ.

Материал и методы

Исследование проводилось в с. Краснощелье в Ловозерском районе Мурманской области, и в г. Апатиты, где респондентами являлись жители Апатитов: студенты, а также жители Мурманской области, отдыхающие в санатории «Изовела».

Село Краснощелье является уникальным поселением сельского типа, в котором проживают малочисленные коренные народы Кольского Севера – коми-ижемцы, саами, ненцы, традиционно занимающиеся оленеводством. Труднодоступность села, с которым сообщение возможно лишь воздушным транспортом, и отсутствие всесезонных дорог в другие населенные пункты Мурманской области дают уникальную возможность для изучения традиционного уклада жизни коренного населения Севера и субъективной оценки качества жизни жителями поселения.

В соответствии с демографическими данными 2013 г. в селе проживало 434 человека, из них 256 мужчин (59,0%) и 178 женщин (41,0%). В Мурманской области, напротив, численность мужчин в возрасте 18 лет и старше на 2012 г. составляла 46,9%, а женщин – 53,1%.

Основным предприятием в Краснощелье является сельскохозяйственный оленеводческий кооператив «Оленевод». Социально-экономические компоненты определяются материальными и финансовыми трудностями в связи с отдаленностью отделений кооператива, высокими транспортными затратами на перевозку продукции и других грузов.

Субъективная оценка социально-экономических показателей и качества жизни была получена в результате опроса населения с. Краснощелье Ловозерского муниципального образования Мурманской области (149 респондентов) и представителей населения Мурманской области (405 респондентов).

Для выявления субъективных составляющих качества жизни населения были использованы анкеты с системой показателей, рекомендованных в Руководстве по социальным индикаторам, разработанном комиссией при ООН [Handbook on Social Indicators, 1989: 3-4]. В нашем исследовании число вопросов было сокращено в целях удобства работы с респондентами, которые затруднялись либо отказывались (в силу дефицита времени) заполнять слишком длинный перечень вопросов. Тем не менее адаптированные анкеты позволили получить достаточно информативный материал, анализ которого показал различный вклад социальных и экономических компонент в субъективную оценку качества жизни у сельского и городского населения.

Согласно рекомендациям руководства по оценке качества жизни [Там же: 10] в анкете были учтены основные блоки социально-экономических индикаторов, предусмотрены вопросы для оценки деятельности властных структур, качества образования и медицинского обслуживания населения. Анкеты по «медицинскому блоку» были согласованы с формулировками анкет, используемых в целях мониторинга качества жизни в муниципальных образованиях Мурманской области, результаты которого представлены, например, в работе [Гушина, Положенцева, 2013: 96].

Все данные были статистически обработаны с использованием пакета программ «Статистика 10».

Результаты и обсуждение

Мурманская область расположена на Северо-Западе Европейской части России и объективно является одним из стратегических районов страны в составе Северо-Западного федерального округа.

Площадь области – 144,9 тыс. кв. км (0,85% площади Российской Федерации). Протяженность территории составляет 400 км с севера на юг и 550 км с запада на восток.

Плотность населения – 5,8 чел. на 1 кв. км (территория с низкой плотностью населения). Население Мурманской области проживает в 28 городских (16 городах и 12 поселках городского типа) и 112 сельских населенных пунктах.

Демографическая ситуация в Мурманской области характеризуется устойчивой тенденцией снижения численности населения.

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата) численность населения области на начало 2014 года составила 771,0 тыс. чел. (2011 – 794,1, 2012 – 787,9, 2013 – 780,4). Среди 10 регионов Северо-Западного федерального округа по численности населения Мурманская область занимает седьмое

место. Динамика сокращения численности населения за год составила 1,2% (9,4 тыс. чел.), за последние 3 года – 3% (23,1 тыс. чел.). Определяющим фактором сокращения численности населения в области остается нарастающая с каждым годом миграционная убыль, составившая в 2013 году 10017 чел. или 12,8 на 1000 населения (2012 год – 10,1, 2011 год – 7,7).

Мурманская область относится к наиболее урбанизированным регионам России. 92,7% населения (723,5 тыс. чел.) проживает в городской местности, 7,3% – в сельской (56,9 тыс. чел.).

На начало 2013 года численность населения трудоспособного возраста составила 495,8 тыс. чел. (63,5%), старше трудоспособного возраста – 152,4 тыс. чел. (19,5%). Доля детского населения (0-17 лет) в общей численности составляет 18,8% (146,6 тыс. чел.).

Коэффициент рождаемости по Мурманской области в 2013 году составил 11,8 на 1000 населения, что на 0,9% выше показателя 2012 года (11,7) и на 2,6% – показателя 2011 года, при этом на 11,3% ниже показателя за 2013 год по Российской Федерации (13,3), на 3,3% – по Северо-Западному федеральному округу (12,2) [Доклад о состоянии здоровья..., URL: minzdrav.gov-murman.ru/files/doclad.docx: 1-2].

Коэффициент смертности составил 11,0 на 1000 населения, что на 2,4% ниже показателя 2012 года (11,2), на 16,0% – показателя за 2013 год по Российской Федерации (13,1), на 18,5% – по Северо-Западному федеральному округу (13,5).

Естественный прирост населения – 0,8 на 1000 населения (2012 – 0,5), что в 4 раза превышает показатель по Российской Федерации (2013 – 0,2, 2012 – 0,0). По Северо-Западному федеральному округу естественный прирост остается отрицательным. Мурманская область расположена на Северо-Западе Европейской части России и объективно является одним из стратегических районов страны в составе Северо-Западного федерального округа [Там же: 1].

Прогрессивная миграционная убыль населения является настораживающим фактором, косвенно свидетельствующим, что качество жизни в Мурманской области не достаточно высокое с точки зрения мигрирующего населения. Этот факт поднимает степень актуальности исследований, ставящих своей задачей выяснение ценностных детерминант жизни населения в Мурманской области с целью снизить отток населения и изменить демографическую ситуацию в лучшую сторону.

Поскольку политическая ситуация в Европе и мире продемонстрировала ценности самодостаточного и автономного построения жизни государства, которому требуются не только природные ресурсы, но также и хорошо развитое сельское хозяйство, способное сделать государство независимым от импорта продуктов питания, следует особое внимание уделять анализу жизни сельского населения в Мурманской области и качеству их жизни.

Социальные показатели

Для выявления социальных особенностей жизни 2 когорт респондентов: сельского и городского населения были использованы такие индикаторы, как длительность проживания на Севере, гендерная и возрастная структура когорт опрашиваемых лиц, семейное положение, род деятельности, степень комфортности жилищных условий.

Давность проживания на Севере. Сравнение давности проживания респондентов на Севере в сельских и городских условиях показало, что 93,3% жителей села и 84% жителей города проживают на Севере свыше 10 лет. Поэтому можно считать, что по индикатору длительности проживания на Севере, группы сельских и городских респондентов сопоставимы между собой.

Гендерные и возрастные особенности. Сравнение гендерной структуры исследуемых когорт респондентов, проживающих в сельских (Краснощелье) и городских условиях (Апатиты, Мурманская обл.), показала, что среди сельских респондентов 29,3% и 69,3% составляют мужчины и женщины соответственно. Городские респонденты были представлены в 22,8% мужчинами и в 75,9% женщинами. То есть, при грубом сопоставлении, гендерная структура исследуемых когорт респондентов достаточно сходна.

Возрастная структура опрошенных жителей сельского и городского населения представлена в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Возрастная структура респондентов сельского и городского населения (%)

Возраст	с.Краснощелье (n=75)	Область (n=162)
Ответ не дан	2.67	0.00
18-29	12.00	22.22
30-39	9.33	58.02
40-49	10.67	1.23
50-59	49.33	3.09
60-69	12.00	4.32
старше 70	4.00	11.11

В таблице 1 можно видеть, что возрастная структура сельских и городских когорт респондентов существенно различается: в сельской когорте населения 49% опрошенных относилось к возрастной группе 50-59 лет, в то время как в городской группе 58% составляли люди 30-39 лет. Вероятно, на субъективную оценку качества жизни могут влиять возрастная структура когорт респондентов.

Поскольку качество жизни сельского населения, в частности, в с.Краснощелье как одном из самых многочисленных поселений сельского типа в Мурманской области, привлекает наше пристальное внимание в силу низких показателей уровня здоровья жителей села [Белишева и др., 2014: 30], мы более детально проанализировали полововозрастные данные по селу Краснощелье и Мурманской обл. (рис.1).

Оказалось, что в с.Краснощелье в возрастной группе 26-39 лет наблюдается выраженное снижение численности населения на 2013 год. Эта возрастная группа соответствует в 2010 году возрастной группе 23-36 лет, которая в Мурманской обл., напротив, является наиболее многочисленной. Можно полагать, что такое различие обусловлено оттоком населения в данной возрастной группе из Краснощелья в Мурманскую область из-за социально-экономических причин, побуждающих молодое население с.Краснощелье к поиску более высокого уровня качества жизни.

В целом в Краснощелье происходит существенное снижение доли детей (как и в Мурманской области) и увеличение доли пожилого населения с примерно равным соотношением мужчин и женщин (как и в Мурманской области). Следует также отметить «провалы» в численности населения определенных возрастных групп людей, рожденных в 1970-е и 1990-е годы. Судя по всему, причиной депрессии в численности этих возрастных групп являются социально-экономические условия, причем, различного характера. Так, в годы перестройки в силу крайне низкого уровня дохода населения резко снизилась рождаемость детей. В то время как снижение численности населения, рожденного в 1970-е годы, скорее всего, обусловлено миграцией этой возрастной группы, у которой, вероятно, возросли потребности в повышении качества жизни.

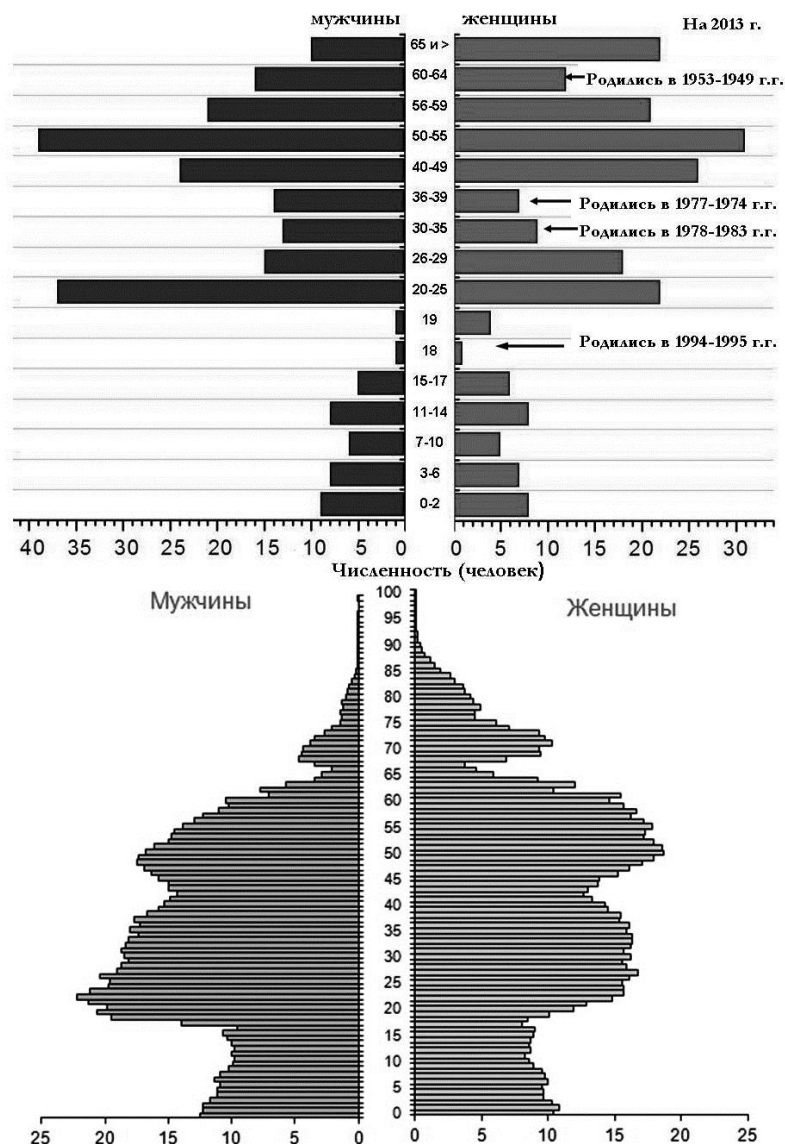

Рис.1. Половозрастная пирамида населения с. Краснощелье (2013 г.), слева, и Мурманской обл. (2010 г.), справа

Семейное положение. Сравнительная оценка семейного положения сельских и городских респондентов показала, что среди сельских жителей 65,3% состоят в браке против 25% городских респондентов, 12% сельских респондентов – в гражданском браке против 1,2% городских, 12% сельских против 66% городских респондентов являются одиночками. Причем среди сельских респондентов 56% проживают с мужьями или женами, 27% – с детьми, 9,7% живут самостоятельно против 29,7%, 19,5% и 27,4% городских респондентов соответственно. То есть семейное положение сельских жителей имеет существенное преимущество по сравнению с семейным положением городских жителей. Это преимущество проявляется в большем числе внутрисемейных связей и, следовательно, в большей степени социальной комфортности, обусловленной большей психологической защищенностью сельских жителей.

Род деятельности. Сравнение рода деятельности сельских и городских респондентов в приведены в таблице (табл.2). В таблице 2 видно, что сельские респонденты в доминирующем большинстве представляют образование и бюджетную сферу, так же как и городское население. Сферу торговли и бытового обслуживания как у сельских, так и у городских респондентов представляет около 5% опрашиваемых лиц.

Таблица 2

Распределение сельских и городских респондентов (%) в соответствии с различными видами деятельности

Вид деятельности	Краснощелье	Область
частное, акционерное предприятие	7.0	15.8
образование	25.6	42.1
бюджетная (кроме образов. и здравоох.)	30.26	21.1
работник сферы торговли и бытового обслуживания	4.66	5.3
военный, милиционер	0	0
учащийся, студент, аспирант	9.36	5.3
безработный, домохозяйка	4.66	5.3
Фермер	0	0
другое	18.66	5.3

Степень комфортности жилищных условий. Сравнение степени комфортности жилищных условий показало, что 72% респондентов с.Краснощелье проживают в частных домах, в то время как 91% городских респондентов проживает в отдельных квартирах со всеми удобствами. Причем 17,3% сельских жителей считают, что они живут очень комфортно по сравнению с 3% городских жителей, считающих свои условия жизни очень комфортными. 25% и 28% жителей села и города соответственно считают свои условия жизни скорее комфортными, чем некомфортными, 37,3% сельского и 48,2% городского населения полагают условия жизни среднекомфортными, и скорее некомфортными, чем комфортными условия жизни считают 6,7% сельских и 12,4% городских респондентов.

Жизненные условия очень некомфортными среди сельских респондентов считают 4%, а среди городских – 12,4%. То есть в 3 раза выше, чем на селе, несмотря на проживание преобладающего большинства городского населения в отдельных квартирах. На рисунке (рис.2) представлено распределение сельского и городского населения (% респондентов) по типам жилья с оценкой уровня комфортности проживания (в баллах по пятибалльной системе).

На рисунке 2 видно, что среди сельских респондентов проживание в отдельной квартире оценивается в среднем более низкими баллами (2,66), чем среди городских респондентов (3,11 баллов).

Рис.2. Распределение сельского и городского населения (%) по типам жилья с оценкой уровня комфортности проживания (в баллах по пятибалльной системе)

Экономические показатели

На рисунке (рис.3) показано распределение респондентов в с.Краснощелье и области по условному, субъективно оцениваемому экономическому положению. Субъективным индикатором экономического положения в данном случае является градация покупательной способности, отражающей, косвенным образом, уровень достатка.

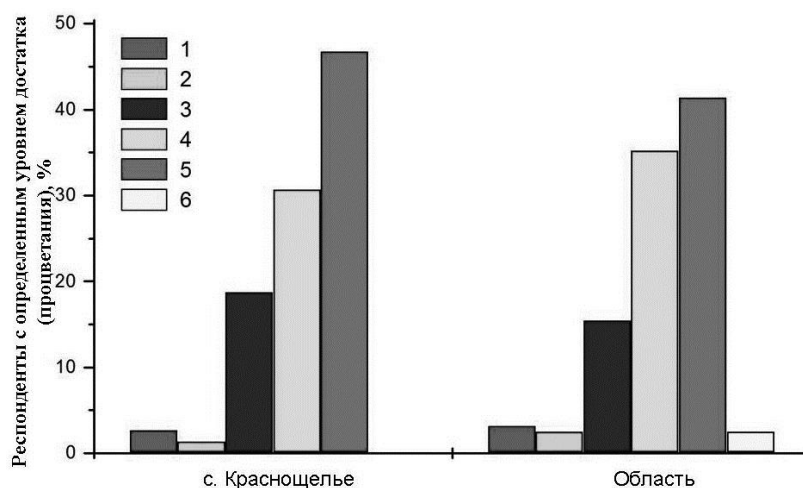

Рис.3. Распределение респондентов (%) в с.Краснощелье и области в соответствии с ответами на вопрос «Какое из следующих суждений наиболее точно подходит для Вас (Вашей семьи)»

1 – Ответ не дан; 2 – Не хватает денег даже на еду; 3 – На еду хватает, но покупка одежды вызывает затруднение; 4 – Доходов хватает только на еду и одежду, покупка вещей длительного пользования (телевизор, холодильник, мебель и т.п.) труднодоступна; 5 – Для нас приобретение вещей длительного пользования не проблема, а вот действительно дорогие вещи – машина, дача, сложны для приобретения; 6 – Мы в настоящий момент можем себе позволить приобрести все, что хочется.

Как видно из рисунка 3, как в Краснощелье, так и в области преобладающее большинство респондентов имеет средний уровень достатка в соответствии с характером ответа (5) на вопрос. То есть «приобретение вещей длительного пользования – не проблема, а вот действительно дорогие вещи – машина, дача сложны для приобретения». Причем в Краснощелье отсутствует категория лиц, которые в настоящий момент могут себе позволить приобрести все, что хочется (6 пункт ответа, рис.3).

Оценка среднего достатка респондентов по 5-балльной системе в различных возрастных группах в с. Краснощелье и в области приведена на рис.4.

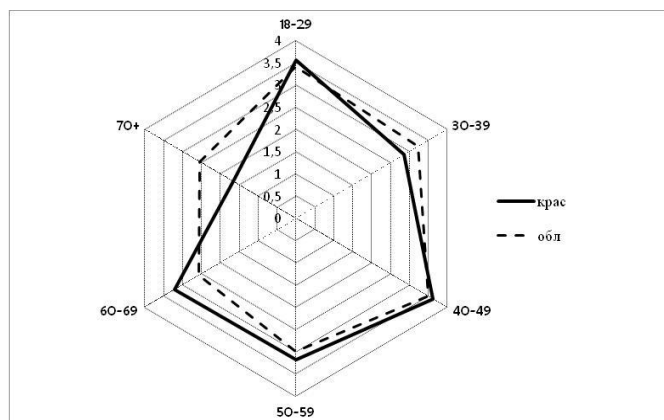

Рис.4. Сравнительная оценка среднего уровня достатка в различных возрастных группах в с. Краснощелье и в области

На рисунке 4 можно видеть, что средний уровень баллов удовлетворенности покупательными возможностями практически идентичен в возрастной группе 18-29 лет в с.Краснощелье и в области, так же как и в возрастной группе 40-49 лет. В возрастной группе 30-39 лет городские респонденты более удовлетворены своими покупательными возможностями, чем сельские, в возрастных группах 50-59 лет и 60-69 лет сельские респонденты более удовлетворены достатком, но в возрасте 70 лет и выше удовлетворение достатком резко снижается у сельских респондентов. То есть положение более пожилого населения села значительно хуже, чем городского.

Таким образом, в возрастных группах трудоспособного населения как в городе, так и на селе оценки уровня достатка в основном сопоставимы. То есть по формальным показателям экономические индикаторы мало различаются в группах сельских и городских респондентов.

Качество жизни

Индикаторы качества жизни. Индикаторы качества жизни и их оценка по 5-балльной системе респондентами с.Краснощелья и жителями Мурманской области приведены в таблице (табл.3).

Можно видеть (табл.3), что средние баллы индикаторов качества жизни у сельских респондентов выше, чем у городских. Так, качество медицинской помощи сельскими респондентами оценивается более высокими баллами, чем городскими: 2,5 против 1,91 баллов соответственно; качество общего образования детей (2,66 против 1,9 соответственно), качество дошкольного образования (2,9 против 1,86 соответственно), качество жилищных условий (2,79 против 1,97 соответственно), качество питания (3,37 против 2,05 соответственно), качество работы местного самоуправления (3,18 против 1,92 соответственно), степень удовлетворенностью жизнью (3,51 против 2,07,соответственно).

Таблица 3

Среднестатистические балы индикаторов жизни, оцененные по 5-балльной системе сельскими и городскими респондентами

	Индикаторы качества жизни	Краснощелье	Область
1.	Качество условий труда	2.57	1.95
2.	Качество медицинской помощи[1]	2.5	1.91
3.	Степень доступности мед. обслуживания[2]	2.11	1.86
4.	Качество общего образования детей	2.66	1.9
5.	Качество дополнит. образования детей	1.79	1.88
6.	Качество дошкольного образования детей	2.9	1.86
7.	Качество жилищных условий	2.79	1.97
8.	Качество жилищно-коммун. обслуживания	1.79	1.88
9.	Приемлемость цен на товары и услуги	1.97	1.88
10.	Качество торгового обслуживания	2.9	2.08
11.	Качество транспортного обслуживания	2.03	2.06
12.	Качество социального обслуживания	1.93	1.96
13.	Качество питания	3.37	2.05
14.	Качество работы органов местного самоуправ.	3.18	1.92
15.	Качество работы правоохранит. органов	1.84	1.93
16.	Качество экологической ситуации	2.76	1.91
17.	Степень безопасности (криминал)	2.97	1.84
18.	Качество культурных и досуговых мероприятий	2.64	2.11
19.	Степень удовлетворенности жизнью	3.51	2.07

На вопросы анкеты «считаете ли Вы, что за последний год стали жить хуже» 6,7% сельских и 23,5% городских респондентов ответили утвердительно, «на прежнем уровне» – ответили 54,8% и 55,6% сельских и городских респондентов соответственно, «гораздо лучше» – ответили 25,3% сельских и 12,4% городских респондентов. То есть сельские респонденты оценивают качество жизни выше, чем городские, отмечая позитивную динамику качества жизни.

Качество и доступность медицинского обслуживания. Наиболее значимыми показателем качества жизни, в соответствии с рекомендациями ООН и ВОЗ [Stiglitz, Sen, Fitoussi, URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm>: 41; Handbook on Social Indicators, 1989: 5], считается здоровье населения, которое в значительной мере зависит от качества медицинского обслуживания. В нашей работе были проведены сравнительные оценки качества медицинского обслуживания сельскими и городскими респондентами (табл.4). Объективная оценка здоровья населения в с.Краснощелье выявила снижение уровня здоровья у мужчин и женщин, причем темпы снижения здоровья у мужчин были выше, чем у женщин, и свидетельствовали об ускорении процессов старения [Белишева и др., 2014: 23].

В таблице 4 можно видеть, что ведущими показателями в оценке качества медицинского обслуживания для сельских респондентов является плохое качество медицинского оборудования и лекарственных средств (как считает 28% респондентов), в то время как для городских – плохая организация работы медицинских учреждений (очереди, невозможность попасть на прием в удобное время, опоздания специалистов и т.д.) (по мнению 39,1% респондентов).

Таблица 4

Оценка качества медицинского обслуживания
сельскими и городскими респондентами (%)

Если Вы в чем-то не удовлетворены качеством мед обслуживания, то с чем это связано? (Можно выбрать несколько вариантов ответа)	Краснощелье n=98	Область n=312
Ответ не дан	20.41	1.92
Плохая организация работы мед. учреждений (очереди, невозможность попасть на прием в удобное время, опоздания специалистов и т.д.)	17.35	39.10
Низкая квалификация, некомпетентность специалистов	17.35	18.59
Хамство, невнимательное отношение медработников к пациентам	8.16	15.06
Плохое качество медицинского оборудования и лекарственных средств	27.55	16.67
Другое	9.18	8.65

В таблице 5 представлены результаты опроса сельских и городских респондентов относительно доступности медицинского обслуживания. Оказалось, что как сельские респонденты, так и городские испытывают недостаток специалистов необходимого профиля (20,81% и 26,17% соответственно), а жители с.Краснощелья – также проблемы, связанные с удаленностью медицинского учреждения от места проживания (30,2% респондентов). Кроме того, как сельские, так и городские респонденты ощущают недостаток специалистов необходимой квалификации (14,09%) и 16,54% соответственно), отсутствие (недостаток) необходимых медикаментов (10,74% и 7,16% соответственно), необходимость оплачивать услуги медучреждений, которые должны предоставляться бесплатно (6,04% и 12,84% соответственно), недостаток информации о работе специалистов о том, к кому можно обратиться в случае тех или иных заболеваний (6,04% и 12,59% соответственно).

Таблица 5

Оценка доступности медицинского обслуживания
для сельских и городских респондентов (% ответивших)

Если Вы в чем-то не удовлетворены степенью доступности мед. обслуживания, то с чем это связано? (Можно выбрать несколько вариантов ответа)	Краснощелье n=149	Область n=405
Ответ не дан	6.71	1.73
Отсутствие (недостаток) специалистов необходимого профиля	20.81	26.17
Отсутствие (недостаток) специалистов необходимой квалификации	14.09	16.54
Отсутствие (недостаток) необходимых медикаментов	10.74	7.16
Удаленность медицинского учреждения от места проживания	30.20	11.36
Необходимость оплачивать услуги мед. учреждений которые должны предоставляться бесплатно	6.04	12.84
Отсутствие (недостаток) средств на лечение, покупку лекарственных средств	4.03	7.90
Недостаток информации о работе специалистов, о том, к кому можно обратиться в случае тех или иных заболеваний	6.04	12.59
Другое	1.34	3.70

Таким образом, для сельских респондентов ведущими индикаторами, лимитирующими хорошее качество медицинского обслуживания, является плохое качество медицинского оборудования и лекарственных средств, а для городских респондентов – плохая организация работы медучреждений (очереди, невозможность попасть на прием в удобное время, опоздания специалистов и т.д.). В оценке доступности медицинского обслуживания для сельских респондентов негативное отношение вызывает удаленность медицинского учреждения от места проживания, отсутствие (недостаток) специалистов необходимого профиля, а также отсутствие (недостаток) специалистов необходимой квалификации; для городских респондентов ведущими индикаторами степени доступности медицинского обслуживания являются отсутствие (недостаток) специалистов необходимого профиля, а также отсутствие (недостаток) специалистов необходимой квалификации.

Оценка деятельности власти. Эффективность деятельности власти входит в один из слагающих показателей благосостояния [Handbook on Social Indicators, 1989: 3]. В таблице 6 приведены средние баллы эффективности работы власти, оцененные по 5-балльной шкале. В таблице можно видеть, что как у сельских, так и у городских респондентов средние баллы оценки власти не достигают значения 3-х баллов, то есть колеблются между удовлетворительной и неудовлетворительной оценкой, причем у городских респондентов преобладают оценки между неудовлетворительной и плохой.

Таблица 6

Оценка деятельности власти, оцененной по 5-балльной системе
сельскими и городскими респондентами

	Проблемы по сферам деятельности	Краснощелье	Область
1	жилищно-коммунальная сфера	2.07	1.91
2	Торговое обслуживание	2.82	2.1
3	Здравоохранение	2.03	1.97
4	Образование	2.63	2.04
5	Охрана общественного порядка	2.11	1.95
6	Занятость и материальное благополучие	2.39	1.87
7	Связь и коммуникации	2.58	2.09
8	Охрана окружающей среды	2.34	1.93
9	Социальное обеспечение	2.41	1.97
10	Юридическое обеспечение прав граждан	1.61	1.88

Интегральным показателем степени неудовлетворенности качеством жизни является желание сменить место жительства. Этот вопрос особенно остро касается Мурманской области, где миграционные процессы имеют негативный характер [Доклад о состоянии здоровья., URL: minzdrav.gov-murman.ru/files/doclad.docx: 1]. Сравнительная оценка степени выраженности желания поменять место жительства оказалось у городского населения выше, чем у сельского. На рисунке 5 показано распределение респондентов (%) с разной степенью готовности уехать из Мурманской области.

Оказалось, что более 70% респондентов с.Краснощелье не имеет желания уехать в другой регион, в то время как всего лишь около 30% городского населения области не имеют желания уехать. Такие результаты свидетельствуют о том, что отток населения из Мурманской области будет продолжаться еще неопределенное время. В чем же причина такого желания? Имеет она социально-экономическую обусловленность или физиологическую, связанную

с потребностью сменить дискомфортные климатогеографические условия проживания на более комфортные условия жизни. Нельзя ли за счет социально-экономических преобразований замедлить отток или даже, напротив, привлечь трудоспособное население в Мурманскую область? Ответ на этот вопрос требует дальнейших исследований.

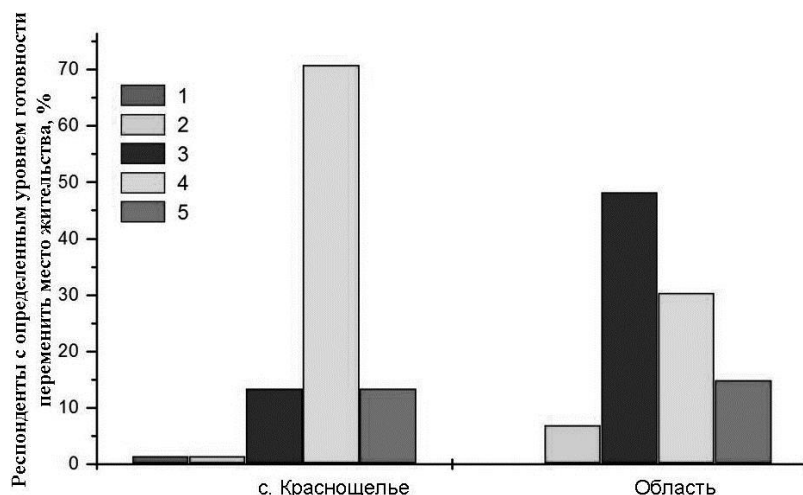

Рис.5. Распределение ответов на вопрос «Не возникало ли у Вас или у Ваших близких в последнее время желания переехать на постоянное место жительства в другой регион?» у населения с. Краснощелье и в Мурманской области:

1 – Ответ не дан; 2 – Да, мы собираемся уехать в ближайшее время; 3 – Такой вариант рассматривается; 4 – Такого желания нет; 5 – Затрудняюсь ответить

Однако уже можно сказать, что социальная компонента жизни, связанная с микросоциальным окружением, обусловленным родственными связями, имеет существенное значение для ощущения комфортности жизни и качества жизни. Исследование, основанное на анализе влияния социально-экономических условий на субъективную оценку качества жизни, показывает, что для сельского населения социальная компонента играет более значимую роль в ощущении комфортности жизни, чем экономическая.

Возможно, при усилении роли социальной компоненты в жизни городского населения – укрепления семейных и дружественных связей, возможности свободы выбора профессиональных предпочтений, творческой атмосферы профессиональной деятельности, повышения роли населения в принятии государственных решений – экономическая детерминанта жизни и дискомфортные климатогеографические условия не будут побуждать жителей Севера менять место проживания и способствовать оттоку населения из Арктического региона.

В целом же в нашем исследовании показано, что диапазон оценок качества жизни на основе использованных индикаторов колеблется от плохих до удовлетворительных, ни разу не достигая значения «хороших» как у сельских, так и у городских респондентов. И только у сельских респондентов, проживающих в с.Краснощелье, средний балл степени удовлетворенности жизнью составил 3,5 балла – рекордно высокий балл из всех суммарных баллов индикаторов качества жизни.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что оценка качества жизни населения Кольского полуострова ставит острые проблемы перед Администрацией Мурманской области, Министерством здравоохранения и образования и другими структурами власти, призванными не только обеспечивать жизнеспособность населения, но также повышать качество жизни сельского и городского населения.

Наше исследование имеет незаконченный характер, требующий дополнительного изучения качества жизни различных социальных и профессиональных групп населения Кольского Севера для получения объективной картины качества жизни населения в Арктическом регионе. Такое исследование призвано получить необходимую информацию, которая будет служить ориентиром для принятия грамотных социально-экономических и организационных решений, имеющих далеко идущие социальные, экономические и медико-биологические последствия. Так, последняя реформа в сфере медицинского обслуживания населения не только вызвала негативные реакции со стороны медицинского персонала, у которого снизилось качество жизни, но также ударила, прежде всего, по здоровью населения, которое оказалось в ситуациях, не позволяющих получать квалифицированную и своевременную медицинскую помощь.

Учитывая особенности Кольского полуострова, степень удаленности сельских поселений от центральных районов, где можно получить квалифицированную помощь, следует разработать отдельную социально-экономическую программу, нацеленную на повышение качества жизни сельского и городского населения, способствующую экономической деятельности, социальному прогрессу и снижению оттока населения из стратегически важного района страны в составе Северо-Западного федерального округа.

Благодарности

Авторы статьи выражают сердечную благодарность главе Администрации с.Краснощелье Юлии Петровне Артиевой за всемерное содействие в проведении социально-экономических и медико-биологических исследований в с.Краснощелье, душевную признательность Вере Петровне Корниловой и Алексею Васильевичу Терентьеву за неформальный высокий уровень жизнеобеспечения нашей экспедиции в с.Краснощелье. Авторы восхищаются самоотверженным трудом педагогов средней образовательной школы, воспитателей в детском саду, медицинских работников, оленеводов, а также старожилками с.Краснощелье и всеми замечательными жителями села – создавшими Оазис Жизни среди бесплодных и суровых просторов Кольского Севера.

Список литературы

Белишева Н.К., Мартынова А.А., Пряничников С.А., Соловьевская Н.Л., Завадская Т.С., Михайлов Р.Е., Петрашова Д.А., Пожарская В.В., Каспарян Ж.Э., Муравьев С.В. Функциональное состояние организма различных возрастных групп населения села Краснощелье как индикатор здоровья в комплексной оценке качества жизни // Вестник Кольского научного центра РАН. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. № 2. С. 19-33.

Гущина И.А., Положенцева О.А. Некоторые аспекты социальной жизни в оценках и представлениях жителей российской Арктики (по материалам социологических опросов населения Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2013. № 6. С. 94-99.

Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения в Мурманской области по итогам деятельности за 2013 год. URL: minzdrav.gov-murman.ru/files/doclad.docx.

Здоровье как социально-экономическая категория. URL: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/proh04/g1_01.

Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. М.: Изд-во «Экономика», 2014. 463 с.

Зубец А.Н., Тарба И.В. Качество жизни в России // Финансы. 2013. № 12. С. 68-70.

Качество жизни // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. [Электронный документ]. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>.

Прохоров Б.Б. Показатели качества общественного здоровья как индикаторы устойчивого развития // Устойчивое развитие: ресурсы России. М.: Издательский центр РХТУ, 2004. С. 80-104.

Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Качество жизни // Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. [Электронный документ]. URL: <http://www.ebk.net.ua/Book/Ses/>.

Самутин К.А. Здоровье населения как составной элемент экономической политики государства // Российское предпринимательство. 2012. № 11 (209). С. 131-136. [Электронный документ]. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/23992/>.

Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. [Электронный документ]. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-5752.html>.

Handbook on Social Indicators // Studies in Methods. United Nations Publications. New York, 1989. Series F. № 49. 155 p.

Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. [Электронный документ]. URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/en/index.htm>.

Сведения об авторах

Белишева Н.К., Михайлов Р.Е., Петрашова Д.А., Мартынова А.А., Пряничников С.В., Завадская Т.С., Соловьевская С.А., Пожарская В.В.,
Научный отдел медико-биологических проблем адаптации человека в Арктике КНЦ РАН

Каспарьян Жанна Эдуардовна,
к.э.н., научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Цыпышева О.Б.,
ГБОУЗ «Ловозерская центральная районная больница»

**Belisheva N.K., Mihaylov R.E., Petrashova D.A., Martynova A.A., Pryanichnikov S.V.,
Zavadskaya T.S., Solovevskaya S.A., Pozharskaya V.V.,**
Scientific Department of Biomedical Problems of Human Adaptation in the Arctic

Kasparyan Zhanna Eduardovna,
PhD (Economy), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre RAS

Tsyypsheva O.B.,
Central District Hospital Lovozero

УДК-057.87:324

И.В.Вицентий

СООТНОШЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И УСТАНОВОК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация

Статья посвящена вопросам политической толерантности студентов. Описаны теоретико-методологические и эмпирические основания изучения политической толерантности. Приводятся результаты эмпирического исследования студенчества Мурманской обл. Политическая толерантность изучается через научные категории «Ценность» и «Установка». Формулируются выводы об уровне политической толерантности студентов, о характере связи между ценностями и установками политической толерантности.

Ключевые слова:

ценности, установки, политическая толерантность, политика, политическая партия, политическая идентичность.

I.V.Vicentiy

THE RATIO OF VALUES AND ATTITUDES OF STUDENTS POLITICAL TOLERANCE

Abstract

The article is devoted to questions of political tolerance of students. The theoretical and methodological and empirical basis of the political tolerance study are described. The results of empirical study of students of the Murmansk region are presented. Political tolerance learn through the categories «value» and «social attitude». Draw conclusions about the level of political tolerance of students and about the nature of the relationship between values and attitudes of political tolerance.

Key words:

values, guidelines, political tolerance, policy, political party, political identity.

Вопросы межгрупповых отношений и взаимоидентификаций тесным образом связаны с показателями стабильности, интегрированности и солидарности в обществе. Мониторинг показателей социально-политической стабильности может вестись по разным критериям, однако пристальное внимание исследователей уделяется лишь некоторым аспектам по линии этнокультурных, межнациональных взаимоотношений, включая миграционные процессы. Так, мониторинги российских центров изучения общественного мнения (Левада-центра, ВЦИОМ и др.) на постоянной основе включают вопросы об отношении россиян к этническим группам, мигрантам, и результаты не кажутся оптимистичными. Они свидетельствуют если не об открытых конфликтах и столкновениях на этнокультурной почве, то о существующих напряженности, интолерантности и негативном отношении к тем или иным группам практически половины россиян. Современные исследования социальной идентификации россиян показывают, что социально-политические идентичности выражены слабо, в отличие от родственных идентичностей, но при этом дифференцированы так называемые «чужие», среди которых прежде всего политики и представители власти, люди другой национальности, национальные и этнические меньшинства (чеченцы, армяне, грузины, латыши, литовцы),

граждане других стран (американцы, Запад вообще), переселенцы, религиозные общности (например, мусульмане). Следует подчеркнуть, что и сама плоскость политического в общем и целом является для современного россиянина «чужой» сферой, от которой он дистанцируется [Климова, 2002: 85; Россияне и поляки, 2006: 58]. Сегодня исследовательская ситуация такова, что на постоянной основе либо проводятся обобщенные мониторинги политической активности россиян, либо изучаются отдельные аспекты межгрупповых отношений, и прежде всего это вопросы межэтнического взаимодействия. Наблюдается недостаток детальных качественных и мониторинговых количественных исследований социальных групп дифференцированно с позиций рассмотрения их в качестве политической силы, оценки их политического потенциала.

В статье представлены результаты исследования специфической социальной группы студенчества на примере Мурманской обл. Предметом изучения явились вопросы политической толерантности студентов, а цель состояла в том, чтобы определить ее региональные (Мурманская область) и субкультурные (студенчество) особенности. Таким образом, исследовательский интерес был сосредоточен на нескольких вопросах. Предполагалось установить, являются ли принципы политической толерантности значимыми для студентов, как они реализуются на уровне их политических установок.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу изучения политической толерантности студентов составили несколько концепций. В интерпретации понятия толерантность мы следовали либеральной парадигме, связанной с именами Дж.Локка, И.Канта, Дж.Ст.Милля, в соответствии с которой в качестве границ толерантного поведения устанавливаются нормы права [Ильинская, 2007: 17-30]. Политическая толерантность в работе понималась как уважение политического оппонента, признание права на существование различных политических сил, взглядов. Одной из ключевых стала идея К.Шмитта в рамках конфликтного направления в политологии и политической социологии и его методологический принцип «друг – враг» при рассмотрении сущности политики. Шмитт считал, что любой тип социального может трансформироваться в политическое в случае, если выходит на уровень властных отношений. Само понятие толерантности описывает плоскость взаимоотношений социальных групп, поэтому распространение социального конфликта за пределы приватной сферы на уровень властных отношений придает ему политический характер. Исследовательский интерес представлял вопрос о том, насколько актуализируются ценности и установки политической толерантности в обществе в условиях политической конкуренции. Политика сама по себе – сфера повышенной конкуренции, поскольку она связана с борьбой за политическую власть и влияние (теория политической толерантности М.Уолцера и идея о конкуренции и борьбе как атрибутивных признаках политической сферы) [Schmitt, 1931: 72; Уолцер, 2000: 12]. Избирательный процесс еще более актуализирует эту конкуренцию и «Политического другого», поскольку само пространство выборов и означает конкуренцию между «политическими врагами» (терминология К.Шмитта). В исследовании в качестве «политического другого» выступили политические партии, поэтому рамки эмпирического исследования ограничены одним видом политической толерантности – партийной толерантностью. Политическую партию в данной работе мы рассматривали как институционализированную социальную группу, вышедшую на уровень властных отношений с целью артикуляции интересов группы и достижения власти.

С позиций социологического подхода понятия толерантность и интолерантность описывают возможные формы социального действия в отношении «Другого». При таком подходе интерес составляет рациональная деятельность индивидов и ее мотивационные основания. Опираясь на философские теории, можно перейти к социологическому рассмотрению толерантности как специфической социальной ценности, воплощающейся при определенных условиях в специфические модели социальных взаимодействий индивидов и групп индивидов [Елисеев, Устинова, 2010: 45-47; Eliseev, Ustinova, 2011]. Изучение толерантности концентрируется на процессах коммуникации индивидов в контексте «мы – чужие», поэтому важно ответить на вопросы о том, как происходят процессы социальной категоризации «мы – они» и что лежит в их основе, какими характеристиками маркируется группа «своих» и группа «чужих» (в соответствии с теорией социальной категоризации и идентификации, разработавшейся Дж.Тернером, Р.Браун, Х.Джилс, М.Биллинг, Г.Тэджфел). При таком подходе для описания проблем толерантности в процессе межличностного взаимодействия приемлема интерпретативная парадигма в социологии или микросоциология. При социологическом рассмотрении социальных взаимодействий в контексте толерантности важно ответить на следующие вопросы:

- кто является субъектом социального действия (в качестве которого могут выступать как отдельный индивид, так и их группа);
- кто является объектом социального действия (это индивиды, их объединения, но, что важно, дифференцированного в категорию «Другой», «Чужой» субъектом социального действия);
- что выступает предметом социального действия (это некий значимый признак, по которому существует вероятность дискриминации субъектом объекта: чаще всего в качестве таковых выступают культурные отличия – верования, образ жизни, система ценностей и др.);
- какие эмпирические показатели толерантности и интолерантности?

Нами использовались также положения концепции политической культуры Г.Алмонда и С.Вербы, в частности, интерпретация политической культуры как совокупности индивидуальных позиций и ориентаций участников данной политической системы, субъективной сферы, образующей основание политических действий и придающей им значение.

В исследовании политическая толерантность рассматривалась, с одной стороны, как ценность, а с другой – как поведенческая установка. Таким образом, предполагалось выявить, являются ли принципы политической толерантности значимыми для студентов и как они реализуются на уровне их политических установок. Теоретико-методологическую основу исследования ценностей и установок составила теория социальной установки, связанная с именами У.И.Томаса, Ф.Знаецкого, Р.Лайкерта, Л.Терстоуна, В.Парка, Г.Олпорта, Р.Лапьера, В.А.Ядова и ряда других авторов, а также их идея о вербальной представленности аттитюда.

Эмпирическая основа исследования

В статье представлена часть результатов, полученных в ходе эмпирического социологического исследования на тему «Ценности и установки политической толерантности в политической субкультуре студентов Мурманской обл.». При знакомстве с результатами исследования необходимо учитывать контекст конкретных событий, которые сопутствовали опросу, оказали на него существенное влияние и были специально учтены исследователем. Основной сбор первичных социологических данных целенаправленно был осуществлен в декабре 2011 г.,

что было обусловлено исследовательской стратегией. Так, особенностью полевого периода явилось то, что, во-первых, это время замены одного электорального цикла на другой (время переизбрания федеральных властей), во-вторых – это промежуток между двумя выборами федерального значения – Думскими и Президентскими. Как показывает современная политическая практика, промежуток между электоральными циклами в России характеризуется тем, что происходит гражданская политическая мобилизация, в отличие от более спокойного времени внутри текущего электорального цикла. Таким образом, российские выборы 2011-2012 гг. вылились в появление так называемого протестного движения 2011-2013 гг., в которое оказалась вовлечена часть населения [Политика аполитичных, 2014: 5]. Исследовательские стратегию и интерес составил вопрос о том, насколько актуализируются ценности и установки политической толерантности в российском обществе в условиях политической конкуренции. Наше исследование было ориентировано на отдельный сегмент электората, представленный студенчеством Мурманской обл. Эта группа является интересным объектом исследования, поскольку ей свойственна некоторая специфика, заданная, прежде всего, возрастными, профессиональными, а также региональными особенностями [Павловский, 2001: 211].

В процессе анкетирования по месту проведения академических занятий были опрошены студенты очного отделения Кольского филиала Петрозаводского государственного университета (КФ ПетрГУ) г. Апатиты Мурманской обл. КФ ПетрГУ – один из трех самых крупных по численности ВУЗов Мурманской обл. и единственный в области государственный университет широкого профиля. В структуре студенчества КФ ПетрГУ представлены специальности естественно-технического и общественно-гуманитарного профиля, очного и заочного отделения, контингент студенчества охватывает жителей Мурманской обл. Генеральная совокупность на момент исследования составляла 846 единиц. Среди контингента опрошенных представлены обучающиеся как на факультетах общественно-гуманитарного, так и естественно-научного профиля с 3 по 5 курс, то есть старшекурсники, которые, как показало предыдущее исследование, имеют опыт политического участия, в отличие от младшекурсников. Основу исследования составила случайная выборка (бесповторный отбор), где объем выборочной совокупности составил 421 единицу наблюдения. Ошибка репрезентативности была рассчитана по формуле для случайного отбора и составила $\pm 5\%$ при коэффициенте доверия равном 3 ($P(t)=0,997$).

В исследовании измерению подлежали такие социальные характеристики, как ценности политической толерантности и установки политической толерантности, а также партийная идентичность (поддержка партии и тип партийной поддержки). Специально в целях исследования были сконструированы и проверены на валидность шкалы, позволяющие измерить выраженность ценностей и установок политической толерантности у студентов. Основу их составила методика Р.Лайкерта (шкала суммарных оценок), достоинством которой среди прочих является то, что она позволяет выявить степень значимости для респондента того или иного предмета или явления. Методика представляла собой совокупность суждений и пятичленных шкал, с помощью которых респондентам необходимо было выразить степень своего согласия. В качестве эмпирических индикаторов ценностей политической толерантности, положенных в основу методики, выступили следующие: значимость для респондента многопартийной системы, конкуренции политических партий, принципа парламентаризма и политического плюрализма. Ценности политической интолерантности в методике фиксировались с помощью таких эмпирических индикаторов, как предпочтение однопартийной системы, политическое идейное однообразие, пренебрежение мнением политического

меньшинства и т.п. В исследовании установок политической толерантности в отношении конкретных российских политических партий использовался позиционный подход, поэтому в качестве объекта установки выступили политические партии, имеющие такой статус формально, то есть официально зарегистрированные на момент социологического опроса [Vicentiy, 2014: 78]. На момент исследования партийную систему составляли 7 политических партий, среди которых 4 имели статус правящих («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия») и 3 – статус непарламентских («Яблоко», «Патриоты России», «Правое дело»). В качестве эмпирических индикаторов политической интолерантности на уровне установки выступили оценки респондентов, описывающие взгляды партий как ошибочные, опасные, а также нежелание понять их точку зрения и идеи. Эмпирические индикаторы интолерантности к политическим партиям содержали понятия, описывающие негативные эмоции респондентов в отношении идей, деятельности политических партий, например, неприязнь, чувство неуважения, отсутствие значимости для респондента партийного плюрализма, ориентация на однопартийную систему и оценка некоторых партий как неважных. Это стремление ликвидировать некоторые политические партии, отказ предоставлять им квотные места в парламенте, готовность отказать им в избирательном праве. Таким образом, было сконструировано 8 суждений, позволяющих выявить значение принципов политической толерантности для респондентов, и 18 суждений, позволяющих измерить политическую толерантность на уровне политической установки. Методика позволила вычислить социологические индексы политической толерантности в качестве ценности и в качестве установки, произвести их сравнение, а также изучить влияние на них некоторых факторов объективного и субъективного характера, запланированных в исследовании. Статистический анализ полученных первичных эмпирических данных осуществлялся в программной среде SPSS Base 14.0. Среди методов анализа первичных данных для целей данной работы использовались статистические методы описательного анализа – частотный анализ, среднее арифметическое. В работе мы остановились на решении следующих исследовательских задач:

1. выявить партийные идентификации и предпочтения студенчества: какая (или какие) партийная организация выражает интересы студентов, какая партия для них «своя» и какая – «чужая»;
2. выявить показатели партийной толерантности студентов как частного проявления политической толерантности;
3. определить уровень политической толерантности студентов в качестве ценности;
4. определить уровень политической толерантности в качестве социальной установки.

Партийные предпочтения и партийная самоидентификация

Политические партии и многопартийность – это те политические инструменты, которые, наряду с некоторыми другими, позволяют индивидам, рядовым гражданам выходить на уровень властных отношений, участвовать в системе политических взаимодействий в качестве субъекта политики. Тем самым политическую партию следует рассматривать как результат политической идентификации индивидов и институционализации социальных интересов, организованное существование социальной группы, как институт политического соучастия граждан. Однако существующие исследования выявляют слабую вовлеченность россиян в деятельность

каких бы то ни было общественно-политических объединений, включая и политические партии. В нашем исследовании по студенчеству мы уделяли внимание таким аспектам, как знание политических партий РФ, партийные предпочтения и тип партийной поддержки, членство в политических партиях. Анализ ответов на открытый вопрос о политических партиях, действующих в политическом пространстве России, показал хорошую осведомленность – студенты ориентируются в партийной системе РФ и знают, какими партиями она представлена. Верхние позиции рейтинга знания политических партий занимают «Единая Россия» (98,3%), ЛДПР (97,6%), КПРФ (94,7%), «Справедливая Россия» (90,1%), «Яблоко» (84,3%). Замыкают рейтинг партии «Правое дело» (48,6%) и «Патриоты России» (44,0%).

Что касается партийных предпочтений, то здесь следует выделить некоторую особенность. С одной стороны, при изучении форм политического поведения студентов исследование показало, что в большинстве случаев речь идет о политическом абсентеизме – более 80% студентов оказываются не вовлеченными ни в какие формы политической активности, а когда речь идет конкретно об участии в деятельности политической партии, то цифра увеличивается до более чем 90%. С другой стороны, 77% студентов, то есть абсолютное большинство, так или иначе, поддерживает хотя бы одну из семи представленных в исследовании политических партий. Группа полностью индифферентных к политическим партиям составляет в среде студенчества 23%. Полученные результаты означают, что механизм партийной идентификации в среде студенчества осуществляется на когнитивном уровне, но не на поведенческом в виде членства и участия в партии. Если пользоваться классификацией М.Дюверже, то студенчество образует в политических партиях слой так называемых симпатизантов, примыкая тем самым к базовому слою электората.

Описывая электорат политических партий в среде студенчества детально, можно представить следующую картину. Наибольшей поддержкой пользуется партия ЛДПР – 41% студентов (табл.1). Свой электорат в среде студенчества имеют также партии «Единая Россия» (20,7%), КПРФ (25,4%), «Справедливая Россия» (27,3%) – они в одинаковой степени могут рассчитывать на поддержку в среднем практически до четверти студентов. Аутсайдерами или «чужими» партиями в данном контексте можно считать две партии – «Правое дело» (3,1%) и «Патриотов России» (4,6%).

Таблица 1

Партийные предпочтения студентов Мурманской области, в %. (N=421)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Правое Дело	Яблоко	Патриоты России	Справедливая Россия
поддерживаю	20,7	25,4	41,0	3,1	12,0	4,6	27,3
не поддерживаю	56,4	34,3	28,3	25,3	27,0	22,3	25,8
безразличен	15,5	31,4	24,3	37,2	48,6	39,8	36,6
не знаком с такой партией	0,5	0,7	0,2	25,5	4,5	23,3	1,7
затрудняюсь ответить	6,9	8,2	6,2	8,8	7,9	10,1	8,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вопрос о партийных предпочтениях детализировался в исследовании вопросом о типе поддержки политических партий их сторонниками. При конструировании инструмента мы опирались на типологию Д.Истона, который выделял идеологическую и персональную легитимность. Иначе говоря, это вопрос

о субъективных причинах поддержки политических партий сторонниками. Идеологическая легитимность, с точки зрения Д. Истона, основывается на вере в основополагающие ценности общества и политического порядка, а персональная легитимность характеризуется доверием граждан к лицам, исполняющим властные функции. Если обращаться к типу поддержки российских политических партий среди студентов, то преобладающей оказывается идеологическая легитимность (определяемая по таким эмпирическим индикаторам, как приверженность принципам, ценностям, идеям, программе, деятельности партии), а не персональная легитимность, связанная с доверием и симпатией к партийным лидерам. По всему списку из семи партий показатели идеологической легитимности преобладают над показателями персональной легитимности. Из общего ряда выделяются партии ЛДПР и «Единая Россия», показатели персональной легитимности которых несколько выше в сравнении с остальными партиями (табл.2).

Таблица 2

Типы легитимности политических партий РФ
в среде студенчества Мурманской области, в %. (N=421)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Правое Дело	Яблоко	Патриоты России	Справедливая Россия
персональная легитимность	5,7	0,5	13,5	0,2	1,2	0,5	4,3
идеологическая легитимность	10	19,2	20,7	1,9	8,6	2,4	17,8
другое	2,9	1,9	2,1	0	0,7	0,5	0,2
затрудняюсь ответить	1,7	3,1	3,6	1	1	1,2	4,5
нет ответа	0,7	1,2	1,2	0,5	0,7	1	1
вопрос неприменим	79,1	74,1	58,9	96,4	87,9	94,5	72,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Резюмируя, хочется отметить, что партийная идентичность в среде студенчества оформлена и связана преимущественно с пятью партиями: «Единой Россией», ЛДПР, КПРФ, «Справедливой Россией», «Яблоком». Среди них есть лидеры, есть аутсайдеры, однако каждая из них может рассчитывать на свой сегмент в среде студенчества.

В 2012 г. произошли законодательные изменения, регламентирующие деятельность политических партий, что привело к значительному увеличению их количества. Вопрос о том, каким образом это отразилось на партийных предпочтениях граждан, остается открытым научным исследованиям. По состоянию на начало апреля 2015 г. количество партий по данным МИНИЮСТА РФ составило 77. Такая ситуация очень напоминает многопартийность 1990-х гг., когда избыток политических партий приводил, скорее, к дезориентации российских граждан, чем к реальному политическому плюрализму и политической конкуренции. Рядовому гражданину было очень трудно разобраться в таком количестве партий, многие из них существовали формально, а не реально.

Политическая толерантность

Специально в целях исследования были сконструированы и проверены на валидность шкалы, позволяющие измерить выраженность ценностей и установок политической толерантности у студентов. Частотный анализ ответов респондентов отдельно по каждому суждению показал, что в большинстве своем студенты придерживаются ценностей политической толерантности, среди которых ценность многопартийной системы, конкуренции политических партий, принципа парламентаризма и политического плюрализма. Методика позволила получить социологический индекс политической толерантности для каждого из опрошенных и средний балл по группе. Преимущество социологических индексов состоит в том, что в отличие от статистических распределений, построенных на основе одного эмпирического индикатора, они обладают большей точностью и надежностью.

Среднее групповое значение политической толерантности по совокупности опрошенных составило 26 баллов, что можно интерпретировать как высокий уровень (от 8 до 15 – низкий уровень, от 16 до 23 – средний уровень и от 24 до 32 – высокий уровень). Соотношение групп студентов внутри выборочной совокупности, с точки зрения выраженности у них ценностей политической толерантности, имеет следующий вид: доля студентов, для которых ценности политической толерантности имеют малое значение составила 2,7%, среднее значение – 26,9% и высокое значение – 70,4%. Отсюда видно, что для преобладающего большинства опрошенных принципы политической толерантности имеют важное значение и выступают в качестве цели (табл.3).

Таблица 3

Значение принципов политической толерантности для студентов

	Частота	%
низкий уровень значимости принципов политической толерантности	7	2,7
средний уровень значимости принципов политической толерантности	70	26,9
высокий уровень значимости принципов политической толерантности	183	70,4
Итого	260	100,0

В исследовании предполагалось измерять установки на толерантность у студентов в отношении российских политических партий. Индекс политической толерантности студентов для всей выборочной совокупности составил 37,6 баллов. Так как значение индекса по шкале могло варьироваться в пределах от 18 (min) до 72 (max) баллов, где интервал от 18 до 36 баллов характеризовал низкий уровень партийной толерантности, от 37 до 54 – средний и от 55 до 72 – высокий, то получается, что можно говорить о среднем уровне толерантности у студентов отношении российских политических партий. Частотный анализ позволил выявить соотношение подгрупп студентов, демонстрирующих низкий, средний и высокий уровни толерантности, что составляет соответственно 43,1%, 51,9% и 5%. Как видно, доля студентов, демонстрирующих установки толерантности к политическим партиям, крайне мала в сравнении с остальными подгруппами. Одновременно относительно многочисленна подгруппа студентов, настроенных интолерантно в отношении российских политических партий (табл.4).

Таблица 4

Установки политической толерантности студентов

	Частота	%
низкий уровень толерантности	163	43,1
средний уровень толерантности	196	51,9
высокий уровень толерантности	19	5,0
Итого	378	100,0

Результаты исследования оказались интересными, поскольку, с одной стороны, принципы политической толерантности имеют важное значение для абсолютного большинства опрошенных, а с другой стороны, они не актуализируются в условиях взаимодействия с конкретным политическим другим – на уровне установки политической толерантности студенты в большинстве своем интолерантны в отношении конкретных политических партий РФ [Вицентий, 2013: 35-37].

Хочется отметить, что сегодня существенно возрастает роль культурной политики в рамках государственной социальной и молодежной политики, в частности, связанной с профилактикой ксенофобии, экстремизма, насилия и ненависти в обществе. С молодежью должна вестись усиленная работа по профилактике экстремизма, поскольку специфика этой социальной общности задается ее возрастными особенностями. Молодежь отличается крайним максимализмом и радикализмом в суждениях, недостаточным социальным опытом, несформированностью ценностных ориентаций и т.д. В этом плане группа молодежи очень часто рассматривается в научной литературе как проблемная. Вместе с тем молодежь в силу особенностей своего возраста и отношения к жизни наиболее подвержена трансформационным процессам и быстрее других впитывает новые ценности. В этом плане ее необходимо рассматривать как ресурс, позволяющий обеспечить показатели стабильности политической системы при условии управляемого процесса политической социализации. В рамках молодежной политики существенно возрастает роль инструментов культурного воспитания и профилактики экстремизма в молодежных группах. К таким инструментам относятся социальные институты, выполняющие функцию культурных трансляторов в обществе: СМИ, институты образования и другие, а также конкретные действия, например, мероприятия по формированию у подрастающего поколения уважения к представителям других национальностей и религиозных воззрений; введение в образовательных учреждениях курсов, воспитывающих у подрастающего поколения понимание, что многокультурность при наличии толерантности – фактор стабильного развития общества; воспитание подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости, патриотизма и толерантности и пр. Речь идет о социальных технологиях, с помощью которых становится возможным управление процессами идентификации индивидов и нежелательными проявлениями интолерантности. В условиях «плюрализации жизненных миров» контакты с альтернативной реальностью, общение с «Другим» могут подрывать первоначальную субъективную реальность, способствовать развенчиванию негативных гетеростереотипов, представлений об этом самом «Другом».

Список литературы

Вицентий И.В. Соотношение ценностей и установок политической толерантности в субкультуре студентов: гендерный анализ // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной гендерологии», (24 апреля 2013 г.). Москва – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С. 34-39.

Елисеев С.М., Устинова И.В. Особенности политической толерантности студенчества // «Социс». 2010. № 6. С. 45–51.

Павловский В.В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический проект, 2001. 304 с.

Ильинская С.Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 288 с.

Климова С.Г. Критерии определения групп «мы» и «они» // Социс. 2002. № 6. С. 83-95.

Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011-2013 годов / Сост. М.Алюков. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 480 с.

Россияне и поляки на рубеже столетий. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002 гг.) / Сост. Е.Н.Данилова, В.А.Ядов. СПб.: Изд-во РХГА. 2006. 352 с.

Уолцер М. О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. 160 с.

Шмитт К. Понятие политического. URL: http://society.polbu.ru/political_science/ch01_i.html.

Eliseev S.M., Ustinova I.V. The characteristics of college students' political tolerance // Russian Education and Society. 2011. V. 53. № 9. С. 71-82.

Vicentiy I.V. The student body political culture (according to a study of the Murmansk region) // International Journal of Cultural Research. 2014. № 1(14). S. 76-81.

Сведения об авторе

Вицентий Ирина Викторовна,

старший преподаватель кафедры философии и социологии
Кольского филиала Петрозаводского государственного университета, Апатиты,
аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов
Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

Vicentiy Irina Victorovna,

Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology
of the Kola Branch of Petrozavodsk State University Russia, Apatity,
Postgraduate of the Political and Social Processes Sociology Department
of Saint Petersburg State University Russia, Saint Petersburg

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

POSTGRADUATE NOTEBOOKS

УДК 27-523(470.21):398

А.С.Давыдова

ИСТОРИЯ ХРАМОВ ГОРОДА КИРОВСКА В УСТНЫХ ПРЕДАНИЯХ

Аннотация

В статье отражены результаты исследования устных источников, «живых» преданий, сохраняющих память о процессе храмостроения в городе Кировске Мурманской области. Строительство первого храма соединено с «явлением чуда» и «государева благоволения». Некоторые личности стали частью городской истории, сопряженной с храмостроением. Перемещение храма, постройка церкви на новом месте расцениваются как его разрушение и страшный грех. Новое место для постройки церкви могут оправдываться божественным волеизъявлением или исторической судьбой города, его жителей.

Ключевые слова:

храм, предание, православие, вера, Мурманская область.

A.S.Davydova

HISTORY OF KIROVSK TEMPLES IN STORYTELLING

Abstract

The article focuses on a research of verbal sources, the «living» storytelling, as a traditional way to preserve memory of temple construction in Kirovsk city, Murmansk region. The construction of the first temple was connected with the «miracle» and «monarch's goodwill». Some personalities became part of the city's history which is tied with the construction of the temple. The moving of the temple and building a temple at new location is seen as its destruction and is considered as a terrible sin. New location for church is often accompanied by compensatory text and associated with divine will or historical fate of the city and its people.

Key words:

Church, storytelling, Orthodoxy, the faith, the Murmansk Region.

Исторические события XX в. оказались непростым временем для многих людей. Особенно трагичным минувший век стал для верующих, поскольку атеистическая идеология СССР, массовое уничтожение сооружений религиозного культа превратились для них в настоящее испытание. Масштабная антирелигиозная политика была направлена, в первую очередь, против Русской Православной Церкви [Поспеловский, 2000]. Сталинские репрессии унесли жизни сотен тысяч православных священнослужителей и мирян, было закрыто подавляющее большинство храмов, упразднены все монастыри, разрушена система духовного образования, уничтожены миллионы книг религиозного содержания [Шкаровский, 2009: 1].

Массовым порядком церкви начали разрушать в 1928-1929 гг. Период 1920-1930-х гг. является одним из самых сложных и драматических в истории православия в России [Басова, 2006]. Именно тогда политика Советского государства в отношении Церкви была особенно жесткой и нетерпимой. Разрушение храмов достигло своего апогея в 1932-1933 гг., а с 1934 г. темпы этого процесса начали

замедляться. С 1943 г. число репрессий против РПЦ¹ стало резко сокращаться. С начала Великой Отечественной войны на «церковном фронте» установилось затишье, а с 1943 г. начинается политика поиска диалога с церковью, выгодная государству. Русская Православная Церковь играла одну из центральных ролей в «большой политике» советского руководства – с осени 1943 по лето 1948 гг. [Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война, 1943: 77]. Разрушение церквей, как и выраженная антицерковная политика в целом, прекратились лишь на время. Отказ от искоренения религии в кратчайшие сроки «не означал прекращения преследования церкви и продолжался также в послевоенный период» [Курляндский, 2008: 11].

Для РПЦ суровые годы Великой Отечественной войны стали переломным этапом [Якунин, 2003: 83-92]. Отправной точкой «потепления» отношения к РПЦ принято считать историческую встречу трех митрополитов со Сталиным 4 сентября 1943 г. Одно из требований митрополитов состояло в том, чтобы у православных христиан была возможность открывать храмы [Pospelovsky, 1997]. Впоследствии в некоторых частях страны появились действующие церкви.

Источников, описывающих ситуацию, сложившуюся на Кольском полуострове в тот период, крайне мало. Известно, что к началу 1930-х гг. в Мурманской области практически полностью была завершена деятельность церковно-административных структур, были закрыты почти все храмы, церковно-приходская жизнь находилась на грани полного уничтожения [Бардилева, 2000]. Если в 1917 г. на Кольском Севере насчитывалось 53 православных храма, то к началу 1940-х гг. не осталось ни одной действующей церкви [Грашевская, 2013: 91]. Первый православный храм появился только в послевоенный период в г. Кировске. Настоящее исследование направлено на выявление сюжетов, связанных со строительством православных храмов в г. Кировске. Изучение истории строительства храмов в городах, построенных в Мурманской области в советский период, может основываться на архивных материалах (областном и епархиальном), краеведческих публикациях. На определенном этапе исследования мы решили обратиться к особому виду источников – устным, «живым» преданиям, сохраняющим память о появлении и строительстве православных храмов в городе Кировске.

В основу исследования положены полевые материалы (тексты интервью), записанные автором в городах Мурманской области Апатитах и Кировске. Устные рассказы горожан обладают достаточным информационным потенциалом, особенно если учитывать фрагментарность документальных данных. Вместе с тем фактор достоверности в этом случае не имеет решающего значения, материал рассматривается не столько как исторический источник, сколько как «составляющая локального текста провинциального города, функция которого не «отражать» а «создавать» городскую историю, мифологию, задавать параметры местной идентичности» [Ахметова, Лурье, 2010: 84].

В качестве информантов выступили люди с разной религиозной идентификацией: неверующие (атеисты), представители духовенства, члены православных общин, воцерковленные верующие², невоцерковленные верующие³. Наиболее интересную информацию содержат воспоминания непосредственных участников и свидетелей возведения первого православного храма в г. Кировске. Их состав оказался весьма немногочисленным, что закономерно связано с давностью

¹ Русская Православная Церковь

² Регулярно посещающие церковь, знающие ее устав, участвующие в ее обрядах

³ Признающие, что верят, но посещают церковь редко или не посещают совсем

события. Несмотря на это удалось найти людей – «держателей истории», по воспоминаниям которых стало возможным получить представление о том, как интересующее нас событие отражено в устной истории города. На такие тексты мы обращали первостепенное внимание. Дополнительными источниками сведений являются пресс-публикации и литературные материалы краеведов, связанные с нашей тематикой.

Появление первого храма в Кировске

По вполне ясным причинам история появления первого храма в Кировске презентуется в основном в рассказах воцерковленных верующих и членов общины. У остальных информантов представления о том, какой храм является первым, неотчетливы. За первый храм на улице Полярной (теперь Олимпийской) принимают одноименную церковь Казанской иконы Божией Матери, находящуюся в поселке Юкспорт. В устных рассказах об истории появления первого храма отмечается естественная фрагментарность:

Соб.¹: *Помните или, скорее всего, потому что это давно было, знаете ли вы историю появления первого храма в Кировске?*

Инф.: *Первый храм появился до меня (смеется). Меня еще не было. Рассказывают, что он появился в войну. Жители просили. И им разрешили. Он появился. Он был на Олимпийской.*

Соб.: *А еще что-нибудь знаете про постройку или как появился храм?*

Инф.: *Нет. Больше ничего не знаю (Инф. 1).*

В рассказах информантов, достаточно хорошо ориентирующихся в истории города, находит отражение фольклорный сюжет о создании культурного объекта по слову правителя. Он находит воплощение в конкретных социально-исторических реалиях, которые являются знаками времени:

Кировский храм вот. Ну, как построили? Всех расстреливали, казнили там направо налево. Оказывается не совсем так. В тридцатые годы. Вот как только начал строиться Кировск, там группа прихожан поехала в Москву на получить разрешение на строительство храма. Они попали к самому Сталину. И тот им разрешил. Это еще не было войны. То есть им разрешили построить храм. Видимо Иосиф Илларионович <оговорка информанта – А.Д.> где-то визу наложил. Потому что, когда война закончилась, этот храм был построен. То есть, никто не взял на себя дерзость не выполнить это указание (Инф. 5).

Сталин, таким образом, выступает в фольклорной роли строгого, но мудрого правителя. С позиций историко-типологического и «персонажного» подходов, сюжет представляет развитие спроецированной на конкретную историческую личность общей фольклорной традиции «изображения патриархальных отношений между вождем, князем, царем и подданными, не лишенной идеализации, уходящей корнями в социальные отношения и мифологические представления доклассового общества» [Криничная, 1991: 26]. На наш взгляд, точнее говорить об универсальной, устойчивой интерпретативной модели, применяемой к известным социально-историческим реалиям [Неклюдов, 1998]. В соответствии с ней тематизируется конкретное событие,

¹ Соб. – собиратель, Инф. – информант

происходившее в типовых обстоятельствах тоталитарного всевластия. Верующие и прихожане выступают в данном случае в роли коллективного героя, который действует в условиях исключительного риска. Их поведение призвано проиллюстрировать силу веры, благодаря которой происходит едва ли не чудо спасения от, казалось бы, неминуемой гибели:

Но тем не менее вот получилось так, что люди взяли и построили, никого не расстреляли, не репрессировали <...>. Это в Москву приехали. Иосиф Виссарионович, вот поставьте нам...с какого это вот перепазу? Когда в Москве там сносили и закрывали там. А тут разрешили строить То есть такого не было. Не восстановить, а построить. <...>. Потому что ниче не разрешали строить нигде. Поэтому как бы вот что такое люди и что такое их вера. То есть, как они могли добиться того, чтобы им могли позволить вот это сделать (Инф. 5).

Местная пресса 1930-х гг. в соответствии с ситуацией изобилует антирелигиозными пропагандистскими материалами [Сахарова, 2011: 102]. Это публикации о внедрении антирождественских дней [Быть готовыми, 1938: 4], антипасхальной работе [Антипасхальный вечер, 1938: 4], о создании ударной бригады безбожников [Ударная бригада безбожников, 1937: 4]. Данный аспект идеологической деятельности власти рассматривается в историко-краеведческих исследованиях (см., напр., работы Ю.П.Бардиловой [Бардилова, 2000]). Г.Кировск (Хибиногорск) создавался как социалистический, то есть изначально не мог быть заявлен иначе как атеистический [Борьба против религии, 1931: 4; Социалистическое планирование, 1931: 2]. Тот факт, что именно в таком городе появляется храм, усиливает легендарный смысл события и повышает духовный статус самого храма.

Мотив «чуда» является одним из основных жанрообразующих признаков легенды. В частности, как пишет Ю.М.Шеваренкова, легенды о происхождении и появлении местных церквей сопряжены с мотивом чуда и в своей основе зачастую прямо или косвенно развивают сюжет о контакте человека со святой силой [Шеваренкова, 2004: 65]. Нам удалось записать от информантов и найти в периодике тексты, в которых именно так и интерпретируется факт появления первого храма, например:

Вы понимаете это в то время! Это было похоже на сказку! Тут явно Божий промысел (Инф. 3).

В региональной прессе встречаем интервью со служащим монастырским священником, отцом Георгием: «Это, действительно, такое местное чудо. В 1946-м году сначала на улице Полярной (нынешней Олимпийской) дали барак под церковь. Молились православные кировчане о храме. И в 1984 году уже переделали жилой дом под церковь на 23-м километре. Планировали город атеистов, а Божия Матерь по-своему рассудила» [Рябова, 2007: 11].

По устным рассказам можно установить главных персонажей, которые выступили проводниками «воли Божией».

Три Марии и академик Ферсман

Новый курс советской власти в отношении церкви реализовывали на местах уполномоченные Совета по делам РПЦ. Благодаря их помощи и активным усилиям Церкви [Одинцов, 2004] количество православных молитвенных зданий и монастырей, официально признанных государством, постоянно возрастало. Таким образом, у православных христиан появилась возможность вновь открывать храмы

по ходатайствам верующих. В течение 1945-1947 гг. Мурманский ОИК¹ согласился с предложениями открыть молитвенные дома на основании 11 ходатайств: из Мурманска, Кировска, Колы, Ковды, Кандалакши, Мончегорска, Ловозерского района [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.].

История появления первой церкви в Кировске начинается несколько раньше даты самой постройки, поскольку жители города Кировска еще в 1937-1938 гг. предприняли попытку получить разрешение на строительство церкви и собрали для этого более положенных 250 подписей. Этим занимались три Марии: Мария Пузо, Мария Лапицкая и Мария Рябинина [Сахарова, 2011: 102-103]. Ходатайство об открытии храма в Кировске и список из 400 подписей к нему дважды поступали в Мурманский облисполком в течение 1946 г. [ГАРФ, Ф. 6991. Оп. 1. Д. 94. Л. 42; Д. 98. Л. 45; Д. 193. Л. 3,6.].

Подготовительный этап постройки храма по рассказам информантов характеризовался отсутствием препятствий для верующих. Строительство храма стало результатом общения со Сталиным одной из женщин, собиравших подписи, – Марией Лапицкой, которая передала ему ходатайство:

Ну как быстро (пауза) ну, до войны-то они строили. Война окончилась, только тогда же съездила к Сталину Мария <...>. Проехала без паспорта, без билета (Инф. 2).

Она купила билет. Она села в поезд, ее никто не проверил, ее никто не остановил. Это был Божий промысел. Она попала на прием к Сталину и получила разрешение. Вот вы можете себе представить?! Как этого можно добиться? (Инф. 4).

Сталин выступает в данном сюжете как царь-благодетель. В старинных преданиях в этом качестве чаще всего упоминаются Петр Первый, Иван Грозный, Екатерина Вторая [Ахметова, Лурье, 2010: 85]. Мария, отправившаяся на прием к Сталину, приобретает черты мифологического персонажа. Она проходит в Кремль, становясь невидимой, как это происходит с персонажами, пересекающими границу между земным миром и чужим (враждебным). Фольклорно-исторические параллели и варианты данного мотива многочисленны. В сказочной прозе невидимость – волшебный атрибут, необходимый герою для достижения цели. Он может быть опредмечен (шапка-невидимка), или невидимый человек может выступать в качестве чудесного помощника: например, в сюжетном типе «Пойди туда не знаю куда» [АТ 465 А]. В исторических преданиях, которые часто содержат легендарные элементы, «свои» спасаются от неприятелей и побеждают их с помощью невидимости или – в обращенном варианте – слепоты врагов [Криничная, 1978: 161-162]. Самые яркие и известные прямые аналогии рассматриваемому случаю представляют беспрепятственное прохождение Авдотьей Рязаночкой вражеских постов по дороге в ставку Батыя [Авдотья Рязаночка, 1991: 77-80] и мотив биографического предания о Вольфе Мессинге, который без пропуска вышел из Кремля, загипнотизировав охрану [Володарский, 2007: 55].

В нашем случае мы имеем дело с агиографическим сюжетом, когда герой получает невидимость, находясь под Божиим покровом (см. работы Непомнящих [Непомнящих, 2014], Штыркова [Штырков, 2012], сюжеты из Киево-Печерского патерика [Киево-Печерский патерик, 1999: 176] и другие):

¹ Окружной исполнительный комитет

Соб.: *А вот тоже интересно, как такое возможно?*

Инф.: *А это очень просто – ее никто не видел. Они ее не видели. Она и вошла, ее не видели. Она и сидела, ее не видели. Господь сокрыл. Вот она и сидит и ее никто не видит. Поэтому вот это реально. Это реально. Потому что ее Господь сокрыл. Даже и тот момент сокрыл, когда у нее не было ни денег, ни билета. Но даже в тот момент, когда она проходила в Кремль к Сталину. И там прошла мимо. Она рассказывала, потому что я разговаривала с дочерью ее, с Александрой. И мама ей рассказывала, что она вот проходила, а эти стоят с ружьями-то и не видели ее. Мимо прошла и все. И кто ее вел? не видимо? Она шла куда-то. Куда надо. Куда надо и пришла. Кто вел? (Инф. 2).*

Для информантов, рассказывающих об истории появления первого кировского храма, достоверность вышеописанного события не имеет существенного значения: «Галина Сиротинская на вопрос о том, существуют ли документальные подтверждения встречи Марии Лапицкой со Сталиным, ответила: “Ну, это же легенда... А документов мы и не искали”» [Рыжов, 2005: 3].

Нередко в рассказах об основании города Кировска главным действующим лицом является группа людей, символически представленная одним персонажем, или единолично данный персонаж, который приобретает демиургические характеристики:

Город... он в двадцать девятом году начал строиться. И строился он питерцами. Здесь в основном вся интеллигенция была с Питера. Тот же академик Ферсман (Инф. 5).

Создание города в исключительных условиях Кольского Севера – подвиг геологов-первопроходцев, деятельность которых воплощает фигура академика А.Е.Ферсмана [Пация, Разумова, 2006; Разумова, 2009: 14]. Особый интерес представляет переплетение сюжета, связанного со строительством храма, и мифологии «нового советского полярного города», которые сходятся на фигуре академика А.Е.Ферсмана:

Соб.: *А вы могли бы рассказать об истории появления первого храма в Кировске?*

Инф.: *Ну. Так просто не расскажешь... А вы, кстати, знаете, что сам Ферсман писал Сталину с просьбой разрешить строить православный храм здесь? Нет? Да, да, писал (Инф. 6).*

Ферсман является знаковым лицом, своего рода культурным героем Кольского Севера [Разумова, 2009]. Нам удалось записать рассказы о нем не только как об ученом, но и как о православном человеке:

...Академик Ферсман был председателем православной общины в Питере и больше всего этим гордился, больше чем званием академика. Я читал его личную автобиографию. Она очень уникальна (Инф. 5).

Ну, у него секретарем работала монахиня, она была сестрой священника, который храм расписывал... Очень даже может и имел отношение. Ведь их везде знали, и никто не брал никуда. А он взял (Инф. 2).

По нашему предположению, Ферсман оказался той фигурой, которая примиряет два идеологически противоположных сюжета региональной истории: мученической доли репрессированных, стараниями которых был построен Кировск, и создания цивилизации на неосвоенной территории. Так или иначе,

упоминание известных личностей весьма характерно для малого города: «они привлекаются к местной истории с тем, чтобы повисить авторитет города, особенно провинциального, служить знаком этого авторитета, своего рода достопримечательностью» [Разумова, 2003: 549].

Место для храма

Мифологический сюжет истории Кировска – это бой коллективного героя с противником – природой, воплощенной в камне, горах. История драматизируется участием в постройке города особой категории людей – спецпереселенцев [Разумова, 2009: 22-24]. Тот факт, что первая церковь в послевоенные годы появилась именно в Кировске, оценивается информантами, имеющими непосредственное или косвенное (например, через семейное знание) отношение к строительству первого православного храма, как ответ на страдания людей, которых привезли строить соцгород:

Соб.: Вот до того, как стали строить церковь, как здесь люди веровали?

Инф.: Ну, приехали же они сюда чаще всего не своей же воле. Приехали. Их прислали. Сослали, добрых, хороших людей, тружеников. Потому что я многих <...>. Вот их сюда сослали и все. А то, что, как рассказывали люди, которые причитали там, как они приехали, сколько у них страданий было. И младенцев похоронили и сами там, их в палатки поселили, волосы примерзали к подушке, это же страшно было. Но были и добровольцы, были и добровольцы, которые приехали сюда по зову. По такому зову, а к ним приехали, может быть, родители, так как вот мои бабушка и дедушка приехали добровольно. Добровольно. Называется это добровольно, называется это добровольцы. Ну, я думаю, что не одни они такие были. Потому что там пистолет к голове, что вступай в колхоз. Пистолет к голове подставляют. То есть ты должен вступить в колхоз, а если не вступишь, я тебя застрелить должен (Инф. 2).

Место для постройки храма определяется не людьми, а «явлениями», знаменами – в полном соответствии с легендарной традицией. Существует легенда, согласно которой место для постройки первого Кировского храма возникло не случайно: «В город приехал, согласно легенде, благочестивый человек из города Печоры Псковской области. Он ходил везде и молился. И ему было открыто: имя и икона Казанской Божией матери от того места, где был вокзал, в гору и он шел за ней. Где она остановилась, там и был выстроен храм» [Ляпинская, 2011: 8].

Ландшафтные особенности Кировска способствуют выбору идеального для сакрального объекта места: храм располагается на горе. Показательно, что человек, которому было видение, не был причастен к истории города. Это «странник», приехавший не на строительство, а по высшему промыслу, не страдалец, не спецпереселенец. Однако его «знали люди», и он вошел в духовную историю Кировска:

Соб.: А место для храма? Оно не случайно?

Инф.: А место тоже не случайно. Люди рассказывали, что было видение человеку, который сюда приехал молиться. По зову божьему он приехал сюда. Просто молиться. Не сослан он был. Ничего. И люди его знали. Вот. Этого человека. И он как-то шел, примерно, где старый вокзал. Оттуда он шел так и ему господь открыл, что на этом месте вот храм. Что будет здесь храм (Инф. 2).

В цикле преданий о заселении и освоении края в особую категорию выделяются тексты, повествующие о выборе места для основания объекта культового назначения [Криничная, 1991: 13]. В данном случае выбор осуществлялся с участием небесной силы, прежде всего в лице некоего человека, странника-богомольца. Это традиционный персонаж народной христианской мифологии, который выполняет посреднические функции и является проводником высшей воли [Панченко, 1998: 118-119; Щепанская, 2003: 434]. Материальным атрибутом ритуального выбора места выступает икона. Мотив явленной иконы, ведущий начало из фольклора, но модифицированный в соответствии с новыми контекстами, является одним из самых устойчивых и распространенных «общих мест» в агиографической литературе [Криничная, 1991: 231].

Свято-Казанский храм расположился на склоне горы Айкуайвенчорр и представлял собой одноэтажный деревянный дом на улице Полярной (дом № 24) (рис.1).

Рис.1. Церковь Казанской иконы Божией Матери (Фото Т.А.Дудоровой., 1982 г.)

Храм был освящен по благословлению Святейшего патриарха Алексия Первого 21 июля 1946 г. епископом Леонтием [Берлин, Королева, 2006: 143].

«Обживание» храма

Убранство для храма, иконы и утварь в Свято-Казанском храме были «дорогие», прежде всего, с точки зрения их символической ценности, так как они приехали вместе со спецпереселенцами из разных уголков страны, были вывезены и сохранены в экстремальных жизненных обстоятельствах:

Мария Филипповна родилась в 1891 году в Вологодской области, в поселке Вытегра <...> в 1929 году раскулачили и выслали в Хибинны <...>. В доме было много икон, часть которых отдана при открытии храма, а остальные были преданы по завещанию после смерти в 1973 году (Инф. 8).

Кировск был местом, куда съезжались, привозились и были сосланы люди из разных краев и областей России. Будучи местом «собираения людей», в период строительства храма город стал также местом «собираения святынь». Иконы были в числе тех предметов, которые при малейшей возможности переселенцы забирали с собой при переезде: «Некоторым переселенцам удалось привезти с собой семейные иконы. Брать из дома в лучшем случае разрешалось только самое необходимое, и для многих в числе предметов первой необходимости оказались иконы. Маленькие образа и нательные кресты зашивали под подкладку пальто, те, что покрупнее, прятали в мешках среди тряпья. Знали, что рискуют, но вера была сильнее страха» [Спецпереселенцы в Хибинах, 1997: 178].

Иконы для новой церкви собирали по всем сопредельным территориям, отправляя специальные «экспедиции». Этому способствовала относительная близость Соловецкого монастыря. Показательно, что участвовало в этой деятельности и местное коренное население: «За ними специально ездили в Вологду, в Карелию. Лопари из Ловозера ездили зимой на Соловки и обменивали иконы на мясо» [Ляпинская, 2011: 12].

Церковь в Кировске стала местом, которое посещали верующие из всех ближайших городов, даже из Карелии. За время его существования сменилось 30 настоятелей [Берлин, Королева, 2006: 147]. Чудо сопровождает не только появление храма в честь иконы Казанской Божией Матери, но и его последующее существование: «Но тут еще есть второе чудо. Надо просто видеть его. Сейчас, говорят, чудес-то и нет. А они и в нашей жизни бывают. Вот при Хрущеве новые гонения не коснулись нашего храма. Это уж явный покров Богородицы» [Рябова, 2007: 11].

Просуществовал храм на улице Полярной до 1985 г. Когда здание окончательно обветшало, исполком Кировского горсовета выделил списанный деревянный дом под обустройство церкви на улице Железнодорожной 8 в поселке Юкспорр [ГОКУ ГАМО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 2169. Л. 25].

«Переселение» храма. Храм в поселке Юкспорр

Переезд на новое место верующие восприняли тяжело:

Тут как раз люди болезненно это восприняли <...>. Денег хватило бы на постройку нового храма. Но не разрешили <...>. Благодаря бескорыстной христианской жертвенности, незаметному подвижничеству, верности своему Отечеству и вере предков, они вложили свою лепту, они безропотно перенесли то горе, когда выселяли православную церковь из города на двадцать третий километр» (Инф. 2).

Циклы рассказов о разрушении церквей и гибели церковного имущества, как справедливо пишет Ю.М.Шеваренкова, объединены темой святотатства, греха и наказания за него. Ярко выраженная дидактическая направленность этих рассказов выражена в упреке, адресованном не времени или эпохе, а самому человеку. Ведущий мотив всех рассказов – тема наказания. Разрушение церкви осознается как страшный грех. Рассказчик не только воспроизводит ситуацию того времени, но и сопрягает ее с последующими временами и будущим поколений [Шеваренкова, 2004: 67-69]. Легендарные рассказы о разрушении церкви и наказании за этот грех бытуют, в частности, в г.Кандалакша [Разумова, 2009: 125; История семьи Жидких, 2013: 23].

Переставая существовать как культовое сооружение, церковь переживает своего рода реинкарнацию. Ее жизнь переходит в иное качественное состояние: она продолжается тайно, не для всех, и лишь изредка прорывает оболочку реального мира. На месте разрушенной святыни мирская жизнь, по мнению информантов, невозможна:

...Вот им надо дом построить. Построили дом, а люди жить в нем не могут. На том месте стоит дом, вот так вот он стоит. А люди-то там жить не могут. Почему? Потому что надо жить по-монашески. Такое место. Там ангелы не покидают. Храм стоял. Ангелы это место не покидают. Но если, где ангелы находятся. Как можно жить мирской жизнью? Плотской такой? И поэтому мы там. Жалуются люди. Они жить там не могут. Они жить там не могут. Особенно в средних подъездах (Инф. 2).

Новое место сначала не нравилось членам общины:

Заступить было некому при такой четкой формулировке: «Или здесь, или нигде» (Инф. 2).

В местной периодике находим высказывание священнослужителя отца Баюра, характеризующего место как «жертвенное»: «Неподалеку от храма проходит железная дорога. Она построена на человеческих костях. Людей, работавших на дороге, умирало очень много. Никто не заботился о том, чтобы относить усопших и хоронить на кладбище. Зарывали прямо рядом с железнодорожным полотном» [Сиротинская, 2002: 3].

Постепенно, по мнению воцерковленных верующих, окружающий мир около церкви в поселке Юкспорр начал «преображаться» (рис.2): «От всего отдаленного и в целом заброшенного района каким-то непонятным образом исходит благотворное влияние храма» [В нашем храме я чувствую благодать, 2000: 4];

Вот на двадцать третьем километре благодаря тому, что там находится храм, теперь уже это монастырь, погода всегда лучше и чаще проглядывает солнце. Бывает в Кировске пасмурно, мрачно, а приезжаешь туда, а там всюду солнце светит! (Инф. 7).

Рис.2. Церковь Казанской иконы Божией Матери в поселке Юкспорр (Фото автора, октябрь 2013 г.)

В рассказах невоцерковленных верующих расположение и архитектура храма оцениваются на сравнительных примерах. Сопоставление осуществляется либо с ранее существовавшим храмом, либо с «центральными храмами» в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде:

Вот тогда и, в тот вот момент и была построена церковь в Кировске. Вот там. Там она стояла симпатично. Вот там больше соблюдались правила в той церкви, хотя она была. Эта тоже из старенького дома такого сделана, не специальная, не было денег на строительство специального храма. Но она. Этот дом выбрали на такой, на возвышенности стоял, смотрелся на фоне горы хорошо. Так вот. Тогда хорошее было. Вот когда уже на двадцать третий перевели. Здесь как бы в яме, между горами так все (Инф. 1).

Для воздвижения нового храма в Кировск был специально прислан священник-строитель из Закарпатья Василий Химчук:

Поэтому и отец Василий. А он был профессионально – строитель из Закарпатья. Он знал, как это делать. Его для этой цели и поставили, чтоб он на этом месте воздвиг храм (Инф. 2).

Новый храм Казанской иконы Божией Матери начал действовать с 1985 г. [Сахарова, 2011: 104]. Решением Священного Синода 20 апреля 2005 г. приход в честь иконы Казанской Божией Матери был преобразован в Хибиногорский женский монастырь [Журналы заседания Священного Синода Русской православной церкви, URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=122>].

Новый храм на улице Солнечной

В 2004 г. в Кировске был построен храм Спаса Нерукотворного Образа господина Иисуса Христа на улице Солнечной (Рис.3). Постройка нового храма в Кировске и рост в нем количества верующих людей воспринимаются многими жителями как награда за страдания предков, прошедших через испытания сурового Кольского края. Они символически связываются с историческим местом возникновения первых поселений в крае.

Рис.3. Церковь Спаса Нерукотворного Образа господина Иисуса Христа (Фото автора, март 2014 г.)

Несмотря на то что в постсоветский период ситуация в стране в отношении постройки православных храмов кардинально изменилась, новую церковь в Кировске удалось построить не сразу. По рассказам информантов здесь православным людям невольно «помогли» свидетели Иеговы: «На заседании горисполкома было зачитано заявление свидетелей Иеговы с просьбой дать разрешение на строительство областного центра на улице Парковой <...>. Все присутствующие в зале вскрикнули: – Как? И даже весь зал встал! – Десять дней назад мы отказали в строительстве православной церкви! Сошлись на том, что теперь разрешили строить и православную церковь и центр свидетелей Иеговы... В последствии мэру города Кировска, ставленнику из объединения «Апатит», руководство градообразующего предприятия просто сказало: “В Кировске никогда не будет областного центра свидетелей Иеговы...”» (из записей А.А.Ляпинской)

В рассказах информантов о сооружении церкви на улице Солнечной присутствует мотив строительной жертвы – «обычая, распространенного по всей земле и у народов всех культурных ступеней», согласно которому «в поверьях и легендах о строительстве жильцам или строителям вновь отстроенного дома грозит всегда близкая и верная смерть» [Зеленин, 2004: 146]. Главную жертву храму принес его священник, который вскоре после возведения церкви скончался в результате тяжелой болезни:

... поэтому отцу Михаилу было полегче, конечно, во-о-о (пауза) найти контакты. Хотя стоило ему это здоровья, не просто так это. Здоровье его подкачало. Ему стоило это здоровья <...>. Были и-и-и противодействия такие, несомненно, против батюшки. Естественно было, которые ему так приходилось так претерпевать, преодолевать. И вот теперь его не стало (Инф. 2).

Мотив добровольных пожертвований характерен, в первую очередь, для рассказов воцерковленных верующих, которые следуют культурной традиции: «Каждый искренне верующий человек не считал возможным для себя отказаться от участия в трудах или приношениях для храма, дабы не прогневить своим нерадением Бога» [Громыко, Буганов, 2000: 61].

По рассказам информантов, была также принудительная «жертва», принесенная работниками градообразующего предприятия ОАО «Апатит». По мнению воцерковленных верующих, материальные пожертвования на храм спасут не только самих благодетелей, но и их внуков и правнуков:

Все-таки они организовали всех людей, люди жертвовали, хотя некоторые и не добровольно, возмущались, что как это так, там какую-то сумму они из своей зарплаты! Ну, а как же! Когда...как же там с блином-то с этим? Да! Этот один и говорит, что один там такой жадный-жадный. Жадный-жадный. Ну, это в притчах где-то есть. Ну, никак вот он такой злой, такой жадный, такой богатый и никому ничего не дает. В общем, в ад попадет. А этот блаженный говорит. Дай я у него сейчас выпрошу чего-нибудь. Вот он идет, просит – Дай мне, дай мне! А тот ниче не дает. Тот ругает, ругает, такой-сякой отстань от меня, а потом со злостью-то отломил. Он чего-то жевал. Отломил ему да и бросил: - На тебе! И все! и вымолил. Вот это ведь бросил со злобой. А тот его и вымолил из ада в итоге» (Инф. 2).

Таким образом, культурная политика предприятия-градообразователя, направленная, в частности, на укрепление связей с РПЦ и на создание соответствующего имиджа предприятия, реализовалась при известном давлении на работников.

Место под постройку храма – на выезде из города – также изначально не нравилось прихожанам и членам общины. Городские власти предлагали общине различные места. Однако окончательным стало решение строить церковь на улице Солнечная [ГОКУ ГАМО Ф. Р. 432. Оп. 1. Д. 322. Л. 27].

В этой связи появляются оправдательные мотивы, адаптирующие к ситуации. Территория, на которую переместился храм, наделяется особым смыслом. В частности, она ассоциируется с драматической историей города, на строительстве которого трудились спецпереселенцы и заключенные: «Теперь открылось, что и железную дорогу в Кировск строили заключенные священники, присланные с Соловков, умиравших хоронили под шпалами. Так сказать мощи под спудом рядом с нами. Кругом святые места!» (Из записей А.А.Ляпинской).

Находятся и другие основания для сакрализации места:

Помнят старые прихожане, что на этом месте в доме жил один из священников нашего храма. Да и красиво будет при въезде в город, хотя храм создается не для внешней красоты, а для молитвенного общения с Богом... Старые же прихожане рады, говорят: «Теперь нас мимо храма не пронесут! Теперь нас мимо храма не пронесут!» (Инф. 2).

Вся история Кировска конструируется как цепь тяжелых испытаний, выпавших на долю людей, строивших город [Разумова, 2009: 6]. Это обстоятельство сказывается на самоидентификации жителей:

Все как у всех. Здесь точно так же учатся и работают, водят детей в школы и ездят в отпуск к морю, задаются вечными вопросами и возводят храмы. Разве что люди здесь особой закалки – потомственные «спецпереселенцы» (Инф. 2).

Подводя итог, отметим главные культурные смыслы и факты, которые связываются с историей кировских храмов. Строительство первого храма в социалистическом Кировске сопряжено с явлением «чуда» и «государевым благоволением». Большая роль отводится отдельным личностям, в числе которых А.Е.Ферсман, представленный в ряде текстов в образе творца и «гения места». Переезд храма, постройка церкви на новом месте расцениваются как разрушение культового объекта, влекущее за собой необходимость искупления страшного греха. В оправдание перемещение церкви зачастую связывается либо с божественным волеизъявлением, либо с исторической судьбой города, его жителей.

На сегодняшний день в Кировске действуют два православных храма: новая Церковь Спаса Нерукотворного Образа господина Иисуса Христа, а также храм при Хибиногорском женском монастыре в честь Казанской иконы Божией Матери. Новый храм занял прочное место в сознании кировчан, и какой будет история появления и «жизни» храма в представлениях горожан – предмет дальнейшего исследования.

Список информантов

Инф. 1 – жен., 63 года, род в г. Горьком научный сотрудник, атеист, Кировск.

Инф. 2 – жен., 73 года, род. в Южно-Сахалинске, неработающая пенсионерка, член православной общины, Кировск.

Инф. 3 – жен., 70 лет, неработающая пенсионерка, член православной общины, Кировск.

- Инф. 4. – жен., 65 л., сотрудник архива, г. Кировск.
Инф. 5. – муж., 57 л., род. в г. Приморско-Ахтарске Краснодарского края, воцерковленный верующий, Апатиты.
Инф. 6. – жен., 65 лет, воцерковленная верующая, Кировск.
Инф. 7. – жен., 55 л., воцерковленная верующая, Кировск.
Инф. 8. – жен., 58 л., воцерковленная верующая.

Архивные материалы

Личный архив

Ляпинская А.А. Записи, тексты интервью.

Ляпинская А.А. «История храмов в горах Хибинских» (рукопись). 2011.

Государственный архив Мурманской области в г. Кировске

ГОКУ ГАМО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 2169. Л. 25 – Решение № 248 от 27.09.1984 «Об отведении земельного участка по улице Железнодорожной в г. Кировске».

ГОКУ ГАМО. Ф. Р-432. Оп.1. Д. 322. Л. 27 – Постановление «Об отводе земельного участка для проведения проектно-изыскательных работ под строительство здания Православного храма в городе Кировске» от 09.07.01. № 465.

Государственный архив РФ

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.

ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 94. Л. 42; Д. 98. Л. 45; Д. 193. Л. 3, 6.

Список литературы

Авдотья Рязаночка // Исторические песни. Баллады. М.: Современник, 1991. С. 77-80.

Антипасхальный вечер // Кировский рабочий. 21.04.1938. С. 4.

Ахметова М.В., Лурье М.Л. Сюжет о проезде Хрущева в устных рассказах: тексты и контексты // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 2. С. 83-98.

Бардилева Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века. Дисс... на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. Мурманск, 2000.

Басова Н.А. Русская Православная Церковь в Карелии 1918-1941 годах. Автореф. на соиск. учен. степ. канд. историч. наук. Петрозаводск, 2006.

Борьба против религии – борьба за социализм // Хибиногорский рабочий. 12.11.1931. С. 4.

В нашем храме я чувствую благодать // Православная газета. 2000. № 9. С. 4.

Володарский Э.Я. Вольф Мессинг: видевший сквозь время. СПб.: Амфора, 2007. 558 с.

Грашевская О.В. Религиозная ситуация в Мурманской области // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 6 (68). С. 90–97.

Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломникъ, 2000. 541 с.

Журналы заседания Священного Синода Русской православной церкви от 20 апреля 2005 года (п. 12 журнала 29). URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=122>.

Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934-1954. М.: Индрик, 2004. 368 с.

- История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г.Ф.Белошицкой / Общ. ред. и вступительная статья И.А.Разумовой. Подготовка текстов, составление и комментарии О.В.Змеевой, И.А.Разумовой. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 184 с.
- Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. Сост. А.А.Ольшевская, С.Н.Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- Кировск: страницы истории / Сост. В.Э.Берлин, Т.Е.Королева. СПб.: Моби Дик, 2006. 175 с.
- Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
- Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л.: «Наука», 1987. 225 с.
- Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 11.
- Неклюдов С.Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность / Материалы научной конференции 18-20 февраля 1998. СПб., 1998. С. 288-292.
- Непомнящих Н.А. «Деяния Азлазивона» Л.М.Леонова: агиографический сюжет и жанр авторской интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 110-116.
- Одинцов М.И. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002-2004 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2004. С. 521-551.
- Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Пация Е.Я., Разумова И.А. Genius loci (А.Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2006. С. 60-69.
- Поспеловский Д.В. Сталин и Церковь: «конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви (в свете архивных документов) // Континент 2000. № 103. URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/pos.html>.
- Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. СПб.: Гамас, 2009. 160 с.
- Разумова И.А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор / Сост. А.Ф.Белюсов, И.С.Веселова, С.Ю.Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. 736 с.
- Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1943. С. 77-79.
- Рябова Н. Окошки в вечность: Беседа со служащим монастырским священником, отцом Георгием // Хибинский Вестник. 8.11.2007. С. 11.
- Рыжов М. «Все соблазны мира...» // Мурманский вестник. 20.08.2005. С. 3.
- Сахарова А.Н. Храм // Записки музейщиков (экскурс в XX век) / Сост. С.В.Тарараксин. Кировск: Управление культуры города Кировска, 2011. 148 с.
- Сиротинская Г. Пострадавшие за веру Христову // Православная газета. №2. 2002. С. 3.
- Социалистическое планирование в основу строительства города. Не будет «святого покрова» // Хибинский рабочий. 22.10.1931. С. 2.

Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Мемориал, 1997. 224 с.

Ударная бригада безбожников // Хибиногорский рабочий. 15.04.1937. С. 4.

Шеваренкова Ю.М. Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород: Растр-НН, 2004. 214 с.

Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Шкаровский М. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943-1953 года // Acta Slavica Iaponica, Tomus 27 (2009), С. 1-27.

Штырков С.А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

Якунин В. Н. Укрепление положения Русской православной церкви и структура ее управления в 1941-1945 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 83-92.

Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography. Folklore Fellows Communications. № 184. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 155 p.

Pospielovsky D. «The «Best Years» of Stalin's Church Policy (1942-1948) in the Light of Archival Documents». Religion, State and Society. Vol. 25. Oxford: Keston Institute. 1997. №. 2. PP. 139-162.

Сведения об авторе

Давыдова Алена Сергеевна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН

Davydova Alyona Sergeevna,

Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

УДК 27-5''1940/1990''(470.21)

Я.В.Обухов

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ Г.КИРОВСКА В ПЕРИОД 1940-1990 ГГ. В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ПРИХОЖАН.

Аннотация:

В статье представлены результаты изучения текстов интервью с прихожанами храмов г.Кировска Мурманской области. Предпринята попытка анализа православных религиозных практик в г. Кировске. Рассмотрены особенности как прихрамовых, так и внехрамовых религиозных практик, а так же нюансы взаимодействия властей и прихожан.

Ключевые слова:

православие, церковный приход, государственно-церковные отношения, православная культура, прихожане.

Y.V.Obukhow

PECULIARITIES OF THE RELIGIOUS LIFE FROM 1940 TO 1990 ACCORDING TO CHURCHGOERS, KIROVSK

Abstract

The article presents the results of reviewing the interview texts with churchgoers of Kirovsk, Murmansk region. An attempt was made to analyze the orthodox religious practices in Kirovsk. Also the peculiarities of in-church, and outside-the-church practices, and the authority- churchgoers interaction nuances were examined.

Key words:

Orthodoxy, parish, state-church relation, orthodox culture, churchgoers.

Период Советской власти стал тяжелейшим испытанием для русской православной культуры. Антирелигиозная риторика в отношениях власти и церкви на протяжении нескольких поколений разрушала практики, складывавшиеся столетиями [Поспеловский, 1995]. Однако возрождение Русской Православной Церкви в последние десятилетия во многом связано с деятельностью рядовых прихожан и верующих. Кольский Север в этом контексте представляется особенно интересным регионом для исследования. Исторические и территориальные особенности Мурманской области сказались на представлениях о северной православной культуре. Изучение государственных архивов и свидетельств очевидцев в значительной степени помогло нам в понимании особенностей государственно-церковных отношений и их неоднозначности, которая не в последнюю очередь объясняется местными особенностями [Грашевская, 2005]. Сохранение православия как религии в отдельных областях страны зачастую зависело от инициативы верующих людей и прихожан, что не могло не сформировать набор уникальных неканоничных религиозных традиций. Исторические особенности последних на Кольском Севере сформировали особенную приходскую культуру.

В 1930-1940-х гг. на Кольском полуострове были закрыты почти все храмы, деятельность православных религиозных организаций была фактически прекращена [Бардилева, 2008]. Некоторое время единственным храмом на Кольском полуострове оставался открытый в 1946 г. храм Казанской иконы Божией Матери в г. Кировске. Тот факт, что этот храм не прекращал своей деятельности в течение всего советского периода, делает Кировск важным православным центром Мурманской области. Ценным источником по истории данного храма является работа местной прихожанки А.А.Ляпинской «История храмов в горах Хибинских» [Ляпинская, 2011]. История кировских храмов находит подробное отражение также в исследовании А.С.Давыдовой «История храмов г.Кировска в устных преданиях» [Давыдова, 2015]. Цель же данной работы – изучить воспоминания прихожан, а также местные церковные архивы для того, чтобы выявить особенности возникновения и существования православной культуры в г.Кировске. Исследование основывается на текстах интервью с прихожанами кировского храма. Особенный интерес в связи с этим вызывают воспоминания «старожилов» храма. При сборе материала мы уделили внимание, в первую очередь, непосредственным воспоминаниям прихожан, посещающих местные храмы более 25 лет, в меньшей степени – элементам местного прихрамового фольклора. Дополнительным источником данных послужил текст интервью с протоиереем о.Василием (Данильцом). Были также использованы сохранившиеся материалы местного церковного архива [Церковный архив храма Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа, г.Кировск].

Приход и власть

Воспоминания прихожан о периоде 1940-1950-х гг. содержат в себе повторяющийся мотив «мученичества», который связан как с сакрализацией мест поселений спецпереселенцев [Разумова, 2009; Давыдова, 2015], так и с судьбой священников. Данные церковных архивов показывают, что большинство священников прихода имели судимости (преимущественно по статье 58), полученные в период с 1947 по 1949 гг. Однако в процессе реабилитации жертв политических репрессий, который начался с доклада первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущева «О культуре личности и его последствиях» на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г., ни один настоятель храма судим по политическим статьям не был, а с ранее судимых судимости были сняты. Информация о наказаниях верующих в этот период сохранилась, скорее, в форме преданий:

Чтобы наказывали – я не слышала. Но черный ворон – машину видели мы. На улице гуляли и знали, что на этой машине увозят куда-то людей навсегда. И ее даже мы боялись, дети (Инф.1).

Посещение церкви в советский период не просто не афишировался. Некоторые респонденты описывали случаи, когда религиозные убеждения скрывались даже от ближайших родственников:

Я даже бабушку свою не видела, что она была верующая, что она ходила в церковь. А бабушка тайно верила. И даже когда дедушка заболел сильно там, в деревне, так бабушка ходила тайно за двенадцать километров в церковь (Инф. 1).

Основным способом контроля над верующими со стороны местных властей после 1950-х гг. стали списки родителей, крестивших своих детей, которые были обязаны предоставляться уполномоченному по делам религии. Однако подобная форма сбора данных о прихожанах имела множество изъянов, которыми пользовались верующие:

Бабушки везли тайно крестить. Многие сейчас вот приходят и узнают, как их крестили, что тайно (Инф.4);

Открыто не крестили. Кто занимал высокие должности, храмы не посещали, это точно могу сказать. А детей все равно – если не сами, то бабушки с дедушками точно. В деревню увезут ребенка и крестят (Инф.3);

Ну, я вот знаю, что гонение было такое, что вот, если крестить детей, многие крестили детей где-нибудь за пределами, в глуши. В средних полосах, допустим, в союзных республиках, это вот скорее всего так. Здесь старались крестить, ну, может так, тайком. Чтобы никто ничего не знал. Но крестили. И те же руководящие работники тоже (Инф 2).

Также, по воспоминаниям прихожан, велось пристальное наблюдение за посетителями церкви со стороны уполномоченных по делам религии:

Первый год я сама ездила в Мурманскую церковь, боялась. Ведь здесь видели, как на балконе стояла уполномоченная и записывала (Инф.1);

В храме всегда были такие люди, которые работали как бы на власть. Они называли себя верующими, были на службах, но всегда были наблюдателями, всегда были для того, чтобы собрать какую-то информацию (Инф.3).

Кроме того, любое проявление интереса к религии, по словам респондентов, попадало во внимание властей:

Учитывая то, что я была членом партии – вообще вопрос был закрыт. Интерес к таким вопросам [по истории храма – Я.О.] тоже преследовали. Допустим, если мы туда идем, значит уже шли люди, те которые, в общем, нас видели. В общем, по нашим действиям могли уже наказать. В виде выговоров, в виде исключений из партии, то есть было даже такие вещи. Запрещалось (Инф. 2).

Однако, начиная с начала 1980-х гг. можно наблюдать значительный спад подобного внимания к верующим со стороны местных властей. По крайней мере, по свидетельству информанта, занимавшего должность заместителя секретаря парткома АНОФ-1 по идеологии в период 1980-х гг., отношение местного начальства к религии было весьма спокойным:

Было такое течение, были разборки, если кто-то покрестят или еще чего. Но именно у нас, в нашей организации не было таких случаев. Почему не было, не знаю (смеется). А так, вообще слухи ходили, что, опять же громко скажу, карали, все это самое. В общем, крестили и молодежь же, комсомольцы, и на моей практике не было ни одной разборки (Инф. 3).

Подобное отношение руководства местных предприятий к вопросам идеологии, объясняет протоиерей о.Василий (Данилец). По его словам, начальство фактически составляло особый пласт верующих вместе с местными чиновниками:

Начальники были даже некоторые, я знаю. Но те более рисковали, прятались там, вызывали на дом священника (Инф. 5).

Внехрамовые религиозные практики

Большинство прихожан отвергают идею, высказанную о. Василием (Данильцом) о том, что население центральных районов полуострова не испытывало значительного недостатка в храмах, учитывая среднюю численность населения в совокупности с территориальной доступностью существовавшего уже храма [Обухов, 2014: 173]:

Одного храма было маловато. Что заполняемость была очень плотная и стоять было очень тяжело. Поэтому, я считаю, что в то время один храм – этого было мало (Инф. 2).

Некоторые прихожане выразили уверенность в том, что до сих пор существует нехватка храмов:

Нужна была еще церковь. Сейчас, конечно, на двадцать третьем очень мало людей ходит. Там же немножко другой, как бы, статус. Там немножко все по-другому, чем у нас в церкви. Не знаю. Я думаю, что нет. Во-первых, та церковь была совсем не по пути, так скажем. Я не скажу, что их и сейчас очень много (Инф. 3).

Нехватка храмов создавала особые потоки паломнической миграции в Кировск из других городов Мурманской области, в особенности тех, которые были лишены храмов на тот момент:

И из Мурманска, из Мончегорска все время были здесь люди. Были. Они и ночевали здесь. И в первом храме были, там были места в сторожке. И люди разбирали людей к себе. И на двадцать третьем километре тоже, там были комнаты специально, с кроватями. Как гостиница (Инф. 1).

Однако страх перед наказанием за открытое посещение церкви продолжал поддерживать возникшие здесь еще до 1940-х гг. внехрамовые религиозные практики. В источнике можно встретить упоминания о том, что люди совершали коллективные молитвы вне города [Ляпинская, 2011: 7]. Подтверждение сведений о тайных молитвенных собраниях находим в рассказах респондентов:

Знаю также понаслышке, что вот и Ксения Яковлевна Малахова, которая была тогда, когда еще храма не было, то они собирались – верующие, в лесу. Где-то шли, как бы за грибами, и там вот совершали акафисты, пели какие-то молитвы, просили помощи у Господа (Инф. 4).

Подобные тайные собрания верующих проводились и в жилых домах. Об этом часто упоминают респонденты, хотя никто из них не подтверждает своего участия. В ряде случаев даже трудно определить, к какому религиозному течению относились участники подобных собраний:

Я знаю, что когда я была еще некрещеная, у нас внизу, мы на втором этаже жили с семьей, собирались там. Ну, они же все равно духовные песни пели. Не православные, но духовные. Вот там собирались, я даже не знаю, секта это была или что. Но они пели. Это было в восьмидесятые годы (Инф. 3);

В домах тоже собирались. Бабушка Елизавета, такая была, вот рассказывала. Но, с опаской, конечно. Боялись, вот. То есть, небольшими группами, как будто кто-то в гости пришел. По пять-шесть человек, молились, потихонечку пели акафисты. Вот, говорили, что вот так вот молились. Богослужение само, литургию они не могли совершить, а вот молитвы, акафисты петь – они собирались (Инф. 4).

Упоминание о старообрядцах встречается лишь однажды и имеет отношение к концу 1930 – началу 1940-х гг.:

Возможно, были еще группа староверов. Они были здесь, они из сосланных. Они тоже здесь собирались тайно, тихонечко (Инф. 4).

В описании более поздних периодов респондентами не упоминаются старообрядческие общины. Не было найдено документального подтверждения их существования. Поиск возможных свидетелей также ограничен ввиду того, что упоминания о староверах относятся к 1930-м гг.

Упоминаний об иных религиозных православных группах, например, о «катакомбниках», «обновленцах» и так далее, обнаружено не было. О.Василий (Данилец), в свою очередь, отрицает их присутствие в центральном районе Кольского полуострова:

Катакомбных не было здесь. Это были на юге (Инф. 5).

Представления прихожан об особенностях местного прихода

Как уже отмечалось ранее, результатом гонений на церковь, а также непоследовательной религиозной политики нередко становилось формирование уникальных особенностей местной православной культуры. Так, местный Кировский приход сформировался в условиях не агрессивной в отношении религии политики властей и в такой социальной среде, которая характеризовалась достаточным числом верующих людей, в большинстве своем спецпереселенцев и их потомков. В целом, можно выявить основные представления жителей об особенностях местного прихода и прихожан в период с середины 1940 по конец 1980-х гг. Поведение верующих,

их личные качества, отношение к церкви, по мнению респондентов, в советский период и последующее время различались. Самоотверженность и бескорыстный труд ассоциируются и находятся в причинно-следственных отношениях с тяжелым прошлым переселенцев. Эти черты характера уже не отмечаются у современных прихожан:

В храме вели все себя благоговейно, трудились бескорыстно, во славу божью. А потом уже защитить храм было некому, когда его стали выселять. Не было таких людей, кто бы мог как то защитить храм, и его выселили отсюда, за пределы города (Инф. 1).

Речь идет о перемещении храма Казанской иконы Божией Матери в 1985 г. Событие не просто негативно оценивается, но используется в качестве прецедентного факта, позволяющего выявить «исторические» различия общности верующих. В ретроспективе отмечаются доброта и сплоченность – особенности, которые прихожане также связывают с историко-демографическими особенностями города:

Здесь настолько люди дружны, настолько порядочны, настолько они всегда могут оказать поддержку. Здесь особенные люди в Кировске. Таких вот нету нигде, мы и в Мурманске были – чуть-чуть уже другое отношение. А здесь с открытой душой люди. Здесь очень добрые люди. Возможно, как раз вот эти репрессии, вот эти страдания, им приходилось быть здесь сплоченными, поддерживать друг друга. Их это вот так закалило (Инф. 4).

В качестве важной особенности местной православной культуры часто отмечается женское влияние на формирование и развитие приходской жизни. История о трех Мариях (Пузо, Лапицкая, Рябинина) – подвижниц, благодаря которым и был открыт храм в 1946 г., легенда о поездке Лапицкой к Сталину, истории о монахини Евдокии (Волковой) – все это обильно представлено в рассказах прихожан. Подобные полумифические мотивы, ставшие частью местного церковного фольклора, уже рассматривались в научных работах [Давыдова, 2015]. Преобладание женщин в приходе подтверждается всеми респондентами:

Ну, Вы знаете, это вообще во всех русских храмах красной линией проходит, что женщин больше. Помните, белые платочки, не первый раз говорю. То есть, что вот именно женское начало – это чувствуется, да. А знаете почему, это мое лично мнение, что это сорок шестой – сорок восьмой, до пятидесятого года – мужчин-то война же забрала (Инф. 3).

Таким образом, отмечается роль женщины в поддержании православной культуры во времена Советской власти, зачастую даже как хранителя православия в России:

Вообще, в советское время все на себе несли женщины, вот эти белые платочки. Так их и называли – бабушки-белые платочки. Они несли свою веру, сохраняли. Мужчины, они, конечно, работали, их преследовали. А женщины, все равно они шли. Вообще, вся вера наша православная сохранилась благодаря «белым платочкам» (Инф. 4).

В то же время верующей прихожанке отводится роль помощницы и опоры мужчины:

Так что здесь психология женщин так и задумана. И она неравноправна мужчине. Типа помощник, а помощник – он всегда более стойкий, более трудолюбивый, более выносливый (Инф. 5).

Но при этом прихожане не склонны отводить женщинам особую роль в формировании православной культуры в России в целом:

Не только женщины влияли. Не может быть, чтобы только женщины (Инф. 1).

Демографические особенности прихода могли бы продемонстрировать списки религиозных «двадцаток», однако подобная информация вплоть до начала 1980-х гг., находившаяся в церковном архиве, была безвозвратно утеряна:

Не сохранились сейчас документы, какие-то были. Это все осталось в той церкви, которая переехала на двадцать третий. А когда монастырь въехал, они вообще все сожгли, что было. Сюда уже не брали эти документы, там все осталось (Инф. 1).

Получается, что ответственность за утрату документов – то есть фактически истории прихода – должна быть возложена на самих церковнослужителей, которые проявили небрежение в отношении к свидетельствам становления и развития приходской жизни.

Таким образом, на результатах проведенной полевой работы, нами был осуществлен анализ особенностей формирования местных городских православных традиций, оказавших влияние на облик современных местных приходов. Дальнейшее формирование корпуса полевых материалов, их анализ, а также подробное изучение архивов, как церковных, так и областных, представляет наиболее перспективную часть изучения истории православия на Кольском Севере.

Список информантов

Инф. 1 – жен., 75 лет, в, историк-краевед, прихожанка, г. Кировск.

Инф. 2 – жен., 64 года, пенсионерка, прихожанка, г. Кировск.

Инф. 3 – жен., 63 года, пенсионерка, церковнослужитель, г. Кировск.

Инф. 4. – жен., 51 год., церковнослужитель, вдова настоятеля, г. Кировск

Инф. 5. – муж., протоиерей церкви Новых Мучеников и Исповедников Российских, г. Апатиты.

Архивные материалы

МБУК «Кировский историко-краеведческий музей с мемориалом С.М.Кирова и выставочным залом»

Ляпинская А.А. История храмов в горах Хибинских (рукопись). 2011.

Церковный архив храма Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа, г. Кировск

Справки уполномоченного по делам религии при Горисполкоме, г. Кировск, Мурманская обл., 1974-1980 гг.

Сведения о церковнослужителях уполномоченного по делам религии при Горисполкоме, г. Кировск, Мурманская обл., 1968-1977 гг.

Список литературы

20-й съезд КПСС (14-25 февраля 1956 года): Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 640 с.

Бардилева Ю.П. Религия и церковь на Кольском Севере // Кольская энциклопедия. Т. 1. Апатиты: Кольский научный центр РАН, 2008. С.103-112.

Бардилева Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века: дисс.... к.ист.н. Архангельск, 2000.

Грашевская О.В. Религиозная ситуация в Мурманской области // Проблемы развития территории. 2013. Вып.6 (68). С. 90–97.

Давыдова А.С. История храмов г. Кировска в устных преданиях // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015.

Обухов Я.В. «Этот дух терпения и выносливости, смирения – вот это есть у северного народа»: об особенностях православной приходской культуры кировско-апатитского района (по материалам интервью с протоиереем Василием (Данильцем)) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 6 (25). Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2014. С. 170-176.

Одинцов М.И. Государство и Церковь в России XX в. М.: Луч, 1994. 171 с.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.

Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. СПб.: Гамас, 2009. 160 с.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005 г. 424 с.

Сведения об авторе

Обухов Яков Валерьевич,

аспирант Кольского научного центра РАН,

старший лаборант Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН

Obuhov Yakov Valerievich,

Postgraduate of the Kola Science Centre RAS,

senior research assistant of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre, RAS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Е.В.Бусырева, А.С.Давыдова

КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕВЕРО-ЗАПАД: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ»

E.V.Busyрева, A.S.Davydova

THE CONFERENCE «THE NORTH-WEST: ETHNO-CONFESSIONAL HISTORY AND HISTORICAL-CULTURAL LANDSCAPE»

2-4 марта Российский этнографический музей собрал ученых и исследователей для участия в конференции «Седьмые Шегреновские чтения».

Российский этнографический музей совместно с СПбИИ РАН начиная с 2006 г. проводит конференции, посвященные известному этнографу и лингвисту академику А.И.Шегрену (1794-1855). А.И.Шегрен является основоположником отечественного финно-угроведения, многолетним директором первого музея России – Кунсткамеры. Научная деятельность А.И.Шегрена была направлена в значительной мере на изучение финских народов. Он первым выделил ингерманландских финнов как особую группу. Также Шегрен положил начало научному изучению истории, языков, традиционной культуры народов Северного Кавказа [Алиева, 2012: 453].

Первые конференции проводились ежегодно. После IV Чтений конференции стали проводиться один раз в два года. На конференциях обсуждаются вопросы, касающиеся Северо-Западного региона в целом.

I Шегреновские Чтения состоялись в 2006 г. и были посвящены 150-летию со дня смерти академика А.И.Шегрена. В ходе конференции была дана оценка творческого наследия Шегрена и его современников, а также финно-угроведов XX века.

II Шегреновские Чтения, проведенные в 2007 г., положили начало составлению «Этноконфессиональной карты Ленинградской области и сопредельных территорий». На обсуждение были вынесены вопросы истории изучения этнического и конфессионального состава населения; источники и современная историография; проблематика современного изучения этноконфессиональных общностей; история Церкви на Северо-Западе РФ; обсуждение проекта «Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Исторический атлас». В работе конференции принимали участие специалисты из Санкт-Петербурга и Новгорода.

III Шегреновские Чтения, которые проводились в 2008 г., продолжили изучение этноконфессиональной карты Ленинградской области и сопредельных территорий, значительно расширив круг участников. В работе конференции приняли участие специалисты различных научных учреждений Санкт-Петербурга, Петрозаводска и Финляндии. По результатам Чтений были водведены итоги многолетних исследований по картографированию лингвистических, этнографических

и историко-культурных данных. В представленных выступлениях были отражены такие важные направления, как опыт современного картографирования, историография и источники по этноконфессиональной истории и культуре Северо-Запада, рассмотрены вопросы феномена культурного пограничья.

IV Шегреновские Чтения состоялись в 2009 г. Тема конференции – «Историко-культурный ландшафт Северо-Запада». В работе Чтений принимали участие специалисты научных, культурных и учебных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Выборга, Литвы и Финляндии. В продолжение тематики предыдущих конференций обсуждались вопросы развития финно-угроведения в научных центрах Северо-Запада, современного изучения историко-культурного ландшафта региона; конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, миссионерство, характер и формы религиозности; новое в гуманитарных исследованиях историко-культурного контекста и личности. Особое внимание было уделено границе как социально-культурному феномену. В частности, рассматривались механизмы и условия формирования границ, фактор политической границы и историко-культурные судьбы пограничья.

V международные Шегреновские Чтения состоялись в 2011 г. и подтвердили верность теме: «Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 2». На чтениях присутствовало около 40 участников из России и Финляндии. Основной круг вопросов, затронутый на чтениях, – регионалистика, культура карелов, вепсов, финнов, населяющих современный Северо-Запад. Особое место в конференции заняли доклады, посвященные истории и культуре старообрядчества, игравшего значительную роль в жизни региона. VI Шегреновские Чтения, состоявшиеся в 2013 г., были заявлены как «Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3».

Традиционно Чтения открываются вступительным словом директора РЭМ В.М.Грусмана. В этот раз, на VII Чтениях, вступительное слово произнесла зав. отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики, д.и.н. О.М.Фишман.

В рамках VII Чтений предстояло обсудить следующие темы:

- регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: история и проблематика современного изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта;
- конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, взаимодействие Церквей, миссионерство, характер и формы религиозности;
- граница как социально-культурный феномен; механизмы и условия формирования границ; фактор политической границы и историко-культурные судьбы пограничья;
- региональные этноконфессиональные, этнолингвистические, этнофольклорные карты: инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия;
- историко-культурный контекст и личность: новое в гуманитарных исследованиях.

Соответственно все участники были распределены по 4 секциям.

Докладчики и диспутанты были не только из области гуманитарных, но и из естественных наук. Так, в секции «Регионалистика Северо-Запада

и сопредельных территорий: история и проблематика современного изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта» прозвучал доклад к.геогр.н., доцента Г.А.Исаченко «Сельские культурные ландшафты Северо-Запада Европейской России: существует ли будущее?», а также пленарный доклад зав. кафедры естествознания и географии, д.геогр.н. А.А.Соколовой «Дорожная сеть Северо-Запада России в системе конфессионального пространства».

География участников конференции охватила не только города России (Санкт-Петербург, Сыктывкар, Петрозаводск, Череповец, Вологда, Мурманск, Апатиты, Тверь, Устьянский район Архангельской области, Нижний Новгород, Великий Новгород, Кострома, Москва), но и зарубежные страны, среди которых Норвегия, Германия, Эстония, Финляндия.

Сотрудники ЦГП КНЦ РАН Е.В.Бусырева и А.С.Давыдова работали в секции «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: церковная и приходская жизнь, взаимодействие Церквей, миссионерство, характер и формы религиозности». В программе было указано 19 докладов, которые предполагалось выслушать за два дня, реальное количество участников было несколько меньше.

В первый день заседаний секции было выслушано 6 докладов.

О развитии почитания первых епископов пермских свв. Герасима, Питирима и Ионы в XVII-XVIII вв. рассказала директор Национального музея Республики Коми, к.и.н. И.Н.Котылева. Много вопросов вызвал доклад доцента кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, к.и.н. Н.В.Алексеевой «Покаянная практика в условиях провинциального города на Европейском Севере России в конце XIX – начале XX вв.». К.культ.н., доцент кафедры культурологии и педантропологии А.Ю.Котылев рассказал о модели преобразования культурного пространства в житиях русских святых-миссионеров (Леонтия Ростовского, Стефана Пермского, Трифона Вятского), а также представил свою монографию «Стефан Пермский и его время. Личность в эпоху Православного Возрождения XIV-XVI веков». Интересным показалось выступление к.и.н., зав. сектором истории ИЯЛИ КарНЦ РАН А.Ю.Жукова. Прозвучавший доклад носил название «Становление карелов-людиков в свете престольных праздников Онежско-Ладожского межозерья XVI-XVIII вв.».

Заседания второго дня начались с доклада м.н.с. ЦГП КНЦ РАН А.С.Давыдовой, которая выступила с докладом «Специфика православной традиции в этнографических источниках конца XIX – начала XX». Внимание исследователя было сосредоточено на трудах географов, геологов, этнографов, путешественников, посещавших Кольский полуостров во второй половине XIX – начале XX вв. Доклад вызвал интерес у собравшихся, после его окончания состоялась позитивная дискуссия. Основные темы, которые были затронуты в ходе дискуссии, касались современного религиозного состояния коренного населения Кольского полуострова – саамов. Присутствующим интересовала также современная религиозная ситуация, связанная с ростом количества православных институтов в Мурманской области.

О религиозной жизни селу Печорского района Псковской области в условиях антицерковной государственной политики 1950-1970-х гг. рассказала н.с. РЭМ О.В.Калинина. Оживленную дискуссию вызвал доклад к.философ.н., доцента РГПУ им. А.И.Герцена, президента Центра религиоведческих исследований «Этна» А.В.Гайдукова, который сообщил об особенностях локализации религиозных организаций в Ленинградской области. Исследование

было проведено в 2014 году. Основной круг вопросов к докладчику был связан с тем, что, по мнению исследователя, можно считать собственно религиозной организацией, может ли юридически не зафиксированная организация считаться таковой и т.д.

Докторант Института истории РАН, зав. кафедры истории церкви СПбХУ Т.К.Никольская продолжила тему религиозных организаций, повествуя об особенностях развития русского протестантизма на Северо-Западе в конце XIX-XXI вв.

В рамках заседаний секции второго дня также был заслушан доклад вед.н.с. Института истории РАН, д.и.н. В.И. Мусаева, прошла презентация его монографии под названием «Между Западом и Востоком: Православие в автономной и независимой Финляндии (1890 – 1930-е гг.)».

Е.В.Бусырева, м.н.с. ЦГП КНЦ РАН, выступила с докладом «История лютеранских приходов Мурманской области». В основу доклада легли материалы полевых исследований, семейные архивы информантов, а также материалы архива историко-краеведческого музея г.Полярный.

В третий день конференции работала одна секция «Региональные этноконфессиональные, этнолингвистические, этнофольклорные карты: инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия». Большой интерес вызвал доклад д.и.н., зав. отделом этнографии ИЯЛИ КарНЦ РАН И.Ю.Винокуровой «Банные ритуалы, связанные с рождением, здоровьем и смертью человека, в вепсской культурной топографии», который сопровождался интересной фото- и видеопрезентацией.

В конце последнего (третьего) дня конференции состоялась общая встреча участников, были подведены итоги конференции, прошла общая дискуссия. Особое внимание было посвящено проблемам и перспективам исследований Северо-Западного региона.

Важно отметить, что, по словам зав. отделом этнографии Северо-Запада России и Прибалтики, д.и.н. О.М.Фишман, в этом году усилено сотрудничество с Эстонскими коллегами. Действительно, в рамках конференции были заслушаны не только доклады коллег из Эстонии, но и состоялась презентация фильма «Lost tribe: a story about the lutsi estonias. Erm 2014». Фильм показали на эстонском языке с английскими субтитрами. Но поскольку эстонцы Латвии говорят по-русски, то все интервью звучали на русском языке, что позволило публике понимать происходящее на экране.

Яркое впечатление произвела презентация фильма «В поисках Родины. Ингермаландский излом». Она состоялась после работы всех секций, поэтому присутствовать могли все участники конференции. Фильм был снят киностудией «Этнос», автор сценария и режиссер – Н.С.Серебрякова. Этот фильм является продолжением фильма «Ингермаландские финны. Выбор судьбы?», повествующего об истории, вере, культуре, вере и трагической судьбе этого народа, живущего с начала XVII века на территории Ленинградской области. В фильме, показанном участникам конференции, представлены люди, которые считают, что только здесь, на земле, освоенной их предками, можно быть ингерманландским финном и оставаться народом, главными чертами которого всегда были труд, вера и преданность своей земле.

Литература

Алиева А.И. Академик А.И.Шегрен – основоположник российского академического кавказоведения // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. Ред. А.П.Деревянко, А.Б.Куделин, В.А.Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 452-457.

Сведения об авторах

Бусырева Елена Владиславовна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Давыдова Алена Сергеевна,

младший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона
Кольского научного центра РАН

Busyрева Elena,

Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities
of the Kola Science Centre RAS

Davydova A.S.,

Junior Research Fellow of the Barents Centre of Humanities of the Kola Science Centre RAS

Научное издание

ТРУДЫ
КОЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 7

Технический редактор В.Ю. Жиганов

Подписано к печати 29.04.2015

Формат бумаги 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times/Cyrillic

Усл. печ. л. 20.11 Заказ № 12. Тираж 400 экз.

Российская Академия Наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Кольский научный центр Российской академии наук
184209, Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14